

Ахмет Хатаев

БИТВА
НАД БЕЗДНОЙ

Ахмет Хатаев
Битва над бездной

«Пробел-2000»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Хатаев А. Ц.

Битва над бездной / А. Ц. Хатаев — «Пробел-2000», 2016

ISBN 978-5-98604-538-2

«Битва над бездной» – продолжение остросюжетного романа «Покаяние “Иуды”» о многоходовой операции советской контрразведки по срыву разведывательно-подрывных устремлений спецслужб западных государств против СССР в конце 80-х годов. В результате профессиональных действий контрразведчикам удастся ликвидировать разветвленную агентурную сеть противника в Москве–Белоруссии–Ленинграде.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-538-2

© Хатаев А. Ц., 2016
© Пробел-2000, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	17
Глава III	22
Глава IV	29
Глава V	38
Глава VI	53
Глава VII	58
Глава VIII	67
Глава IX	76
Глава X	84
Конец ознакомительного фрагмента.	99

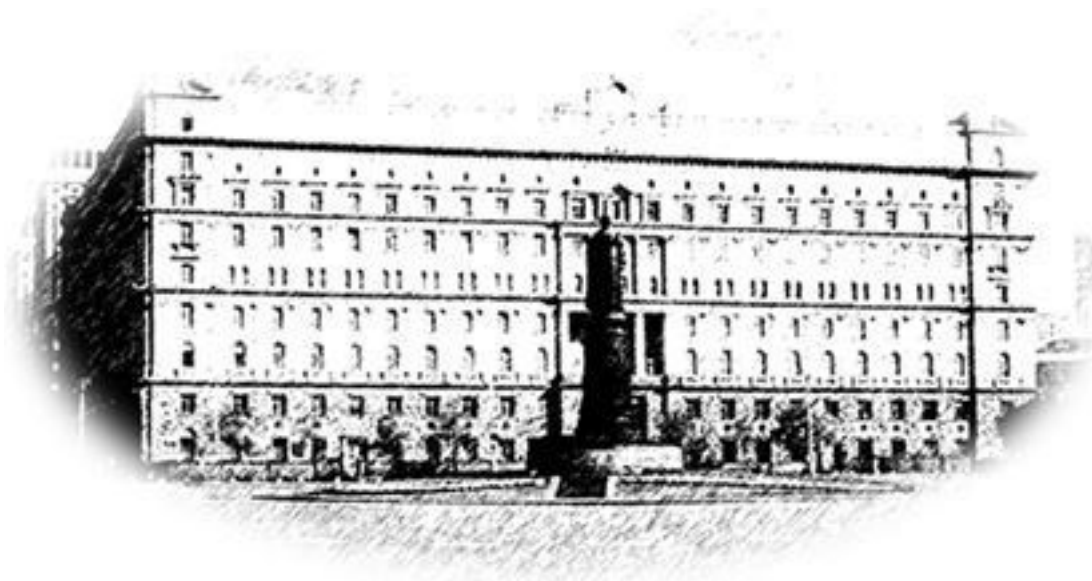
Ахмет Цуцаевич Хатаев

Битва над бездной

Величие победы измеряется степенью ее трудности
М. Монтень

© Хатаев А.Ц., 2016

Часть первая Западня резиденту

Глава I

Неожиданное включение бортового радио и прозвучавшее вслед за этим предупредительно-вежливое объявление стюардессы о необходимости пассажирам занять свои места, так как самолет приступает к снижению и через тридцать минут произведет посадку в аэропорту Внуково, вернуло Эди к ощущению реальности.

Далеко позади авиалайнера ТУ-134, несущегося к столице великого государства подобно серебряной стреле, выпущенной из лука мифического героя, остались воспоминания о недолгих днях, проведенных в санатории и дома. В иллюминаторе, словно в замедленном кино, проявились бесконечное синее небо и сверкающий неповторимой белизной в лучах склонившегося к закату солнца океан кучевых облаков.

«Во как мысли увлекли, что эту красоту не замечал, – удивился Эди, вплотную приблизив лицо к стеклу иллюминатора. – Так и есть, пейзажи крымского моря и впечатления от встреч с друзьями застлали собой простирающуюся за бортом сине-белую вечность», – заключил он, наблюдая за тем, как самолет стал погружаться в молочно-белый океан, пронзая облачную толщу.

Мимо иллюминатора с невероятной скоростью понеслись потоки бело-серой пены, оставляя на стекле еле заметные струйки влаги, которые под натиском воздушных вихрей каждые доли секунды меняли свои конфигурации: то растекались дрожащей рябью, то вновь собирались в какие-то замысловатые фигурки...

Эди заинтригованно смотрел на эту мозаику, пытаясь уловить в ее повторяемости какую-то закономерность, но ничего из этого не получалось: каждый раз струйки вели себя иначе, чем секундой раньше.

«Как бы то ни было, вихрям не удастся сорвать их со стекла, – восхитился он. – Вот так и настоящий человек держится за свою землю, не дает унести себя вихрям судьбы в космос людской вселенной, держится, невзирая ни на что. Правда, много делает и такого, чем вольно или невольно разрушает связь с нею, отрываясь от родительского крыльца, а то, случа-

ется, и от родины. Ведь не случайно же в народе говорят, что где родился, там и пригодился. Правда, в наше скоротечное время человеку не удастся строго следовать этому неписаному правилу. Но следовало бы. Проку от такого человека было бы больше, чем от постоянно мечущегося по свету. Да и много глупого он не делал бы, наперед зная, что это станет известно его близким и друзьям, не говоря уж о целом народе. Вот и я сейчас несусь в столицу, когда мог бы побыть рядом с больной матерью, поддержать ее словом и делом, но обстоятельства заставляют. Обстоятельства, вызванные человеком, который предал родину, отказался от связи с отчим домом, поставил под удар безопасность страны, которая переживает очередной непростой этап в своей тысячелетней истории. Непонятно только, почему именно с ней происходят такие сложности. Не потому ли, как говорили классики, что ее правители оторвались от исконно национальных истоков, народной самобытности в угоду не имеющим перспективы на одной шестой части земли утопическим идеям. Очевидно, где-то эти утопии и приживаются, дают ожидаемые всходы. Несомненно, есть страны, где кусок хлеба или дары недр, вернее будет сказать – дары матушки-земли, распределяют между гражданами по совести.

Конечно, российская история, по меткому выражению великого Пушкина, требует особой мысли, другой формулы гармонизации человеческих отношений в смысле устройства своего дома и своей жизни, а не копирования чужого опыта. О-о! О чем это я?! Надо же, в какие дебри занесло. Для обычного подполковника госбезопасности замысловато получается. Но что поделать, если мысли сами по себе возникают и оформляются в невысказанные слова, рвутся наружу, чтобы выстроиться в логический ряд. Думаю, все это из-за желания понять и попытаться объяснить, по крайней мере, хоть себе, что происходит со всеми нами. Ведь в таком же положении находятся и другие мои коллеги, надо полагать, и они задаются теми же вопросами, что и я, но сказать вслух об этом не решаются. И все потому, что нельзя. Вон даже Иванков на последней встрече в сердцах бросил, что перестройщики упрекают Лубянку в медленном восприятии принципов гласности и нового мышления. Он зампред, и то говорит намеками, осторожничают. Знает, наверно, что небезопасно подвергать сомнению решения венценосных особ. Конечно, бузуритовы сразу же попытаются смять таких сомневающихся и выбросить из системы с вытекающими отсюда последствиями. Кто тогда будет защищать страну от внешних врагов и своих доморожденных упырей? Прав Водопьянов, когда говорит, что большинство людей во власти пропитались торгашеской психологией и безразличием к интересам страны. По такому же поводу, кажется, еще в те далекие времена сокрушался и пушкинский старик Державин в стихотворении «Властителям и судиям». Надо бы сегодняшним авторам нового мышления напомнить его слова о том, что «Ваш долг – спасти от бед невинных, Несчастливым подать покров, От сильных защищать бессильных, Исторгнуть бедных из оков. Не внемлют! Видят – и не знают! Покрыты мздою очеса, Злодейства землю потрясают, Неправда зыблет небеса...».

Удивительно, как современно это звучит, особенно притом, что происходит повсеместно в стране. Неужели эти перестройщики не знакомы с послевоенной директивой Совета национальной безопасности США в изложении их бывшего главного разведчика Даллеса об американской доктрине против СССР? Вряд ли, такого просто не должно быть! Хотя, кто его знает, может, им некогда было прочесть этот документ или со временем забыли за высокопарными словесами о достижениях, подвигах и перспективах. В любом случае непонятно, что происходит наверху иерархической лестницы власти. Судя по всему, Иуда больше осведомлен о наших делах, нежели чекисты, а это все оттого, что нам запретили работать по так называемой партийной элите, объяснив это высшими интересами страны и общества. А зря, не рядовые же партийцы... О-о! Тобой, товарищ подполковник, вновь овладели аполитичные мысли, оставь их и думай о поимке шпионов, иначе действительно окажешься в немилости бузуритовых. Не обращай внимания на то, что под видом борьбы с пьянством вырубili все виноградники, из

каких-то других соображений оголили прилавки магазинов, и это при забитых всевозможными товарами и продукцией базах и складах...».

Но очередное включение радио и уже требовательный голос стюардессы: «Привести кресла в вертикальное положение и пристегнуться» – вновь вернули его к действительности.

Не успело радио, чвыркнув, умолкнуть, как вдоль рядов грациозно пошли длинноногие девушки в синей униформе, заученными движениями рук захлопывая отсеки для ручной клади, оставленные кем-то открытыми, и проверяя, все ли пассажиры выполнили прозвучавшие по радио требования. Убедившись, что все нормально, девушки, сопровождаемые внимательными взглядами встрепенувшихся мужчин, вернулись на свои места.

Тем временем самолет вырвался из облачного плена и полетел над открывшейся далеко внизу землей. Глазам тут же предстали обширные зеленые массивы лесов, коричневые заплатки полей с вросшими в них разноцветными кирпичиками домов, узкие серые линии дорог, петляющие между поселками, редкие голубые глади озер и синие ленты рек. Еще через какое-то время на горизонте показались дома огромного города – это была Москва...

Во Внуково Эди, как и было условлено, никто из московских коллег не встречал. Отменен был даже ранее обговоренный вариант с «такси» Володи Минайкова, так как с большой долей вероятности допускалось, что люди Моисеенко будут отслеживать его прибытие в столицу прямо с аэропорта. На эту мысль контрразведчиков навел звонок Марка на подставную квартиру Эди в Грозном, чтобы выяснить дату и рейс его прибытия в Москву. Естественно, такая информация тому была дана, но это заставило московских контрразведчиков отказаться также от участия в размещении Эди в гостинице, чтобы исключить случайную утечку информации о чем-то содействии ему в этом деле. Сочли лишь возможным обеспечить контрнаблюдением, чтобы выявить осуществляющих за ним слежку сотрудников резидентуры противника.

По прибытии в аэропорт из зала ожидания Эди созвонился с Еленой и, дождавшись на стоянке очередного такси, поехал в Кунцево.

«Еще не хватало носиться по ночным гостиницам и уговаривать тамошних несговорчивых администраторов приютить на ночлег, – рассудил Эди, садясь в машину, предварительно положив на заднее сиденье свою походную сумку. – Они же не дадут хорошего номера без брони, конечно, если не предварить просьбу презентом, – улыбнулся он, вспомнив, как устраивался в «Россию» в свой первый приезд из Минска. – К тому же надо прояснить ситуацию с Еленой не у Артема или Володи, а у нее самой, так будет верней. Завтра же можно будет и гостиницей заняться», – заключил он, поудобнее устраиваясь на штурманском месте почти новой ГАЗ-24.

По дороге в город Эди разговорился с таксистом, мужчиной лет тридцати, и рассказал ему о своей проблеме с гостиницей. На что тот заметил:

– Да хоть в цековскую могу за хороший куш.

– Прямо уж в цековскую?

– Дорогой товарищ, за деньги сейчас можно хоть в этот самый их Це-Ка пристроить, не то что в гостиницу, – ощерился таксист, бросив на Эди изучающий взгляд, пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова на пассажира.

– Туда не надо, а вот если бы завтра в какую-нибудь центральную гостиницу, да и в хороший номер, я кое-что...

– А сколько будет весить твое кое-что? – не дал ему договорить таксист.

– Назовите свою цену, а я посмотрю, осилю или нет, – ответил Эди, улыбнувшись.

– Червонец потянешь?

– Потяну, если будет люкс.

– Так и быть – люкс в «Метрополе» или «России», там у меня все схвачено, так как не впервой такие задачки решать.

– Лучше в «Метрополе», но только завтра.

- А почему не сейчас?
- Обещал другу в Кунцево заехать.
- А-а, знаю я вас, наговорите с короб и в кусты, потом поминай как звали.
- Зря вы так, я серьезно, но насчет кустов мне понравилось, – усмехнулся Эди.
- Ха-ха, можно и завтра, только скажи, куда и когда подъехать?
- Я покажу, когда доберемся до места.
- Ха-ха, не передумаешь, бензин-то недешевый?
- Не передумаю, но, чтобы вы не сомневались, дам задаток.
- О-о, тогда сработаемся, – вновь ощерился таксист. – Это по-нашему. Да, а как тебя зовут?
- Эди.
- Я Антон, будем знакомы.
- Будем, – улыбнулся Эди, глядя на то, как оживился таксист.
- Ты молодец, конкретный парень.
- Вижу, в этом мы похожи.
- Вроде да, но только не пойму, чего ты все выкаешь на меня, – хихикнул таксист.
- Это привычка, не приучен так с ходу переходить на «ты».
- Ха-ха, по виду вроде не интеллигент, а выкаешь.
- Я наукой занимаюсь.
- А-а, я подумал спортсмен, фигура, понимаешь, выдает.
- Спортом тоже занимаюсь.
- А чего в Москву?
- Надо в архивах поработать, я историк.
- Историк, говоришь? Скажи тогда, а как получается, что семьдесят лет шли в одну сторону, а теперь говорят, что не так шли, мол, надо менять направление?
- Антон, это не история, это политика, – пояснил Эди.
- Для меня что политика, что история – один черт, – ухмыльнулся тот. – Главное, понять бы, что моя семья будет иметь от этой самой перестройки и гласности. Будет жить лучше или по-прежнему колбасу и водку с задков покупать.
- То есть как с задков? – сделал вид, что не понял собеседника, Эди.
- Ты что, из космоса, что ли? – вновь ощерился таксист. – С задков – значить с задков, а не со стороны пустых прилавков. Думаешь, я тебе гостиницу буду делать, говоря администратору, мол, посочувствуй нашему историку или дай ему люкс за красивые глаза или бицепсы? Шишки, как раз с тех самых задков и зайду с магарычом.
- Теперь все понятно, это как у Райкина с дефицитом и завбазой получается, – широко улыбнулся Эди.
- О-хо-хо, ты думаешь, Райкин это из своей кучерявой головы взял? – бросил таксист, оторвав взгляд от дороги и вновь изучающе посмотрев на пассажира.
- А что – нет? – удивился Эди, чтобы подзадорить таксиста своей неосведомленностью.
- Конечно нет, он все это с нашей непутевой жизни копировал.
- Почему сразу непутевой? Разве в ней мало здравого и такого, чем мы гордимся. Вот, к примеру, тот же космос, о котором вы говорили, – легко возразил ему Эди в надежде, что тот начнет аргументировать свою точку зрения о происходящих в стране преобразованиях.
- Космосом и ракетами желудок не наполнишь, – сухо обронил таксист.
- Зато страну от врагов защитишь, – отпарировал Эди, глядя на то, как заходили желваки у Антона.
- Так-то оно так, но как бы эти барчуки не продали с задков наш космос и ракеты. Уж очень прыткими они стали, коммерсанты хреновы.

– Партия не позволит, – заметил Эди, сделав для себя вывод, что таксист имеет свою точку зрения на дела партии.

– Партия, говоришь? Партия, дорогой товарищ, тоже разная. Вот мой батя, бывший метростроевец, в партию вступил в сорок первом и всю войну прошел в пехоте, был несколько раз ранен. Сегодня живет на сухом пайке и лекарствах, которые приходится с боем выколачивать у других партийцев, обрюзгших на дармовых харчах. Так что еще надо понять, какая часть партии не позволит, – раздраженно выпалил Антон, сжав руль крепче прежнего.

– Поживем – увидим, думаю, все-таки партия разберется, как не раз бывало, и не позволит, – с уверенностью в голосе произнес Эди, отметив для себя, что таксист ему понравился своей открытой и мужественной гражданской позицией. Он, конечно, во многом был согласен с ним, но признаваться в этом по известным причинам не мог.

– Дай-то бог, но что-то не верится, ведь все хуже и хуже становится, – в прежнем тоне сказал таксист.

– Антон, а чего сердитесь-то? У вас же вроде все нормально, – заметил Эди.

– Как не сердиться, если мне, чтобы прокормить семью, приходится круглые сутки баранку крутить, а эти, что в задках, вместе со своими покровителями жируют...

За такими разговорами они незаметно добрались в Кунцево, а там и до нужного дома.

Эди расплатился с Антоном сверх счетчика, дал аванс под завтрашнюю работу и предложил подъехать к двенадцати часам. Удовлетворенный его щедростью, таксист тут же оторвал от путевого листа уголок и, что-то написав на нем, вручил Эди со словами:

– Возьми на всякий случай, здесь мой домашний телефон.

– Есть сомнения, что завтра сможешь подъехать? – спокойно спросил Эди, засунув бумажку с номером в карман, предварительно окинув его быстрым взглядом.

– Нет, это чтобы ты не сомневался.

– Даже в голову ничего подобного не пришло. Уверен, что такой парень не подведет.

– Спасибо. Антон Воронин никогда и никого не подводил, буду вовремя, – отчеканил тот и уехал, а Эди, закинув за спину свою походную сумку, направился в подъезд.

Елена была счастлива его приходу. Она еле дождалась, когда он закроет дверь, и прильнула к нему со словами:

– Я так соскучилась, прошу, не оставляйте меня надолго, я не переживу этого.

– Елена, так надо было, – промолвил он в ответ и нежно обнял ее за тонкую талию.

– Понимаю, но сердце не слушается меня, оно сильнее моего рассудка.

– И все-таки нужно научиться уговаривать его, и оно обязательно станет послушным, – улыбнулся Эди и легонько за руку потянул Елену на кухню. – Пойдемте, я чувствую ваш фирменный кофе.

– Лучше туда, я очень соскучилась, – улыбнулась она, показывая другой рукой на дверь своей комнаты, – кофе потом угощу.

Эди ничего не оставалось, как последовать за ней, решив, что попросит Володю вырезать эту часть аудиозаписи из сводки технарей. О том, что спальня Елены не оборудована видеонаблюдением, он еще не знал. Но, увидев, как Елена подошла к тумбе и включила магнитофон с записями песен Высоцкого, лишь улыбнулся. «Надо же, и это предусмотрела, молодец, ее можно будет в скором времени озадачивать по Моисеенко», – обрадовался он.

– Вам нравится? – спросила Елена, развернувшись к Эди.

– Да, у меня тоже есть такие, – ответил он, заглянув ей в глаза.

– Вы считаете меня легкомысленной? – прошептала Елена, прижавшись к нему.

– Нет, нет, что вы... – начал было успокаивать ее Эди, помнящий вычитанные им еще в студенческие годы слова Шекспира о том, что чем страсть сильнее, тем печальнее бывает у нее конец.

– Легкомысленна, легкомысленна, а все потому, что люблю без ума, – прервала она его. И тут же сквозь слезы продолжила: – Пожалуйста, не осуждайте меня, я не могу иначе, она сильнее меня. Мне там говорили, что должна научиться, когда это необходимо для дела, отказываться от многого, чего хочу. Приводили различные примеры. Знайте, я готова к этому, но только пусть не требуют отказаться от вас. Пожалуйста, любите меня, любите, и я буду сильной.

Эди вновь попытался сказать что-то из ранее задуманного, но непослушные губы прошептали, что она божественна... и волнами ее обжигающего дыхания он был унесен в глубины моря страсти...

Позже, легко перекусив и облачившись в спортивную одежду, они пошли прогуляться. Воздух еще был теплым, но постепенно свежел под шелест тополиных ветвей, медленно гнущихся от несильных порывов верхних ветерков. Тускло светили фонари на столбах, отбрасывая тени ветвей на стены домов, на асфальт и тротуары.

Елена шла рядом, держась за его локоть. Разговаривали они вполголоса, чтобы не привлекать к себе внимания редких встречаемых. Елена рассказала о том, что после возвращения из Подмосковья всю неделю пробыла дома за книгами, готовясь к занятиям, а Эди – о том, как провел время на море и дома, а также о своем полете в Москву и новом знакомом таксисте.

Она внимательно слушала его рассказ, иногда уточняя детали, особенно касающиеся времени пребывания того на море. В один из таких моментов, несколько напрягшись, Эди почувствовал это по тому, как она крепко прижала к себе его локоть, неожиданно спросила:

– Там была женщина, с которой вы проводили время?

– Елена, о чем вы, я же не... – начал он объяснять.

– Пожалуйста, извините, – прервала она его, – я, как все влюбленные, глупости говорю.

– Елена, вы забыли наш минский разговор и свое обещание, – осторожно напомнил ей Эди.

– Не забыла, дорогой папин друг, – промолвила она, – просто мне хотелось услышать от вас, что думали обо мне и скучали. Мне очень хочется, чтобы так было.

– Я помнил и скучал, вас невозможно забыть. Но и вам надо помнить, что по роду работы мне приходится общаться со многими людьми, в том числе и женщинами, – нежно пояснил Эди.

– Как со мной? – потянувшись к его лицу, чтобы видеть глаза, спросила она.

– Леночка, как с вами – нельзя, это противоречит чекистской этике. Не стану скрывать, в мои планы не входило иметь с вами интимные отношения.

– Эди, спасибо за откровенность, – промолвила Елена, а затем, после короткой паузы, в течение которой по всей вероятности о чем-то размышляла, шепотом спросила: – Надеюсь, не станете из-за этой глупой этики отказываться от моей любви?

– Леночка, вы мне очень нравитесь... – начал Эди.

– Знаю, я же божественна, – весело прервала она его.

– Вы это знаете, – продолжил Эди, не отреагировав на ее последние слова. – Но не надо забывать, что мы с вами будем выполнять очень тонкую работу, и чувства не должны этому мешать.

– Но как они могут мешать? – удивилась Елена.

– Часто они притупляют остроту восприятия того, что происходит вокруг нас, да и с нами. При выполнении той работы, которую предстоит делать, соприкасаясь с опытным противником, на первом месте должны быть свободные от эмоций рассудок и анализ, анализ и рассудок, тогда мы выиграем предстоящую схватку. И ваш отец будет очень доволен своей дочерью.

– Эди, я уже не та студентка, которая еще недавно на жизнь смотрела сквозь розовые очки. То, что пришлось пережить за последние несколько недель, а также минские уроки и

курсы не прошли бесследно. Прошу, не сомневайтесь, я все сделаю как надо, – вполголоса, но твердо сказала Елена.

– Не сомневаюсь. Но все-таки хотел услышать от вас именно такие слова, – улыбнулся Эди, – к тому же и посердить немного, чтобы представить, в каком тоне будете говорить с нашими оппонентами, если они заденут вас за живое.

– Ну и что, остались довольны или еще раз повторить? – спросила она, подняв на него колючие глаза.

– Не надо, я все понял, – сказал он и тут же без паузы добавил: – Но должен заметить, что эмоции опять взяли верх над рассудком.

– Вот наберусь опыта, и тогда будет иначе, – в тон ему ответила Елена, а затем неожиданно продолжила: – Почему вы не спрашиваете, что я там делала, ведь наверняка хотите знать?

– Вы правы, действительно хочу знать все, что связано с вами, – произнес он в ответ и нежно коснулся ее руки.

– Я тоже, насколько это возможно, – сказала Елена и спустя какие-то секунды продолжила: – Понимаете, даже не представляла, что такое может быть.

– У вас была индивидуальная подготовка, но она еще не окончена.

– А нельзя было сразу все пройти?

– Нет, о вас уже на второй день стал спрашивать Моисеенко, мол, где и как с нею увидеться. Пришлось солгать, что вы уехали к родственникам погостить. Так что пока надолго отлучаться из Москвы нельзя. Кстати, надо быть готовым к тому, чтобы при необходимости пояснить, к каким родственникам уезжали.

– Он что настолько глупый, чтобы молодой девушке такие вопросы задавать, – хихикнула Елена. – Я ничего не буду объяснять, лишь спрошу, а с чего он интересуется моей личной жизнью. Полагаю, что этого на первый раз будет достаточно.

– На первый раз вполне, – согласился с ней Эди, отметив для себя: «Молодец, у нее хорошая реакция, надо ее развивать на практических примерах».

– На другие разы придумая еще чего-нибудь, – сквозь легкий смех вымолвила Елена.

– Не сомневаюсь, что так оно и будет, – сказал Эди, – но все-таки рекомендую с Моисеенко быть внимательной, чтобы не давать ему повода для новых вопросов, отталкиваясь от ваших же ответов. Помните встречу с ним у вас на квартире?

– Еще бы, он тогда целую кучу вопросов о Юре и Мише задал, а сам пронзал меня своими колючими глазами, будто пытаюсь в чем-то уличить.

– Он и на самом деле хотел получить хоть самую ничтожную зацепку, указывающую на то, что эти ребята могут быть связаны с органами госбезопасности.

– Но, слава богу, я не сдрейфила и не начала что-то невнятное лепетать. Честно скажу – помогла ваша и папина учеба. Сейчас в один момент отбрила бы его. У меня после курса еще большая уверенность появилась.

– Елена, вы только не горячитесь насчет ваших новых познаний. Надо понимать, что вы освоили пока только азы тайной работы.

– Об этом же говорил и тот парень, который приезжал за мной.

– Как его звали?

– Володя, это таксист, что нас возил.

– Что еще он говорил?

– Больше молчал, но перед тем, как высадить из такси, сказал, чтобы я о папе и о вас ни с кем не разговаривала и ни с кем не встречалась.

– А попытки были?

– Сафинский дважды звонил, спрашивал, все ли у меня нормально и может ли он чем-нибудь помочь, пытался убедить, что он не имеет никакого отношения к тем типам, которые напали на вас. Но я дала ему понять, что не хочу с ним общаться, и он вроде отстал.

– Может быть, не надо было отбивать, – заметил Эди, внутренне улыбнувшись тому, что позаимствовал термин из словаря Елены, – а вдруг смогли бы что-нибудь узнать о его планах? Его планы – это планы стоящих за ним людей.

– Это Андрея Ефимовича, что ли?

– Его тоже, – пояснил Эди.

– Но сказано было, чтобы я ни с кем не общалась, – удивилась Елена.

– Молчаливым таксистом? – иронично спросил Эди.

– Эди, я кажусь такой глупышкой? – усмехнулась она, легко толкнувшись в него плечом.

– Ну что вы... – начал было Эди.

– Вот и я о том же. Он не простой таксист. Он человек, который вместе с вами отвез меня в секретный центр, а потом забрал оттуда. Так что с ним все ясно – Володя ваш коллега, только прикидывается таксистом.

– Молодец, Елена Александровна, вы быстро учитесь и вообще сейчас были очень убедительны, – прошептал ей на ухо Эди.

– Я стараюсь, я хочу научиться, чтобы, как это говорила моя наставница, срывать замыслы нашего противника, – неожиданно посерьезневшим голосом промолвила она. Затем, после короткой паузы, продолжила: – Теперь лучше понимаю, отчего папа не рассказывал нам с мамой о своей тайной работе.

– Вы правы, тайная работа требует выдержки и умения хранить как свои, так и чужие секреты, – согласился с нею Эди, представив на миг, каким страшным моральным и психологическим ударом явилась бы для Елены правда об отце-предателе и убийце ее матери.

– Мне многое стало понятным в поступках некоторых людей, которые окружают меня.

– И действительный интерес Сафинского к себе? – спросил Эди, прогнав мысль об Иуде.

– Да. И то, почему вы оберегали меня от него.

– Но не станете же другим говорить о своих догадках?

– Нет, просто буду знать и учитывать, если придется когда-нибудь встретиться.

– Разумно, тем более встречи могут быть и не только с ним.

– Думаю, в первую очередь с Андреем Ефимовичем, этим лысым и жирным хитрецом, – хихикнула Елена.

– Хорошо подмечено, – улыбнулся Эди. – Что еще могли бы о нем сказать?

– Если бы не знала о вашем интересе к нему и портфеле, который лежит в шкафчике на балконе, то решила бы, что он просто добродушный толстячок. Но, зная об этом, могу сказать, что Андрей Ефимович является опасным человеком.

– Вы правы, он с вашей помощью будет пытаться решать некоторые свои задачки, но об этом поговорим позже.

– Почему не сейчас, пока идем к дому.

– Лучше за чашкой чая, разговор-то будет длинный. К тому же мне надо позвонить товарищу и сообщить, что я вернулся.

– Он знает, что вы у меня?

– Нет, но надо сказать, чтобы не волновался.

– Собираетесь переехать в гостиницу?

– Да, завтра, если не будете возражать, поедем вместе.

– Жаль, я надеялась, что ваша новая легенда как-то связана с проживанием у меня, – вопросительно промолвила Елена.

– О-о, слышу профессионала, – заметил Эди.

– В какую? – спросила она, не обратив внимания на его слова. По всему было заметно, что эта новость ее расстроила.

– Еще не знаю, новый знакомый таксист занят решением этого вопроса. Он завтра к двенадцати подъедет и скажет.

– Среди студентов это называется – развести лоха, – съязвила Елена.

– В данном случае вы ошиблись, я говорю сухую правду.

– И я должна в это поверить, – легко дернув его за локоть, прошептала Елена.

– Завтра сами убедитесь.

– Хорошо, но только я у этого таксиста напрямую спрошу, в каком он звании.

– Вот этого делать нельзя, – серьезным голосом заметил Эди. – Можете все испортить. И вообще прошу иметь в виду, что все новые знания о тайной работе вам даются для того, чтобы вы могли использовать их при выполнении конкретных заданий. Проявлять эти знания вовне – непрофессионально и может привести к расшифровке. У Володи же не стали спрашивать ни о его звании, ни о том, где он работает, но для себя сделали правильные выводы. Вот это профессионально.

– Эди, с вами надо ухо остро держать, ничего не прощаете, – как-то растерянно заметила Елена.

– Леночка, я пытаюсь кое-чему научить вас, – сказал Эди и, наклонившись к ней, поцеловал в губы.

– Это был самый прекрасный поступок с вашей стороны за все время прогулки, – прошептала она.

– Учусь слышать голос сердца, – улыбнулся ей в ответ Эди.

– Вы просто молодец, сначала бросаете в холод, а потом отогреваете, так можно меня в булат превратить. Не хотелось бы, я все-таки женщина.

– Леночка, вы не просто красивая, но и умная девушка, которая должна противостоять серьезному противнику, – в очередной раз прошептал ей на ухо Эди и потянул на себя дверь в подъезд.

Через пять минут они были в квартире.

Елена, дождавшись, когда Эди закроет дверь на замок, чмокнула его в щеку и, бросив на ходу:

– Это за ваши слова о красивой и умной девушке, – направилась на кухню, а он, убедившись, что дверь на балкон и в гостиную плотно прикрыты, вернулся в коридор и, сев на стульчик у шкафчика, набрал телефон Володи Минайкова.

– Охо, слышу до боли знакомый голос, – послышалось в трубке. – Наконец-то объявился, я уже начал подумывать, что море тебя окончательно увлекло и ты забыл о своем каратэ.

– Как можно, я им живу, даже подумываю, а не открыть ли мне здесь школу, – рассмеялся Эди в трубку.

– Уж не хочешь ли на нары по примеру таких открывателей.

– Мне и минских нар вполне хватило.

– Это радует, тогда потренируемся вместе, – бодро произнес Володя, убедившись, что действительно разговаривает с Эди, и продолжил: – Ты где остановился и какие на завтра планы?

– На квартире у друга, завтра к обеду поеду устраиваться в гостиницу.

– В какую?

– А это как получится, правда, таксист, который подвозил меня, обещал помочь с «Метрополем», у него там вроде все схвачено, – пояснил Эди, при этом не забыв назвать его данные, чтобы Володя смог установить и проверить по учетам.

– Будем надеяться, что он не обманул.

– Я позвоню, когда определюсь, тогда и решим, где потренироваться, – произнес Эди и вернул трубку на аппарат.

– Закончили? – спросила вышедшая в коридор Елена.

– С коллегой да, теперь попробую с вашим благодетелем связаться, – улыбнулся Эди, набирая домашний номер Моисеенко.

На другом конце трубку подняли только после шести длинных гудков вызова и специфического щелчка определителя номера телефона звонящего. Послышался вкрадчивый женский голос:

– Алло, вас слушают.

– Добрый вечер. Это квартира Андрея Ефимовича? – вежливо спросил Эди.

Вместо ответа да или нет, женщина изрекла:

– Кто вы и чего хотите?

Эди назвался и пояснил, что обещал позвонить Моисеенко, когда будет в Москве.

После небольшой паузы женщина заученно промолвила:

– Его сейчас нет, когда вернется, я ему скажу о вашем звонке.

И сразу же в трубке послышались короткие гудки.

– Надо же, говорила почти механическим голосом, можно подумать, что я не домой, а в его приемную попал, – поделился Эди с Еленой своим впечатлением от общения с незнакомкой.

– Это, наверно, домработница, сейчас это входит в моду у состоятельных москвичей, а он, надо полагать, является таковым, – предположила она.

– Вполне возможно, но в прошлый раз отвечали вежливо, – заметил Эди, поднимаясь навстречу Елене. При этом в голове мелькнула мысль: «Не дай бог, моя «сестра» на подставной квартире в Грозном станет так же холодно отвечать на звонки Моисеенко или Марка – у них сразу могут возникнуть вопросы. Надо будет подсказать, чтобы ее голос был по-домашнему уютным».

– А не допускаете, что это могла быть и жена Андрея Ефимовича, но только отчего-то сердитая на своего мужа? – улыбнулась Елена.

– О-о, в таком случае я ему не завидую, – сыронизировал Эди. – Остается надеяться, что она все-таки расскажет о моем звонке.

– Расскажет, даже не сомневайтесь, ведь ссора между супругами недолговечная штука. Вон мои родители, интеллигентные люди, а иногда так задирались по всяким пустякам, что неделями не разговаривали, – с грустью в голосе промолвила Елена.

– А потом жили душа в душу, – продолжил Эди.

– Откуда вы знаете, наверно папа рассказывал? – удивилась она.

– Не рассказывал, просто я знаю, что ссориться и мириться – это свойственные природе людей явления.

– Надеюсь, к нам это не относится? – промолвила Елена, приблизившись к Эди.

– Нам не положено, Леночка, ссориться, ведь вы умная девушка и все прекрасно понимаете, – произнес он, заглянув в ее широко раскрытые глаза.

– Я буду стараться, – сказала она и, взяв за руку, повела на кухню.

За чаем Эди, предварительно включив радио, рассказал Елене о некоторых деталях предстоящей работы против Моисеенко и линии поведения при общении с ним.

Елена слушала внимательно, забыв о своем чае, иногда задавала уточняющие вопросы. И когда Эди еще раз обратил ее внимание на то, что кроме Моисеенко в поле ее зрения могут оказаться и рекомендованные тем люди, неожиданно спросила:

– Эти люди уже известны?

– Есть и такие, но о каждом из них поговорим по мере необходимости.

– Не лучше ли о них заранее знать, вдруг кто-то неожиданно окажется рядом?

– Не будем без надобности загружать вас излишней информацией. Она может сыграть плохую услугу. Разве наставница не говорила вам о таких вещах?

– Говорила, что проявление мной вовне специальных знаний, которыми я по всему не должна обладать, могут явиться признаком принадлежности к компетентным органам, – заученно отпартовала Елена.

– О чем и речь, поэтому будем двигаться вперед осторожно, шаг за шагом.

– А встречи с Моисеенко наедине исключаете, полагая, что он может обидеть меня? – улыбнулась Елена.

– А разве наставница не приводила вам примеры того, как спецслужбы применяют спецсредства для развязывания языка? – вопросом на вопрос ответил Эди.

– А-а, вот вы о чем, – промолвила она.

– Поэтому с этими людьми, а не со мной, надо ухо держать востро...

Вот в таком ключе они проговорили около часа, а потом, согласовав возможный диалог, пошли на балкон, поближе к портфелю Моисеенко. Для полноты эффекта следовало вознаградить его ожидания.

На балконе Эди продолжил вроде прерванный переходом туда рассказ о том, как провел время дома, о своей работе над монографией, тренировках и необходимости устраиваться в гостиницу. Елена предложила жить у нее, но Эди объяснил, что ему надо быть поближе к архивам и библиотекам, а встречаться они смогут на квартире или в гостинице. С такими доводами Елена в итоге согласилась, и через пятнадцать-двадцать минут они вернулись на кухню.

– Вы полагаете, что он мог нас слышать? – спросила Елена, остановившись у окна.

– Сам нет, но ему передадут те, кто контролируют микрофон, – пояснил Эди, подходя к окну. – Вопрос лишь в том, насколько скоро это произойдет.

– Может быть, эти контролеры уже забыли о своем бесполезном микрофоне, ведь прошло немало дней? – высказала сомнения Елена.

– Такого не бывает, – улыбнулся Эди, – кто-то наверняка ожидал, когда он оживет.

– Выходит, сегодня кому-то повезло, – хихикнула Елена.

– Да, если я не ошибся относительно этого портфеля.

– Как и мне? – прошептала она, прильнув к нему.

– Елена, нас могут видеть из окон дома, что напротив, а в нем живут ваши знакомые, – предостерег ее Эди.

– Пусть смотрят и завидуют моему счастью, – сказала она, обхватив его шею обеими руками...

Глава II

Неожиданно из коридора донеслись звонки телефона...

– Так поздно мне еще никто не звонил, – встрепенулась Елена.

– Скорее всего, это Андрей Ефимович, – спокойным голосом заметил Эди.

– Надо же, не дождался утра, – удивилась Елена.

– Мы же хотели с ним поговорить? – улыбнулся Эди и, легонько придержав ее за руку, добавил: – Действуйте, как договорились, никакой инициативы, лишь ответы на вопросы. – А затем, отпустив руку и следуя за ней в коридор, продолжил: – Волноваться не надо, я буду рядом. Для вас он обычный добряк, желающий помочь, и вы, естественно, ничего не знаете о его тайной жизни.

Тем временем Елена прошла к тумбочке с телефоном и села на стульчик. Затем, дождавшись, когда Эди прислонит к уху заранее приготовленное им ответвление от аппарата с принимающим микрофоном, подняла трубку и как-то напряженно произнесла:

– Ал-ло!

– Доброй ночи, это я, Андрей Ефимович, надеюсь, помните о нашей встрече с пирожками, – почти пропел тот в трубку.

– Ой, конечно, помню, как можно, вы такой внимательный и заботливый, – в тон ему ответила Елена, обратив при этом вопросительный взгляд на Эди, который тут же одобряюще кивнул ей, мол, все правильно делаешь. Это несколько успокоило ее, и она расслабленно прислонилась спиной к стене.

– Не для всех, милочка, но для вас я готов многое сделать, но об этом, если не возражаете, лучше при встрече, – важно произнес Моисеенко.

– Спасибо большое, но для меня главное, чтобы папа скорее вернулся домой.

– Понимаю, понимаю, вот как раз об этом и хотел поговорить, но, к сожалению, вас не так легко застать дома.

– Андрей Ефимович, всю неделю безвылазно находилась дома.

– А позапрошлую вас было не найти, – хихикнул в трубку Моисеенко.

– Ту, Андрей Ефимович, я посвятила душе, – прошептала Елена.

– А чего шепотом-то? – вкрадчивым голосом спросил Моисеенко.

– Это у меня что-то с горлом, наверно, мороженное, – будто растеряно промолвила Елена.

– Бывает, вы уж берегите себя, ведь нашему общему другу это может не понравиться, – вновь хихикнул Моисеенко, явно намекая на то, что он понял, отчего так внезапно она стала шепотом говорить.

– Постараюсь, – коротко ответила Елена и умолкла, словно смутившись от откровенного намека собеседника.

– Леночка, недавно с вашего телефона звонил наш общий знакомый. Скажите, он у вас? – неожиданно резко поменял тему разговора Моисеенко.

– У меня, но я не интересовалась, кому он звонил, – уже веселее промолвила Елена.

– Выходит, он не только мне звонил? А я думал, что, кроме меня и вас, у него нет друзей в Москве, – с нотками обиды промолвил Моисеенко.

– Не знаю, но звонил Эди всего один раз.

– О-о, я уже хотел было обидеться, что не мне в первую очередь. Скажите, он рядом с вами?

– Нет, на кухне, не может оторваться от моих фирменных кофе и пирожков, – пошутила Елена, бросив на Эди нежный взгляд.

– Кофе на ночь, но это вредно же, – озаботился Моисеенко.

– Возможно, но ему нравится.

– Ха-ха, не думает о своем здоровье.

– Этим добром природа не обделила его, – многозначительно промолвила Елена.

– Леночка, меня это очень радует, но я хотел бы узнать, чего он на ночь глядя звонил. Надеюсь, вы все-таки в курсе? – вкрадчивым голосом спросил Моисеенко.

– Откуда, если я только от вас и узнала, что он вам звонил, – произнесла Елена. – Может, позвать его и он сам обо всем расскажет?

– Леночка, тогда не торопитесь, я хочу еще чуточку с вами поговорить и кое о чем спросить, – почти пропел Моисеенко.

– Вы с ним друзья, а меня спрашиваете, – иронизируя, промолвила Елена.

– Золотце мое, надеюсь, мой друг этого не слышит? А то начнет ревновать, – ухмыльнулся Моисеенко.

– Я же сказала, он на кухне.

– Ему повезло, его любит та-ка-я девушка, кстати, об этом он сам мне доверительно сказал, – заговорщически произнес Моисеенко, после короткой паузы в том же тоне продолжил: – Скажите, а как он себя чувствует, что рассказывает о доме, не отвлекают ли друзья? Понимаете, беспокоюсь за него, ведь не часто в наше время встретишь такого целеустремленного молодого человека.

– Андрей Ефимович, а он любит только каратэ, – как-то даже резко бросила в трубку Елена, но затем, как бы справившись со своими эмоциями, уже спокойно, добавила: – Ему ничего, кроме истории и каратэ, не нужно.

– Леночка, спасибо, – глубоко выдохнув в трубку, промолвил Моисеенко. – Надеюсь, наш разговор останется между нами. Пусть не знает о том, что я настолько беспокоюсь за него. Вы поддерживаете меня в этом?

– Конечно, – согласилась Елена. – Остается позавидовать, что у него есть такой друг, как вы.

– Вы умница, чувствую, мы и с вами будем большими друзьями, – пропел Моисеенко и тут же попросил позвать к телефону Эди.

– Хорошо, Андрей Ефимович, сейчас оторву его от пирожков, пока он их все не слопал, – рассмеялась в трубку Елена и, аккуратно положив ее на поверхность тумбочки, отправилась на кухню якобы звать Эди, который молча последовал за ней.

Вернувшись через какие-то секунды к телефону, Эди произнес в трубку:

– Здравствуйте, звонил, как договорились.

– Привет, рад слышать, мне передали, я только вернулся с работы, понимаете, дела, – выпалил тот и тут же без всякой заминки продолжил: – Думал, вы сразу в гостиницу и оттуда свяжетесь.

– В Москве устроиться с нормальным номером да еще в центральной гостинице – целая проблема, поэтому напросился в гости к Елене.

– И правильно сделали, думаю, ее это не обременит.

– Вы правы, я этого не почувствовал.

– Вот и хорошо, тем более с гостиницами у нас действительно сложно.

– Сложно, да не всем. Мне один тип, что подвозил из аэропорта, обещал достать номер хоть в цековской общаге, – пошутил Эди.

– И кто этот всемогущий тип? – вкрадчивым голосом спросил Моисеенко.

– Вроде обычный трудяга – таксист.

– Может, он обычный кидальщик, которых нынче развелось немерено?

– Не знаю, но он произвел на меня положительное впечатление, – пояснил Эди, допускающий, что люди Моисеенко могли отследить маршрут такси Антона в Кунцево и его приветливое общение с ним при расставании.

– Дай-то бог, но время прояснит и это.

– Как бы то ни было, с гостиницей решу, как и в прошлый раз: червонец в паспорт и все вопросы снимутся с первого захода.

– Смотрите, среди гостиничных клерков могут находиться и такие, кто заявит на вас, и тогда будут проблемы, – как бы шутя предостерег его Моисеенко.

– Нет проблем, кореша в минской тюрьме научили меня, как действовать в таких случаях, – рассмеялся Эди.

– И что надо делать? – заинтригованно спросил Моисеенко.

– А ничего, просто нужно сказать, что в паспорте держал деньги на оплату гостиницы.

– И это срабатывает?

– Блатные убеждали, что на все сто.

– Что сказали? – растянuto переспросил Моисеенко.

– На все сто, – повторил Эди и тут же, поняв, что тот не вник в смысл произнесенной им фразы, добавил: – Иначе говоря, блатными это не подвергается сомнению.

При этом ему неожиданно пришла в голову мысль, а учился ли Моисеенко в советской школе, если он не знаком с таким словесным оборотом. В стране любой старшеклассник знает это словосочетание. Надо будет Артема попросить дополнительно проработать и эту линию биографии резидента. Да и самому попробовать проверить того на подобных вещах. Опытные шпионы, как правило, прокалываются на мелочах.

– О-о, теперь понятно, – произнес Моисеенко и после секундной паузы как ни в чем не бывало продолжил: – Если блатные настолько уверены, тогда все нормально. Тем не менее хочу, чтобы вы напрасно не рисковали, – менторским тоном произнес он и умолк.

– Спасибо за заботу, но я, особенно после минской тюрьмы, многое понял, – промолвил Эди, наблюдая за тем, как осторожно, чтобы не шуметь, к нему подходит Елена.

– Это радует, но не меньше радует и то, что поддерживаете дочь Саши. Вы просто молодец, что сразу к ней поехали. И вообще, девушке надо помогать, ведь ей без отца трудно приходится, да и, кроме того, в ее возрасте нужно, чтобы рядом всегда был надежный человек. Вы же понимаете меня.

– Андрей Ефимович, вы правы... – начал Эди, сделав попытку уступить Елене стульчик. Но она, улыбаясь, знаками усадила его на прежнее место и села к нему на колено.

– Дорогой Эди, не хотел говорить, но все-таки скажу, чтобы знали... Одним словом, Леночка ввела вас в заблуждение, когда говорила, что ездила к своим подмосковным родственникам.

– Вы думаете? – удивился Эди.

– Я не думаю, а знаю, что она где-то с кем-то душу отводила.

– Какой резон ей вводить меня в заблуждение? – недоуменно произнес Эди.

– О-о, понимаю по тому, как говорите, что она рядом. Просьба, не дайте ей почувствовать, что мы знаем о ее сердечных проделках, кажется, так это называется. Но знать, с кем имеем дело, не помешает. Ведь мы помогаем ее отцу и потому вправе рассчитывать на откровенность, а у нее какие-то тайны. Я это все к тому, чтобы вы были внимательны и не доверяли ей полностью.

– Честно говоря, мне неприятно это слышать, – расстроенным голосом промолвил Эди.

– Я прекрасно понимаю вас, но, пожалуйста, не пытайтесь выяснять отношения с ней, просто держите в памяти, что она с вами не откровенна, – посоветовал Моисеенко.

– Понял, – теперь уже уверенно сказал Эди.

– Прекрасно, – прервал его Моисеенко, – тогда дайте знать, когда решите вопрос с гостиницей, а там поговорим, что дальше делать. Да, заодно созвонитесь со своими минскими друзьями, надо будет туда съездить и прояснить ситуацию с нашими знакомыми, которым вы там помогали. Надеюсь, понимаете, о чем и о ком я речь веду? – не терпящим возражения голосом «выстрелил» в трубку Моисеенко.

– Понимать-то понимаю, но тон начальник – подчиненный не приемлю. Я вам об этом говорил, но вы тем не менее продолжаете пытаться командовать, – сухо ответил Эди.

Услышав эту тираду, Елена чуть было испуганно не вскочила с его колена, но он улыбнулся ей и, нежно обхватив свободной рукой за талию, удержал.

– Дорогой Эди, ради бога извините, – поторопился вставить свое слово Моисеенко, – видно, я еще не отошел от сегодняшнего совещания. Понимаете, пришлось буквально вдавливать прописные истины нескольким своим подчиненным, которые готовят экспонаты на Дамаскую ярмарку, и, видно, я еще нахожусь под впечатлением пережитых эмоций. Ну конечно, мы сначала переговорим, а потом уж с учетом вашего видения и интересов определимся относительно действий. Кстати, как вы отнесетесь к тому, чтобы попробовать вас включить в состав нашей делегации в Сирию?

– Спасибо, Андрей Ефимович, за понимание, – вежливо промолвил Эди, – у меня большая просьба к вам, не пытайтесь меня приручать, и тогда я смогу выполнять ваши просьбы не хуже, чем это было в Минске. А что касается Сирии, даже не знаю как реагировать, все это так неожиданно.

– Вы как всегда конкретны, спасибо за откровенность, я буду ждать завтра вашего звонка. Встретимся и тогда обо всем договоримся. Да, на всякий случай запишите мой служебный телефон, по нему вы можете быстрее найти меня. Скажите только, что звонил такой-то, и этого будет вполне достаточно, но просьба – не давайте его никому.

– Хо-ро-шо, так и сделаю, – согласился Эди и, выдержав паузу, будто записывая названный им номер, закончил разговор.

– Вы меня напугали своей строгостью, – неожиданно промолвила Елена, разглядывая лицо Эди, будто желая увидеть на нем следы этой самой строгости.

– По-другому нельзя, и вам советую быть с ним сдержанной.

– Дорогой папин друг, уж не ревнуете ли вы меня к этому старику, – рассмеялась Елена, глядя ему в глаза.

– Нисколько, просто хочу, чтобы вы учли мою рекомендацию в предстоящей работе с ним.

– Конечно, учту, – уже серьезно промолвила Елена. – Кстати, я обратила внимание на то, что он не доверяет вам. Все спрашивал, звонили ли вы еще кому-нибудь или встречались ли с кем-нибудь.

– У него работа такая – не доверять и проверять, вот поэтому постоянно и повторяю, что с ним надо быть аккуратным, чтобы чего-нибудь лишнего не сказать.

– Я что-то ему лишнее сказала? – напрыглась Елена.

– Вы держались прекрасно, особенно мне понравилось разъяснение по неделе, которую провели с учетом потребностей души. Он проглотил вашу наживку и порекомендовал мне не особо верить вашим словам. Теперь он думает, что посеял в нас сомнения относительно искренности в отношениях друг с другом. Так что придется ненавязчиво демонстрировать появившийся между нами холодок.

– Вот гад, но для чего ему это? – возмутилась Елена.

– А на ваш взгляд, для чего? – вопросом на вопрос ответил Эди, поскольку ему хотелось быть уверенным, что она поняла игру Моисеенко.

– Первое, что приходит в голову, чтобы разделять и властвовать, – промолвила Елена, вопросительно глядя на Эди.

– Правильно, так оно и есть, – подтвердил Эди.

– Но как мягко стелет, – скривила губы Елена. – Такой учтивый и заботливый, что, не зная истинного лица этого добродетеля, наверняка поверила бы в искренность его намерений.

– Вот поэтому, Леночка, надо всегда помнить, что людей, тем более таких, как Моисеенко, целесообразно держать на дистанции вытянутой руки, но не лишая их при этом надежд

на успех ими задуманного, тогда они вынуждены будут часто откровенничать с вами, – промолвил Эди.

– Но вы же знаете, что я не имею такого опыта, чтобы... – уныло улыбнулась Елена.

– Знаю, – прервал он ее, – поэтому в скором времени продолжим вашу подготовку.

– А он не будет искать?

– Продолжим в Минске.

– Здорово... скоро я смогу увидеть папу? – обрадовалась Елена.

– Конечно, но нужно будет здесь еще кое-какие вопросы решить, а потом поедем или полетим.

– Я с нетерпением буду ждать этого дня, – мечтательно промолвила она и, поцеловав Эди, поднялась.

Вскоре, выключив свет в коридоре и на кухне, они пошли в ее комнату...

Утром по предложению Эди спустились на школьную спортплощадку, которая находилась неподалеку от дома Елены и сделали почти часовую физзарядку. Возвратившись в квартиру, приняли душ, позавтракали, смотря теленовости, а потом, условившись, о чем будут говорить, вышли на балкон, чтобы «дать пищу» контролерам Моисеенко. Они обсудили, как Елена довольна утренней зарядкой и как ей хочется поехать в Минск навестить отца. Посоветовались относительно того, как позвонить Юре, чтобы он заранее побеспокоился об организации встреч с отцом Елены в ИТЛ¹.

¹ ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь.

Глава III

Ближе к двенадцати часам Эди и Елена спустились во двор и стали ждать такси, присев на одну из скамеек у подъезда. Но не успели толком обменяться мнениями о погоде и просмотренных теленовостях, как подъехал Антон.

– Здравствуй, Эди, вот приехал, как договорились, – громко произнес он, высунувшись в боковое окно такси, а затем, окинув изучающим взглядом Елену, добавил: – Надеюсь, не передумал с гостиницей?

– Привет, как видишь, не передумал, – бросил ему навстречу Эди, подхватив со скамейки свою сумку.

– Ее лучше в багажник, а то в салоне много места займет, – посоветовал Антон, указав рукой на сумку.

– А там не грязно? – засомневался Эди.

– Обижает, у меня там чище, чем в медкабинете, – пошутил Антон, выходя из машины, чтобы открыть багажник.

Через пять минут такси с пассажирами медленно отъехало от дома.

– Эди, а чего насчет номера не спрашиваешь? – не выдержал Антон.

– Чего торопить события, я же по выражению вашего лица вижу, что вопрос решен, – отпарировал Эди.

– Так оно и есть, – широко улыбнулся Антон в салонное зеркало заднего вида. – В «Метрополе» договорился, правда, не без труда. Оказывается, у этих дам значительно повысились аппетиты на левые деньги, но ты можешь быть спокоен, тебя это не касается.

– Вы что, по конкретному номеру решили? – спросил Эди, не отреагировав на его последнюю фразу.

– Что ты, таких возможностей у меня нет, просто обещали шикарный, который освободится в час расчета, – пояснил Антон.

– А это во сколько?

– Обычно в двенадцать.

– О-о, тогда торопиться надо, – обронил Эди, – а то ваша знакомая отдаст его кому-нибудь другому.

– Не отдаст, уговор – дороже денег.

– Однако солидно у вас все устроено, ничего не скажешь, – подыграл ему Эди.

– Конечно, и все потому, что мы друг другу нужны, – самодовольно улыбнулся Антон. – Мы им, а они нам, иначе говоря, выживаем, как можем.

– Вижу, получается, – подчеркнул Эди, глянув на удивленную содержанием его диалога с таксистом Елену.

– Эди, в Москву надолго? – неожиданно поменял тему Антон.

– Неделю точно буду, а там как карта ляжет. В общем, все зависит от того, как управлюсь с планом.

– Тебе бы с твоей подругой в театры и на танцы, а не планы выполнять, – пошутил Антон. – Было бы что вспомнить, иначе за историей и спортом самой жизни не увидишь. Девушка, разве я не толковый совет ему даю?

– Толковый, но его уже не переделать, – отшутилась Елена, кольнув Эди нарочито острым взглядом.

– Со мной вроде все понятно, – весело промолвил Эди, взяв при этом Елену за руку, и тут же продолжил: – Вот только непонятно, зачем Антону знать, сколько я здесь буду, уж не хочет ли он билеты и танцы для нас организовать?

– Можно и билеты, если будет желание, но я-то базар завел в смысле, а вдруг захотите куда-нибудь подъехать, то я завсегда готов подскочить. Мы в последнее время так работаем с крутыми пассажирами и с этими, что в гостиницах, тоже держим связь, – объяснил Антон.

– Но как быть, если срочно понадобится? – уже серьезно произнес Эди, подумав о том, что не помешает иметь в запасе и такой вариант перемещения по городу.

– Нет проблем, звонишь дежурному диспетчеру по таксопарку, а у меня с каждой сменной приятельские отношения, и, назвав себя, говоришь, куда и когда подъехать. Он тут же по этой рации передает мне, что надо делать, – произнес Антон, показав рукой на простенькое переговорное радиоустройство, периодически оживающее голосами диспетчера и работающих в городе таксистов.

– Это надежнее, чем домой звонить, – согласился Эди. – Так что считайте, мы договорились.

– Хорошо, тогда черкани, – обрадованно промолвил Антон и не торопясь назвал номер, который Елена занесла в извлеченный из косметички блокнотик.

Скоро они подъехали к гостинице.

Рассчитавшись с Антоном за такси и за гостиницу, Эди и Елена отправились к стойке ресепшн. Дежурный администратор, изучив его паспорт, подчеркнуто вежливо порекомендовала на выбор два люкса. Эди, решивший учесть совет Моисеенко не останавливаться в дорогих номерах, попросил дать ему полулюкс. Это не составило для администратора никакого труда. Она, изобразив на лице голливудскую улыбку, предложила три номера этого класса, как она выразилась, из собственного резерва.

Выбранный Эди номер, как выяснилось позже, ни в чем не уступал люксу, в котором он останавливался в прошлый раз.

– Ничего себе таксист, – недоуменно промолвила Елена, разглядывая номер.

– Вроде нормальный, – высказал свое мнение Эди, вспомнив при этом, что просил Володю проверить таксиста на наличие криминала и представляющей оперативный интерес информации.

– Ничего себе нормальный, они что, все так могут? – продолжила Елена, настраивая канал включенного ею телевизора.

– Скорее всего, не все, но этот смог, – заметил Эди, мысленно согласившись с ней, что таксист не так прост и это необходимо будет учитывать при возможном его использовании в дальнейшем.

– Эди, мне кажется, что с ним не надо иметь дело. Уж очень легко он в такой гостинице люкс добыл. Поверьте, это не так просто делается, – заключила Елена, опускаясь в кресло у журнального столика, что стоял напротив телевизора.

– Леночка, разговор о гостинице я первым с ним завел, – бросил через плечо Эди, – изучая содержимое бара-холодильника, встроенного в стол, на котором стоял телевизор.

– Но все-таки, – не сдавалась Елена.

– Хорошо, будем аккуратны, только от номера предлагаю не отказываться, – широко улыбнулся Эди.

– Согласна, – смутилась Елена, уловив иронию в последней его фразе. – Тем более вы его выбрали сами.

«Молодец, быстро учится, неделя с наставницей ей на пользу пошла», – подумал он, но вслух произнес:

– Леночка, вы просто умница, думаю, этот факт следует отметить кофе, благо здесь и сливки имеются, – предложил Эди, показывая рукой на бар.

– Прекрасно, сейчас сварю, – предложила она, но, оглядевшись, растерянно воскликнула: – А где плита и турка?

– Вон там в посудном шкафу вижу турку и чашки с блюдцами, – успокоил ее Эди.

- А-а, такая у нас тоже есть, папа откуда-то привез, но я ею не пользуюсь.
- Ничего, Леночка, как говорят в народе, на безрыбье и рак – рыба, – пошутил Эди. – Так что творите кофе, а я тем временем позвоню одному товарищу.
- Поняла, сейчас приготовлю, – деловито промолвила она, раскрывая створки шкафа.
- Пока Елена занималась кофе, Эди набрал номер Артема и, услышав в трубке знакомый голос, произнес:
 - Привет, дружище.
 - Рад тебя слышать, товарищ каратист! – воскликнул Артем.
 - Молодец, узнал-таки, – обрадовался Эди.
 - Из тысячи голосов я отличил бы твой баритон, – не менее весело отпарировал Артем, а затем без паузы продолжил: – Но почему не дал знать, я бы встретил и домой пригласил?
 - Не хотел напрягать, у тебя и без меня тесно.
 - Ничего, раскладушку на лоджии поставил бы, у меня там все цивилизно сделано.
 - Не серчай, как-нибудь в другой раз.
 - Хорошо, не буду, только скажи, где остановился?
 - Таксист не только довез, но и помог устроиться в «Метрополе», – пояснил Эди.
 - Везет тебе на хороших людей, – многозначительно сказал Артем.
 - Это – правда, теперь остается, чтобы повезло с архивами.
 - Не волнуйся, найдем дорожку и туда, я сегодня переговорю кое с кем и позвоню тебе вечером, – обещал Артем, давая тем самым знать, что он сейчас доложит Маликову о размещении Эди в гостинице и его готовности начать работу.
 - Вот спасибо, буду в долгу, – заключил Эди и, назвав номер телефона, положил трубку.
 - Эди, если бы я не знала, кто вы, никогда б не догадалась, что разговаривали со своим коллегой, – восхитилась Елена.
 - У историков всегда так – обо всем и ни о чем, – сдержанно рассмеялся Эди, а затем, понизив голос, добавил: – Леночка, никогда не будьте уверены в том, что вас не слышат третьи уши. И потому примите за правило, как минимум не говорить о наших делах в непроверенном помещении, транспорте и по телефону, ну, в общем, вы знаете, о чем речь веду.
 - Мне и наставница об этом говорила, но я забыла, исправлюсь, дорогой папин друг, – промолвила Елена, доставая из бара сливки.
 - Бывает, но со временем меньше забываешь, – отшутился Эди.
 - Вот и кофе готов, – сообщила она, – конечно, не домашний, но в целом пойдет.
- По всему было видно, что она несколько расстроена его замечанием. И это неожиданное «дорогой папин друг» было тому подтверждением. «Все-таки нужно будет серьезно поговорить с ней, чтобы научилась сдерживать эмоции, особенно связанные с нашими отношениями, чтобы не стали помехой в работе, – подумал Эди. – Но в данный момент лучше сделать вид, что просто не заметил или не посчитал нужным реагировать», – заключил он и весело произнес:
 - Не скромничайте, у вас он всегда отменный получается, к тому же я слышу запах арабийского кофе, – заявил Эди, чтобы как-то успокоить приунывшую Елену.
 - Почему именно арабийского, а не азиатского или американского? – удивилась она, ставя на столик чашки с кофе.
 - А потому, что история кофе берет свое начало от первых цивилизаций Ближнего Востока, – улыбнулся Эди, присаживаясь в кресло у столика.
 - Я думала, из Азии, – заметила Елена, присаживаясь напротив него.
 - Леночка, я еще в студенческие годы читал какую-то книжку об экзотических напитках, в которой писалось и о кофе...
 - И там указывалось, что родина кофе Аравия? – перебила она его.
 - Более того, в ней было написано, что первооткрывателем уникальных свойств кофейного дерева явился эфиопский пастух по имени Каддим или Калдим.

– А когда это было? – вновь якобы не удержалась Елена.

– Я отчетливо помню, что речь шла о конце первого тысячелетия нашей эры, – спокойно заметил Эди, внутренне улыбнувшись тому, что она подобным образом мстит ему за его нравоучение относительно конспирации.

– Выходит, другие страны узнали о кофе значительно позже.

– Да, так оно и есть, – сказал Эди, – а из Эфиопии он сначала распространился в Египте и Йемене, а затем и по всему Ближнему и Среднему Востоку. И лишь к девятнадцатому веку – в Италии, Индонезии и Америке.

В этот момент ему хотелось сказать, что не годится обижаться на контрразведчика, старающегося лучше подготовить ее к предстоящей схватке с матерым шпионом. Но не стал об этом говорить, так как был уверен, что Елена поймет и примет к исполнению все необходимые для этого правила конспирации.

– А когда в России появился? – спросила она, изобразив на лице заинтересованность.

– При Петре в восемнадцатом веке, – ответил Эди.

– Ну да, он же у голландцев взял привычку пить кофе, а потом пытался русских бояр приучить к этому напитку, – проявила свои познания Елена.

– Верно, именно в его годы в России заложили моду так называемого кофепития, но широкое распространение оно получило лишь после войны 1812 года.

– А сегодня тысячи пьют с удовольствием без всякого нажима, только был бы доступен, – констатировала Елена, в очередной раз отпив из чашки.

В таком ключе они поговорили еще некоторое время, изредка бросая любопытные взгляды на экран телевизора, который все это время вещал о том, как компартия под руководством генерального секретаря реализует перестроечные задачи.

Затем, пока Елена споласкивала чашки и турку, Эди набрал домашний телефон Моисеенко. Дождавшись, когда на том конце подняли трубку, он подчеркнуто вежливо промолвил:

– Здравствуйте, мне бы с Андреем Ефимовичем поговорить.

Уже знакомый ему по прежним звонкам женский голос, никак не отреагировав на его приветствие, пояснил:

– Его сейчас нет.

– Вы не могли бы номер для него записать? – быстро проговорил Эди, помнивший, что обладательница этого голоса может оборвать еще не начавшийся диалог.

– А чего на работу не звоните? – недовольно пробурчала та, но прерывать связь не стала. Эди, убедившись в этом, назвал себя и номер телефона.

– Записала, передам, – сказала женщина и тут же послышались гудки.

«Она, надо полагать, не имеет отношения к тайной жизни Моисеенко, иначе вела бы себя по-другому», – мысленно заключил Эди, возвращая трубку на аппарат.

– Как здорово, что его не оказалось дома, – не сдержала своей радости Елена.

– Она сообщит ему о звонке, и он даст о себе знать, – заметил Эди.

– Выходит, мне скоро домой, – с грустью в голосе промолвила Елена.

– Да, вы же понимаете, что мне предстоят встречи, но завтра обязательно увидимся, – пояснил Эди.

– И вы мне скажете, когда в Минск, – наконец-то улынулась она.

– Конечно, но сейчас предлагаю спуститься в ресторан и пообедать.

– По мне лучше бы в какую-нибудь столовую, там дешевле, – заметила Елена, бросив на Эди вопросительный взгляд.

– Александр не простит мне, если позволю вам питаться в забегаловках, – пошутил он, поднимаясь с кресла.

– Тогда, чур, я плачу, – в том же духе выпалила Елена, после чего быстро встала навстречу Эди и, прильнув к нему, прошептала: – Простите меня, я вела себя глупо, больше не буду и запомню этот ваш урок большого терпения.

– Я очень рад, что вы все поняли, – улыбнулся Эди, – но что касается «чур» и «плачу», так тоже не годится, – продолжил он и, придерживая ее за локоть, повел к выходу.

После обеда они прогулялись до площади Маяковского, а затем, договорившись созвониться к полуночи, расстались: Елена уехала в Кунцево, а Эди вернулся в гостиницу и прилег на диване, предварительно включив телевизор, который быстро ожил и стал устами своих бесценных на тот период времени исторических героев вещать о том, как бьется пульс жизни великой страны. Но скоро задремал под витиеватую речь главного прораба перестройки Яковлева о многообещающих перспективах развития советского общества, прочно ставшего на рельсы нового мышления...

Однако еще некоторое время Эди сквозь все более и более обволакивающую его дремоту продолжал слышать призывы оратора к телезрителям активнее участвовать в обновлении страны, и счастье настигнет каждого и всех вместе взятых. При этом где-то в глубине какого-то еще недремлющего мозгового центра Эди усиленно пульсировала мысль, что Яковлев не оригинален в этом стремлении, вроде в истории человечества уже был такой утопист, желавший осчастливить всех. Дай бог, нынешнему оказаться более удачливым, если, конечно, он...

Но как же того звали, как звали? Так и не найдя ответа на свой свербящий мозг вопрос, он уснул.

Вернуло его из страны сна дребезжание телефона...

Когда он уже почти дотянулся до аппарата, стоящего на тумбе около дивана, в его памяти неожиданно всплыла фамилия Кампанелла, что вызвало у него ухмылку: «Выходит, мозг листал страницы памяти даже во сне. И действительно наш телевизионный оратор подобен тому неумомимому итальянцу, пытавшемуся создать “Город солнца”». В следующую секунду Эди присел и, поднеся к уху телефонную трубку, спокойно произнес:

– Вас слушают.

– Это я звоню, как обещал, – послышался из нее голос Артема.

– Чувствую, что у тебя есть новости для меня, – предположил Эди.

– Есть, я практически решил вопрос с доступом в исторический архив, надо только некоторые формальности соблюсти.

– Откровенно говоря, не ожидал, что так быстро все решишь. Так что с меня причитается.

– Не забудь только, – с каким-то подтекстом бросил в трубку Артем.

– Не забуду, если все, как ты и говоришь, получится, – отпарировал Эди.

– Тогда надо увидеться и отметить твое прибытие в Москву.

– Да хоть сейчас, ты же знаешь, я свободный человек, куда хочу – туда и лечу или еду, – пошутил Эди.

– Это радуется, но только смотри, чтобы какая-нибудь московская красавица не захомотала тебя, – хохотнул Артем.

– Не ручаюсь, что не сдамся такой красавице, – ответил ему Эди.

– В таком случае сегодня кому-то повезет. Ты же знаешь, гостиница, в которой ты остановился, полна таких красавиц.

Сообразив, что Артем предупреждает его о предстоящем приходе к нему под видом свободной девушки сотрудницы КГБ, Эди произнес:

– Можешь не волноваться, я знаю, как предохраняться от инфекции.

– Тогда я спокоен.

– Но ты насчет архива не договорил, – поинтересовался Эди, чтобы услышать от Артема день возможной встречи с Маликовым.

– Я же сказал, что некоторые формальности надо соблюсти.

– Без меня?

– Без тебя никак нельзя, мне об этом тот человек сразу сказал, мол, давай историка сюда, мне надо с ним о деталях поговорить.

– Понял, скажешь когда, и я примчусь к назначенному времени.

Обменявшись еще несколькими общими фразами, они распрощались.

Положив трубку, Эди встал и направился в прихожую, где лежала его сумка: надо было ее распаковать. Но не успел толком повесить костюм на вешалку, как раздался легкий стук в дверь.

«Наверно, это девушка от Артема и, конечно, не Любовь Александровна, на которую положил глаз Марк», – подумал Эди, открывая дверь, за которой, улыбаясь, стояла именно она.

– С прибытием милый, я так соскучилась, – промурлыкала она и, легко оттолкнув руками Эди, вошла в номер.

Когда он, закрыв дверь, последовал за ней, Люба развернулась к нему и уже спокойно продолжила:

– Эди, вы, наверно, ожидали увидеть другую, что было бы, и на мой взгляд, правильно, но наш знакомый согласовал с Маликовым мою кандидатуру в качестве вашего помощника. Надеюсь, не возражаете?

– Ни в коем случае, Любонька, нам даже знакомиться не надо, – пошутил Эди и рукой показал ей на кресло у столика.

– Спасибо, – промолвила она, проходя к столику, – но имейте в виду, через час у вас встреча с Маликовым.

– Где?

– В известном вам номере.

– Тогда я успею угостить вас кофе, – улыбнулся Эди и направился к шкафу с посудой.

– Давайте лучше я приготовлю, тем более мне не раз приходилось здесь это делать, – предложила Люба.

– В этом номере? – как бы между прочим спросил Эди.

– Нет, в том, где будет встреча, – смутилась Люба, поняв смысл его вопроса.

– А я, грешным делом, подумал, что вы в этом тоже бывали.

– Не приходилось, но Артем кому-то из сотрудников выговаривал из-за того, что вы опять не в плюсовом оказались, – усмехнулась она.

– Стоило ли по такому пустяку человека обижать? – удивился Эди. – Если это нужно для дела, могу переехать в плюсовую, пусть только подскажет, в какой именно. Мой знакомый таксист это организует без проблем.

– Лучше не надо, оставайтесь в этом, он такой уютный, правда, я не видела спальни, но гостиная – просто загляденье, – заметила Люба, доставая из шкафа кофейные чашки.

– Я его и сам еще не смотрел, если хотите, вместе поглядим, – предложил Эди, оценивший ее откровенность, за которую, если бы об этом стало известно Артему, ей бы обеспечили трудную жизнь в конторе.

– Нет-нет, только не сейчас, – торопливо промолвила она, одарив его теплым взглядом, – скоро идти.

– А вы тоже поселились здесь?

– Еще вчера, но поближе к тому номеру.

– Одни?

– Что вы, вдвоем, так надежней.

– Скажите, а Марк не объявлялся?

– Объявлялся, но наверху, слава богу, приняли решение сразу отшить его.

– Интересно, а как это было сделано?

– Я сказала, что у меня есть жених, который уехал на Кавказ, и не дай бог, он узнает о моем даже разговоре с кем-нибудь из мужчин, – рассмеялась Люба, глядя на то, как Эди отреагировал на ее слова относительно жениха.

– Ну а если серьезно? – спросил Эди.

– Куда еще серьезнее, так оно и было, – вздернула брови Люба.

– Не спрашивал, кто жених и когда он приедет?

– Нет, надо полагать, сразу понял, кто жених и потому не стал испытывать судьбу, по крайней мере, мы сделали такой вывод, – пояснила Люба, наливая в чашки кофе.

– По-моему, он просто пошевелил мозгами и сделал вывод, что вы не станете работать против жениха, и потому не стал терять понапрасну свое драгоценное шпионское время, – развеселился Эди.

– Не иронизируйте, пожалуйста, – попросила Люба, а затем, придвинув к нему чашку, улыбаясь, добавила: – Пейте, а то остынет.

– Кто еще будет на встрече? – спросил Эди.

– Артем и Володя. Да вот еще, чуть не забыла, Володя сказал, что ваш таксист учился в Бауманке, с третьего курса был отчислен за хулиганство, занимался боксом, отсидел три года за нанесение увечья соседу – сломал челюсть и пару ребер на почве ревности.

«Понятно, откуда у Антона такая хватка. Видно, нажитые в те годы навыки помогают ему устанавливать и развивать контакты. Надо будет подумать, в каком плане его использовать в предстоящей работе», – мысленно заключил Эди, а вслух произнес:

– Любонька, не пора ли идти?

– Пора, идемте, – ответила она, поднимаясь с кресла.

Через несколько минут они шли по коридору гостиницы, ведя непринужденный разговор. На подходе к нужному номеру увидели Минайкова, который шел по коридору в обратном направлении. Незаметно подмигнув им, он прошел мимо.

– Все нормально, Володя проследит, есть ли за нами хвост, – прошептала Люба, взяв Эди под руку.

Глава IV

Не успели они толком осмотреться в номере, как пришли Маликов и сопровождающий его Артем. Эди уже собирался по установленной форме доложить генералу о своем прибытии для выполнения задания, но тот энергичным движением руки сначала остановил его, а потом подошел к нему и, легко похлопывая по плечу, произнес:

– Вижу, отдохнул, один загар чего стоит, теперь можно и в бой. Надеюсь, готов?

– Готов, товарищ генерал, только нужно подчитать последние материалы.

– Хорошо, хорошо, подчитать обязательно надо, особенно сводки и аналитику по делу, они дадут представление о том, что сейчас более всего заботит нашего противника, – произнес Маликов, сделав акцент на последней фразе. – Об этом и наших ответных действиях мы поговорим там, – добавил он, кивнув в сторону комнаты для совещаний, и медленно направился к открытой двери.

Эди и Артем, быстро обменявшись рукопожатием, пошли за ним.

Дождавшись, когда контрразведчики вслед за ним присядут за стол, Маликов, только изредка выпуская из-под своего взгляда Эди, обрисовал обстановку, сложившуюся с разработкой Моисеенко, Марка – в Москве и Шушкеева, Постоюковых – в Минске. Затем, сделав непродолжительную паузу, как бы в ожидании возможных вопросов со стороны Эди, но, не дождавшись их, продолжил: – К сожалению, данных по твоим знакомым, особенно московским, маловато, так что необходимо срочно восстанавливать общение с Моисеенко, а потом лететь в Минск и подключиться к тамошним делам. Кстати, тебе удалось созвониться с Моисеенко? – неожиданно прервал свой монолог генерал.

– Нет, он на работе, но я оставил для него информацию, как со мной связаться, – спокойно ответил Эди.

– То есть? – вскинул брови Маликов.

– Позвонил на домашний телефон и... – начал уточнять Эди.

– На работу, конечно, не позвонил и гостиницу наверняка не назвал? – прервал его, улыбувшись Маликов.

– Так точно, это, чтобы иметь время для получения инструкций к встрече с ним, – пояснил Эди, бросив взгляд на Артема, который одобряюще подмигнул ему.

– Правильно, к встрече с резидентом надо основательно подготовиться, – согласился Маликов, медленно сгоняя улыбку с лица, а затем, задумавшись, словно собираясь с мыслями, продолжил: – В Минске, как я говорил, дело идет к тому, чтобы через Иуду и твоего подопечного милиционера-спортсмена завладеть окном в Польшу. Правда, там не удалось продвигаться в работе с Шушкеевым, так что надо будет срочно подключиться. Подробности того, что делается минчанами, узнаешь у Тарасова. Да, если имеются мысли на этот счет, можешь сейчас их озвучить, – заметил Маликов, предоставив тем самым возможность говорить Эди.

– Я над этим тоже думал, – отреагировал он, посмотрев в глаза генералу.

– Не сомневаюсь, говори, что надумал, – вновь улыбнулся Маликов.

И Эди практически без паузы продолжил:

– На мой взгляд, в работе с Шушкеевым нужно использовать то, чего тот панически боится – мести своих хозяев, – я это понял, когда встречался с ним в больнице. Именно это обстоятельство и толкнуло его искать защиты у Иуды.

– Не только у него, но и у тебя, иначе не слал за деньгами к Постоюковым, – уточнил Маликов.

– Да, так оно и было, – согласился Эди, – но за этим стояла также и боязнь того, что я могу быть исполнителем вынесенного ему Джоном приговора.

– А-а, вот ты о чем? – оживился генерал. – Продолжай, это интересный ход. Мы как-то с Ковалевым упустили этот момент.

– Так вот, я полагаю, что мое появление вызовет у шпиона, с одной стороны, надежду на возможное восстановление связи с Джоном, Иудой или Постоюковыми, а с другой стороны...

– А с другой стороны, что пришла его смерть, – не дал ему договорить Маликов, рассмеявшись, но, мгновенно овладев своими эмоциями, добавил: – Продолжай, продолжай, это я на миг представил рожу испугавшегося шпиона.

– Испугаться-то испугается, – вступил в разговор Артем, поддерживая шефа широкой улыбкой, – но только непонятно, что это нам даст на перспективу.

– А ты послушай Эди, он же не случайно об этом завел речь, – отреагировал на это замечание Маликов, бросив при этом в сторону Артема вопросительный взгляд, мол, о чем ты раньше думал.

– Товарищ генерал, Шушкеев не только боится своих хозяев, но очень надеется на прощение, которое хочет вымолить у них с помощью Иуды.

– Сюда следует приплюсовать и то, что, помня твое участие в облегчении своей участи, он наверняка захочет продолжения, так сказать, приятельских отношений, – вставил слово Маликов.

– Но сейчас с ним работает сотрудник Тарасова, – уточнил Артем.

– Кто именно и какую задачу решает? – резко спросил Маликов.

– Рожков, недавно переведен в контрразведку из наружки, – начал объяснять Артем.

– Но почему я об этом узнаю только сейчас? – недовольным голосом спросил Маликов, уставившись тяжелым взглядом в Артема.

– Это технический вопрос, поэтому решил не отвлекать вас на детали, – аргументировал он, растерянно посмотрев на Эди, мол, видишь, как шеф меня растирает по столу.

– Ничего себе технический вопрос, из семерки и сразу к шпиону, – недоуменно произнес Маликов, продолжая держать того под тем же взглядом.

– Его к нему определил Эди накануне своего отъезда из Минска, – выпалил Артем, глянув на коллегу, мол, пусть и тебе достанется, ведь это ты подтянул Юру к разработке шпиона.

– Почему новичка, а не опытного контрразведчика? – возмутился генерал, устремив взгляд на Эди.

– Рожков работал в связке со мной по Иуде, – пояснил Эди, вспомнив о своем докладе Маликову о Юре после возвращения из Минска, но, рассудив, что генерал из-за титанической загруженности мог просто забыть о такой детали, вновь пояснил: – Он примелькался рядом в разных ситуациях, как мой минский товарищ по научной деятельности. Проявил себя с лучшей стороны: быстро обучаем, легко ориентируется в обстановке, коммуникабелен, способен строго следовать отработанной линии поведения.

– А-а, вот вы о ком, – несколько успокоился генерал, очевидно вспомнив о докладе Эди, но тем не менее спросил: – Это же он предупредил тебя о бандите с ножом?

– Можно сказать, даже спас предупредительным криком, – улыбнулся Эди.

– Хорошо, понял, будем надеяться, что не подведет.

– Не подведет, товарищ генерал, – заверил Эди, а потом, после короткой паузы, добавил: – К тому же в той ситуации другого варианта и не было, ведь на заботливого нелегала никто из контрразведки выхода не имел, а оставлять его в свободном плавании при таком благополучном раскладе было неразумно. Вот и пришлось определять к нему Рожкова.

– А он каким образом получил выход на того? – удивился Маликов.

– Я познакомил, когда Постоюков приходил ко мне в гостиницу с просьбой помочь Шушкееву выживать в местах отсидки.

– Ну и? – не выдержал Маликов.

– Рожков удачно оказался рядом, вот и представил его как человека, который может решать такие вопросы. И, как мне известно, вроде неплохо справляется с поставленной задачей, – пояснил Эди, глянув на Артема.

– Он дважды ездил в ИТК, по одному разу встречался с Шушкеевым и Постоюковым.

– И что? – спросил Маликов.

– Шушкееву объяснил, что он с местным начальством решил вопрос обеспечения его защитой. После этого виделся с Постоюковым и передал ему записку от сидельца, в которой, кроме слов благодарности за заступничество, ничего не было.

– Надо полагать, нелегал доложил своим шефам, что ему ценой огромных усилий удалось защитить своего коллегу на зоне, – усмехнулся Маликов.

– По крайней мере, хитрую телеграмму тому же Владимиру он отправил в тот же день, – пояснил Артем.

– Но шпион действительно защищен от беспредела блатных?

– Да, в установленном порядке Рожков наладил контакт с начальником оперслужбы ИТК, и тот принял меры через свои служебные возможности.

– Но в нашем плане, конечно, со шпионом никто не работает, – задумчиво произнес Маликов.

– Рожков работает, есть некоторые подвижки, буквально на днях ожидаем доклада.

– Выходит, подполковник, ты попал в десятку с этим парнем? – улыбнулся Маликов, взглянув на Эди.

– Он перспективный, – подчеркнул тот коротко.

– Хе-хе, а я сначала подумал, что он из семерки сразу подался окучивать нелегала, – холодно обронил генерал и тут же примирительно добавил: – Ну ладно, с этим вроде разобрались, давайте продолжим. Так на чем мы остановились?

– Эди излагал мысли о... – несколько поспешно начал Артем.

– Не мысли, а предложения, – прервал его Маликов и знаком руки призвал Эди к продолжению. По всему было видно, что подсказка подчиненного вызвала у него недовольство, словно тот хотел уличить его в забывчивости, отчего Артем сразу сник и уткнулся в лежащую перед ним рабочую тетрадь.

«О-о, Маликов действительно взъелся на Артема, интересно, какая кошка пробежала между ними за эти две недели, что меня не было в Москве. Надо будет спросить у полковника», – подумал Эди и не спеша стал излагать свое видение ситуации и возможной тактики действий в отношении Шушкеева.

– Правильно рассуждаешь, Шушкеева надо держать в постоянном напряжении, тогда будет податливым и скорее станет умолять наладить его отношения с Иудой, как заступником перед Джоном, – попыток Маликов. Затем, внимательно посмотрев на Артема, спросил: – А как ты думаешь?

– Так же, как и вы, – встрепенулся Артем. – У меня нет сомнений в том, что Шушкеев в поиске собственного спасения наверняка кинется к Эди. Парамонов докладывал, что шпион сутками не спит, боясь, как бы кто-нибудь его не пришел.

– С одной стороны, это, конечно, хорошо, но с другой – плохо, – многозначительно заметил Маликов, – так как Шушкеев имеет много времени для дум и возможных действий. Поэтому, товарищи, надо быть уверенными, что его превратившиеся в конкретику мысли не станут тайной для нас, как и его контакты с тамошними сидельцами. Вы же понимаете, что шпиона окружает своеобразная и готовая за деньги сослужить любую службу публика. Необходимо еще раз проверить, насколько плотно он обставлен нашими ушами и глазами. Возможно, путем проведения какого-нибудь эксперимента или комбинации. Так что продумайте меры, а с Тарасовым я сегодня или завтра с утра переговорю и заодно сообщу, что ты, Эди, прибудешь к нему на днях.

Генерал после затяжной паузы, широко улыбнувшись, заметил:

– Ты хотел еще что-то сказать, связанное с Джоном и его сотоварищами, говори, а то я не даю тебе высказаться до конца.

– Товарищ генерал, я хотел сказать, что хроническую боязнь Шушкеева за свою жизнь можно использовать, во-первых, для формирования основы к серьезному в нашем плане разговору с ним. Во-вторых, для пресечения возможной с его стороны активности по поиску связи с волей, объяснив это тем, что он может наткнуться на людей кума² и свести на нет наши усилия по обеспечению его выживаемости.

– Логично, продолжай, – вставил слово Маликов.

– Насколько я почувствовал Шушкеева, это может оказать на него требуемое воздействие, – заключил Эди, но тут же, сделав короткую паузу, как бы в ожидании возможной реакции со стороны Маликова и не дождавшись ее, продолжил: – При этом на встречу с Шушкеевым предлагаю идти, только опросив Иуду о сильных и слабых сторонах его характера, а также насколько реально в сложившейся ситуации, что Джон может отменить свой приговор нелегалу. В данном случае важно узнать мнение Иуды о целесообразности заступаться за Шушкеева...

– Эди, хорошо, что ты затронул эти вопросы, – задумчиво промолвил Маликов, уважительно глянув на него. – Несомненно, этого сидельца нужно будет прощупать со всех сторон. Если на него хозяева махнули рукой – это одно, если рассчитывают и далее его использовать – это другое. Поэтому в дальнейшей работе по нему и с ним будем исходить из ответов на эти вопросы. Так что я полностью разделяю твое предложение, – утвердительно заметил генерал и умолк, уставившись в глаза Эди внимательным взглядом.

Восприняв этот взгляд как сигнал к продолжению разговора, Эди произнес:

– Мы к тому еще не знаем, какую судьбу Шушкееву реально приготовили Джон и Моисеенко и что они поручат мне относительно его. А что такое поручение будет, я не сомневаюсь.

– Правильно, к тому же нам неизвестно, будут ли тебе поручения по Постоюковым и Золтикову, – развил эту мысль Маликов. – А это станет ясно только после встречи с Моисеенко. Но тем не менее необходимо срочно приступить к подготовке плана действий с учетом уже известных обстоятельств, недостающие звенья по ходу подтянете. Или кто иначе думает?

– Задачу поняли, начнем готовить, – бодро выпалил Артем, бросив быстрый взгляд на Эди, который кивнул в знак согласия.

– Хорошо, тогда давайте о главном, – начал генерал, – в первую очередь нужно срочно оживить связь Иуды с Моисеенко, без этого не приходится ожидать существенного позитива. При этом крайне важно закрепить достигнутый успех новыми вкраплениями в подsunутую противнику в пробнике дезу по части противоракетной обороны. О том, что натовцы серьезнейшим образом ухватились за нее, нет никаких сомнений. На то имеются веские основания, – констатировал Маликов, подкрепив свои слова самодовольной улыбкой. – Так, по данным ГРУ³ и ПГУ⁴, противник реально заглотив дезинформационный крючок и принимает активные меры по доразведке и расширению полученных данных, используя в этих целях как агентурные, так и технические возможности. Но самое важное то, что он уже начал вносить реальные корректировки в планы применения стратегических ракетных сил на центральном театре военных действий. Это совсем свежие данные наших разведчиков и сил космической разведки. Иначе говоря, осуществляются очень серьезные материальные затраты и перегруппировка сил и средств. – Затем, бросив в сторону Артема: – Почему не несут кофе? – и, дождавшись в ответ короткой его фразы: «Будет через минуту», – продолжил свой монолог: – Кроме того, натовцы

² Кум – (жарг.) начальник оперчасти.

³ ГРУ – главное разведывательное управление Министерства обороны СССР.

⁴ ПГУ – первое главное (разведывательное) управление КГБ СССР.

и особенно румовцы⁵ прикладывают недюжинные усилия, чтобы добыть информацию о тактико-технических характеристиках ракеты «Тополь»⁶ и районов ее базирования. И что интересно, западные немцы неожиданно активизировали интерес к продукции Кировского завода в Ленинграде, а это наше ноу-хау в танкостроении. Поэтому допускаем, что Моисеенко и его коллеги будут пытаться задействовать твои возможности ездить под видом научной деятельности в различные регионы страны для сбора разведывательной информации. Конечно, сначала втемную, а когда посчитают, что втянулся на уголовную ответственность, откинут забрала и в открытую предложат сотрудничество. А если надумаешь отказаться, приведут аргументы, которые должны сделать тебя сговорчивым, чтобы вновь не оказаться за решеткой.

Тем временем дверь комнаты открылась, и в нее вошла Люба, катя перед собой тележку с кофе и десертом.

Дождавшись, когда она, расставив чашки с кофе и тарелки с десертом перед участниками совещания, уйдет, Маликов, продолжил:

– Противостоять этому натиску весьма сложно, особенно в условиях, когда утечка информации может произойти, в том числе невероятным образом из самых различных кабинетов власти. Я это вам, ребята, говорю, чтобы вы знали и придерживались в работе самых строгих правил конспирации. И чтобы к тому, что делаете, никого на километр не подпускали. Для этого круг сотрудников, осведомленных в работе по Иуде и его связям, Иванковым сужен максимально. Если кто будет пытаться его разорвать, сразу ко мне, будем...

Но, заметив некоторое недоумение на лице Эди, который, как и все другие контрразведчики знал, как следует поступать, если кто-либо из коллег проявляет, как говорится в чекистской среде, не мотивированный служебными функциями интерес к содержимому чужого сейфа, генерал прервался и несколько раздраженно заметил:

– Именно так, а не иначе. Надеюсь, повторять не надо?

– Не надо, все понятно, – невозмутимо произнес Эди, а в голове в этот миг пронеслась мысль: «Надо же, не понравилось, что не козырнули на исторгаемую им прописную истину. Лучше бы о деле говорил, чем тратить время на лекцию о политической бдительности. Мы не хуже знаем, что жизнь усложнилась, в том числе и на Лубянке, куда все более явно стали просачиваться идеи о необходимости участия чекистов в либеральных процессах.

– Вот и хорошо, а то мне показалось... Ну ладно, поймите, если бы только это, мы, несомненно, справились, – ухмыльнулся генерал, отчего-то остановив взгляд на глянцевои столешнице и начав лениво размешивать ложкой сахар в кофе, а потом, вновь напрягши голос, выдал из себя: – Беда в том, что перестроечные мужики из табакерки начали госбезопасности руки за спину заламывать, приговаривая при этом, мол, спокойнее, товарищи, железный занавес рухнул, у нас нынче врагов нет, все разом стали друзьями. Но мы-то знаем, кто есть кто, и нас демагогией в заблуждение не введешь и...

Но неожиданно он вновь оборвал себя на полуслове и лишь спустя секунд десять, по-прежнему глядя на столешницу, продолжил:

– Слава богу, они, я имею в виду мужиков из табакерки, еще не додумались ноги нам путать да напяливать на нос розовые очки, но, не ровен час, и до этого можем дожить в скором времени при таких делах. Но должен вас предупредить, что контрразведка при любом развороте должна действовать, как часы, и я буду от вас требовать такой работы, иначе нельзя. Вы это понимаете?

⁵ РУМО – военная разведка США.

⁶ МБР «Тополь» – межконтинентальная баллистическая ракета, оснащенная комплексом средств преодоления противоракетной обороны. Первый полк «Тополей» заступил на боевое дежурство 23 июля 1985 года. Максимальная дальность полета ракеты – 10 500 километров. Стартовая масса – 45 тонн. Отличается высокой живучестью вследствие своей маневренности, скрытности и малого времени подготовки к пуску.

– Так точно, товарищ генерал, – дружно ответили Артем и Эди, бросив друг на друга понимающие взгляды.

– Вот и хорошо, будем целенаправленно делать свое дело, наперед зная, что враг хитер и коварен, но и мы не лыком шиты, – молодецки бодро произнес Маликов, наконец-то оторвав взгляд от столешницы. – Но коли так, то тебе, Эди, нужно возвращаться в номер, чтобы не прозевать звонка, а то и неурочного, как в прошлый раз, прихода в гости Моисеенко. Кстати, всегда помни, что этот хитрый лис будет неустанно пытаться проверить тебя на надежность, в том числе и психотропными препаратами. Ведь резидентом, как мне представляется, сделана на тебя большая ставка, так что будь всегда готов.

– Может, этого хитрого лиса нам самим распотрошить спецпрепаратом? – широко улыбнулся Эди. – Я смог бы его под благовидным предлогом заманить, например, на квартиру Елены.

– Хочешь отомстить? – рассмеялся Маликов.

– Не дождусь, товарищ генерал, когда начнем раскатывать его на подписку о сотрудничестве.

– Рановато еще, но, когда натовцы углубятся в перекройку своих планов, вот тогда и испробуем на нем твои вербовочные чары. Конечно, если дашь слово, что справишься с первого захода, чтобы не дать ему времени на раздумья и возможные ответные действия, – пошутил Маликов.

– Если поручите, постараюсь, – в тон ему сказал Эди, а затем, бросив взгляд на пригрюнившегося Артема, продолжил: – Будь моя воля, товарищ генерал, я не стал бы ждать, ведь он уже много серьезных ошибок допустил, за что американцы могут десять раз изжарить его на электрическом стуле, а он жизнь любит и надеется дожить до глубокой старости. Эти аргументы весомы и, на мой взгляд, заставят резидента быть покладистым...

– А ты не торопишься с выводами? – прервал его Маликов, упершись ему в переносицу острым взглядом поверх чашки, которую только что пригубил.

– Я много думал над этим, – ответил Эди, спокойно выдержав генеральский взгляд.

– Вот как, а мы по своей наивности полагали, что ты просто загораясь, – сыронизировал Маликов, глянув на Артема, как бы призывая поддержать его иронию, но тот лишь слегка улыбнулся.

– Одно другому не мешало, – несколько сухо заметил Эди и умолк, решив более не проявлять инициативы.

– Не ершишь, подполковник, не с Моисеенко разговариваешь, – растянул Маликов губы в подобие улыбки.

– Я только констатирую, товарищ генерал, не более того, – так же сухо произнес Эди.

– Ну что ж, констатируй тогда свои аргументы, но прежде глотни кофе, чтобы придать ясность мыслям, – предложил Маликов, в одно мгновение согнав с лица улыбку. По всему было видно, что слова Эди и тон, каким они были произнесены, вызвали у генерала некоторое недовольство, но выражать его явно он по каким-то соображениям не стал.

«Так-то оно будет лучше, а то вздумал подтрунивать, как над провинившимся школьником. И вообще, надо будет спросить у Артема, чем объясняется сегодняшняя раздраженность Маликова, чего еще несколько недель назад не наблюдалось. Только ли напряженностью обстановки в стране?» – подумал Эди до того, как начал говорить. При этом он не посчитал нужным реагировать на слова генерала о кофе, тем более чашка была уже пуста.

– Товарищ генерал, все эти аргументы нам хорошо известны, но я сгруппировал их по принципу максимальной ответственности резидента перед своими хозяевами за его провальные действия.

– О-о, это уже интересно, – не выдержал Маликов, – давай излагай.

– Первое и главное – Моисеенко добыл и толкнул наверх генштабовскую дезу, которая противником оценена как развединформация стратегического уровня, если меняет свои планы в привязке к возможному театру военных действий. Второе – засвечены Джон, по всему главный человек в московской резидентуре, имеющий право отдавать команду о физической ликвидации агента, а также Марк, используемый резидентурой в мероприятиях по вербовке и связи с агентурой. Третье – расшифрованы агенты-нелегалы Постоюковы и Шушкеев, парочка сотрудников наружного наблюдения, присматривавшая за мной в Москве и по дороге в Белоруссию, минский фотограф, делавший фотографии следователя по уголовному делу на Иуду и Шушкеева, так называемые ремонтники, побывавшие на квартире Елены и работающие на противника отец и сын Сафинские. Четвертое – своими письмами с тайнописью дал возможность контрразведке документально закрепить преступную деятельность вышеуказанных людей. Кроме того, ему можно будет предъявить обвинение в убийстве жены Иуды. При последней встрече сам Иуда рассказал, что не он лично отравил ее, а сделал это кто-то из людей Моисеенко.

В целом же в разговоре с Моисеенко ключевым аргументом может явиться то, что благодаря его ошибкам советской контрразведке удалось выявить и обезвредить разветвленную разведывательную сеть натовских спецслужб...

– Впечатляет, впечатляет, ты как всегда логичен в своих рассуждениях, – неожиданно заметил Маликов, – но это годится лишь для атаки на резидента, чтобы попытаться его ошеломить и заставить с нашей помощью искать выхода из создавшегося положения. Но в твоих рассуждениях нет мыслей, а что делать, если он окажется крепким орешком и наши доводы воспримет как комплименты, а в итоге не подпишется на сотрудничество. Ты же понимаешь, какие в таком случае действия предпримет противник?

– Понимаю, как и то, к чему приведет утеря инициативы и темпа наших действий, – отпарировал Эди и тут же начал аргументировать озвученную позицию: Иуда в отсидке, реального доступа к секретносителям не имеет, чтобы добывать новые вкрапления в дезу. В это время противник предпринимает активные меры по перепроверке и доразведке полученных разведанных. Насколько они могут быть эффективны, невозможно даже предположить. Конечно, можно постараться подсунуть ему нужные нам вкрапления по другим каналам, если таковые имеются, но, как я понял, вы хотите двигаться по опробованной колее...

– А если задействовать вариант, когда Иуда передает тебе контакты со своими друзьями-секретносителями, и ты начинаешь действовать, – прервал его Артем, глядя на сохранявшего отчего-то молчание Маликова.

– Работу по связям Иуды, конечно, необходимо вести, чтобы перекрыть на будущее возможные каналы утечки закрытой информации, но мои контакты с ними вряд ли окажутся полезными, так как он получал от них секреты втемную. И к тому же непонятно, как противник отнесется к стратегической информации, полученной его агентом из мест лишения свободы.

– Надо полагать так же, как и в первый раз, – заметил Артем.

– По легенде она была получена и переведена им на микро пленку еще до тюрьмы, поэтому и не вызвала больших подозрений, – отпарировал Эди, удивляясь тому, что Маликов продолжает молчать.

– А в этот раз кто-то из его приятелей передаст ее тебе, как человеку Иуды, – настаивал Артем.

– В таком случае этот приятель должен быть как минимум торговцем секретной информацией или агентом Иуды. Иначе все это будет выглядеть неубедительно.

– А почему бы и нет, ведь Иуда весьма подготовленный в разведывательном плане человек и мог создать такие позиции в среде своих связей, – настаивал на своем Артем.

– Товарищ полковник, Станиславский в таком случае сказал бы: «Не верю», – улыбнулся Эди и тут же продолжил: – Пойми, если Иуда создавал такие позиции, о них наверняка знали бы его хозяева.

– Необязательно, он мог по своей инициативе расширять свои разведпозиции.

– Подбирать и проверять – да, но вряд ли мог вербовать без ведома резидента. Тем более это влекло за собой расходы из бюджета резидентуры.

– Но согласись, это неплохой вариант, но только нужно его подработать.

– Согласился бы, если мой герой состоял в агентурном аппарате противника и его хозяева поручили бы ему проведение такой работы, а в данном случае он даже не знает, что имеет дело с иностранной разведкой. И вообще непонятно, с чего этот далеко не глупый, но своенравный молодой человек, а резидент именно таким его воспринимает, послушно попретя к связям Иуды за секретной информацией. При этом не следует забывать, что всего три недели назад Иудой он втемную был использован для доставки в Москву пробника с секретами, – вновь отпарировал Эди.

– А если задействовать в этот процесс дочь Иуды, с которой Моисеенко пытается выстроить доверительные отношения?

– На это потребуется определенное время, а вопрос закрепления дезы через новые вкрапления требует скорейшего решения. Поэтому нужны опережающие противника хоть на шаг темповые действия...

– Хорошо, Эди, я услышал тебя, – не дал ему договорить, неожиданно вклинившись в происходящий между коллегами диалог, Маликов. – Мы к этому разговору вернемся после твоей встречи с Моисеенко. Если удастся, постарайся пообщаться с ним сегодня, время действительно торопит, – тепло произнес генерал, поднимаясь из-за стола. – Да, что касается дочери Иуды, надо активизировать ее подготовку. Есть ли мысли на этот счет?

– Может, направить ее на базу, где была? – спросил Артем, обращаясь к генералу.

– Лучше в Минск, а то резидент начнет ее искать, как это было в прошлый раз, – предложил Эди, пока Маликов не сказал своего слова. – К тому же это можно объяснить тем, что она поехала увидеться с отцом.

– Логично, хорошая задумка, созвонитесь с Тарасовым, – бросил Маликов, направляясь к двери.

– Сегодня же сделаю, – отрапортовал Артем, шагая рядом с ним.

– Да, вот еще что, – произнес генерал, развернувшись в середине комнаты к вышедшему из-за стола, чтобы идти за ним, Эди, – отработай ей линию поведения с Моисеенко, чтобы не попасться на его хитроумные уловки. И еще, продумай, так сказать, алгоритм ее совместной работы с отцом, в смысле он – в тюрьме, а она – на воле и готова выполнять его поручения. Имей в виду, главное в этом деле, не торопить события, чтобы ненароком не зародить у резидента подозрения, мол, отчего это все как по маслу идет. Лучше уж пусть будет с какими-то трениями и вопросами, а для чего и почему. Думаю, ты понимаешь, чего я от тебя хочу.

– Понимаю, все так и будет сделано, – ответил Эди и торопливо обронил: – Но самый главный аргумент необходимости нашего ускорения в работе с резидентом я не успел привести.

– Вроде обо всем сказано, – улыбнулся Маликов.

– Не все, товарищ генерал, я еще не сказал о том, что моя легенда в скором времени может затрещать по швам, если они получат источник информации по республике.

– Знаю, мы уже кое-что сделали в этом направлении, но об этом и другом поговорим после твоей встречи с резидентом. Сейчас мне надо торопиться, время поджимает, до совещания у главного какие-то минуты остались, – пояснил он и ушел в сопровождении Артема, который перед самым выходом в коридор успел шепнуть Эди:

– Я жду твоего звонка по итогам встречи.

Минут через пятнадцать Эди и Люба тоже покинули явочный номер и, неспешно пройдясь по коридорам, спустились в кафе, а после ужина вернулись в свои номера: Эди ждать звонка Моисеенко, а Люба – для обеспечения связи с Лубянкой.

Глава V

Эди привычно включил телевизор и присел в кресло, чтобы обдумать детали предстоящей встречи: телевизионный шум в таких случаях его нисколько не отвлекал от дум и анализа. Однако спустя некоторое время обнаружил, что не может сосредоточиться – в голове неотступно кружил рой непослушных мыслей, навеянных общением с Маликовым...

Когда, заглушая ворох этих мыслей, неожиданно послышался телефонный звонок, он даже обрадовался ему и сразу потянулся за трубкой, которая ожила вкрадчивым голосом Моисеенко:

- Ал-ло, мне бы...
- Андрей Ефимович, здравствуйте, – перебил его Эди.
- Привет, но почему на работу не позвонил?
- Не хотел вас отрывать от дел, ведь ничего срочного нет.
- Узнаю беззаботную молодежь, наверно, с Леночкой в кино ходили, – пропел в трубку

Моисеенко.

- В кино нет, а вот пообедали исправно, – пошутил Эди.

- Она с вами?

- Нет, уехала, у нее дела.

- О-о, дорогой Эди, не прозевайте эту красавицу, – смеясь, произнес Моисеенко, – а то охочие до таких девиц мужики уведут, глазом моргнуть не успеете. Я же говорил вам, что она в тот раз душу с кем-то отводила.

- Андрей Ефимович, вы что, следите за ней? – сухо спросил Эди.

- Упаси боже, это она сама рассказала, но тут ничего удивительного нет, так устроены все женщины. Им надо с кем-нибудь обязательно поделиться своими успехами, в том числе и на любовном фронте. На этот раз таким внимательным слушателем оказался я, так что все нормально, но рекомендую эту особенность ее характера учитывать при дальнейшем общении с ней.

- Придется, если она так устроена, – отшутился Эди, сделав вывод, что резидент все настойчивее пытается зародить в нем подозрительность по отношению к Елене, а в ней к нему. И, соответственно, хочет управлять обоими, будучи уверенным, что они не доверяют друг другу, а значит, и не станут делиться содержанием его поручений.

- Надо, дорогой Эди, надо. Кстати, вы в какой гостинице?

- В «Метрополе», – ответил Эди и назвал номер, чтобы исключить уточняющий вопрос.

- Выходит, таксист сдержал слово?

- Сдержал, хотя я ему не особо и поверил – обычный таксист и такая элитная гостиница, куда без блага и на порог не пустят.

- Получается, он серьезный парень.

- Я бы сказал – деловой: рассказывал, что дежурные администраторы заказывают именно его машину для своих крутых постояльцев. Но при этом нет-нет сыплет жаргоном и на руке наколка.

- Урка, что ли?

- Скорее всего, да. Такие наколки я видел там, где с Александром был.

- В таком случае поостереглись бы его.

- Мне с ним детей не крестить, но на всякий случай телефон взял, а вдруг понадобится куда-нибудь подъехать, ну хотя бы в то же самое Кунцево.

- Может, и правильно, с такси здесь проблема.

- Об этом и я подумал.

– Ну ладно с таксистом-то, нам бы переговорить по другим вопросам. Может, поужинаем вместе? – предложил Моисеенко.

– Я уже успел кое-что перехватить.

– В таком случае переговорим в моей волжанке, я через час подъеду к гостинице.

– Понял, выйду ко времени, – сказал Эди и нажал клавишу отбоя. Затем, выждав некоторое время, набрал телефон Любы и ласковым голосом попросил ее прийти в гости, так как соскучился по ней.

Она не заставила себя долго ждать – через несколько минут послышался легкий стук. Дождавшись, когда та войдет, он закрыл за ней дверь и спокойно произнес:

– Любонька, надо довести до Артема или Володи, что мне позвонил известный им человек и через сорок пять минут я должен выйти к центральному входу гостиницы, где тот будет ждать меня якобы на своей волжанке. По крайней мере, он так сказал, но это не факт, допускаю, что это отвлекающий маневр.

– В смысле он может быть на другой машине?

– Да, или прийти сюда, или предложить другое место, – уточнил Эди.

– Это все? Я могу идти? – деловито спросила она.

– Конечно, но, если не возражаете, после моего возвращения пообщаемся за кофе.

– Я согласна, – улыбнулась она и ушла.

Эди проводил ее до двери и вернулся в кресло. Бросив взгляд на продолжающий гореть экран телевизора, начал переключать каналы, чтобы отыскать спортивную передачу или какую-нибудь аналитическую программу собкоров центральных газет. Но каждый раз экран начинал говорить голосами то лощеных дикторов, то партийных функционеров, а то и обычных труженников, вещающих об успехах перестройки. И когда он, решив выключить телевизор при очередной неудаче, нажал на пульт управления, экран неожиданно ожил песней «Севастопольский вальс» в исполнении Георга Отса.

«Это награда за настойчивость», – весело сказал Эди кому-то невидимому и, забросив руки за голову, откинулся на спинку кресла. И действительно, ему очень нравился неповторимый баритон Отса и то, как с рыцарским достоинством он держался на сцене. Особенно, затаив дыхание, слушал в его исполнении арию Мистера Икс.

«О-о, так и есть, мне сделали подарок перед встречей с этим хитрецом», – мысленно промолвил он, когда вслед за «Севастопольским вальсом» Отс запел «Я помню вальса звук прелестный».

Но неожиданно всю идиллию прервал резкий звонок телефона. Это была Елена.

– Не помешала? – спросила она.

– Нет, я отдыхаю перед встречей с нашим знакомым.

– Так поздно?

– Днем он занят на работе, вот и захотелось ему вечером пообщаться, – пояснил Эди и тут же спросил: – Чем вы занимаетесь?

– Читаю и скучаю, скучаю и читаю, – с горечью в голосе промолвила Елена. – Может, потом приедете сюда?

– Лучше завтра вы приезжайте, но ближе к обеду, поедим вместе и куда-нибудь сходим.

– Вот здорово, – обрадовалась она. – Сходим в Пушкинский музей на Волхонке.

– Согласен, надо будет предварительно посмотреть часы работы.

– Я позвоню утром туда и узнаю.

– Договорились, когда вернусь со встречи, наберу вас, а сейчас отключаюсь, может позвонить ваш добродетель.

– Поняла, до связи, – быстро промолвила Елена, и тут же послышались короткие гудки. Не успел Эди вернуть трубку на аппарат, как он вновь затрещал. Это был Моисеенко.

– У вас как в Смольном, никак не дозвониться, – сыронизировал он.

– С Еленой договаривался насчет завтрашних дел, – коротко заметил Эди и тут же в шуточной форме продолжил: – И собирался идти к парадному выходу.

– А я звоню, что мне туда не совсем удобно, вы лучше подойдите к самому началу Горького, знаете, где киоск.

– Это что напротив гостиницы?

– Да, на углу Госплана, туда и подходите через двадцать минут. Если я запоздаю, что вполне возможно из-за тесноты московских улиц, подождите у этого киоска, чтобы я сразу заметил вас. Договорились?

– Договорились, – ответил Эди и положил трубку. «Это пока его первый маневр, но может еще что-нибудь выкинуть из своих запасников, – пронеслось в его голове. – Будем надеяться, что технари, контролирующие телефон, быстро подскажут Артему о звонке резидента, и он сможет внести коррективы в работу наружки. Будем надеяться, но лучше будет, если продублировать это через Любу, – решил Эди и вышел из номера, закрыв за собой дверь на замок.

В коридоре было пусто, даже дежурной по этажу, которой следовало по внутренним правилам гостиницы оставлять ключ при уходе на длительное время из номера, не оказалось на месте. Воспользовавшись этим, Эди позвонил с ее телефона Любе и коротко объяснил, что надо ей сделать, а сам направился к выходу из гостиницы.

Через каких-то десять минут он уже неторопливо шагал по проспекту Маркса в направлении гостиницы «Москва». Справа через многорядную дорогу, по которой бесконечным потоком неслись автомобили, виднелся освещенный неоновыми огнями «Большой театр». «Может, с Еленой сюда сходить? Почему бы и нет, только надо узнать, что там идет, – подумал он, проходя мимо рабочих, огораживающих небольшой участок на проезжей части вокруг люка, из которого сочилась вода. – Неужели опять Неглинка прорывается из коллектора, куда ее загнали строители Москвы? Вряд ли, она же по бетонным трубам течет. Ну ладно с рекой-то, надо бы о резиденте подумать, а я обо всем готов рассуждать, но только не о его выкрутасах. Интересно, чего он надумал менять место встречи? Скорее всего, петляет, путает на всякий случай следы. Как бы то ни было, с ним надо быть максимально осторожным. И что должно означать это его, мол, стой у киоска, чтобы я тебя заметил? Конечно, он все делает, чтобы обнаружить возможную слежку за собой или мной и предпринять необходимые контрмеры, что в нашем случае означало бы, особенно если выявилось наблюдение за мной, провал всей операции. Несомненно, здесь ничего нового нет – все разведки так действуют, но все-таки интересно бы узнать, что кроется за нынешней осторожностью резидента. Итак, скорее всего, обстановку около и вокруг киоска будут наблюдать его люди, как, впрочем, и вести контрнаблюдение по маршруту движения его автомобиля. Наша наружка, естественно, обо всем этом знает и будет действовать максимально осторожно. Опыта ей не занимать, вон скольких зубров вражеских разведок обвела вокруг пальца... Это так, но я-то по легенде неуч в этой части, и потому меня ничто не волнует, и я ничего не боюсь: ни разведок, ни контрразведок. Поэтому я иду к человеку, который мне интересен, так как он помогает мне материально», – заключил Эди, спускаясь в переход, чтобы перейти на другую сторону проспекта. В этот момент впереди себя заметил ранее примелькавшуюся ему парочку, которая вела наблюдение за ним. «Значит, есть и те, кто сопровождает, – подумал он, – но зачем им так плотно опекать меня, уж не задумал ли этот хитрец очередное спецмероприятие, к которому я не готов. В таком случае придется притвориться, что у меня пищевое отравление и ничего не есть и не пить», – решил Эди, медленно ступая по ступенькам вверх, в отличие от всех других случаев, когда буквально взбегал по ним.

Когда он подошел к киоску, там уже тусовалось несколько молодых людей: кто-то, продолжая незаконченный в какой-нибудь забегаловке разговор, кто-то, решивший обменяться мнениями по животрепещущему вопросу в шаговой доступности от киоска, где можно было купить московскую новинку – баночные пиво или фанту, американские сигареты, а кто-то,

возможно дожидаясь транспорта. Знакомой парочки здесь не было: не исключено, что она поднялась на другую сторону улицы и теперь наблюдает за ним из-за колонн или автобусов у входа в Интурист. Возможно, такую задачу выполняли и пришедшие сюда минутой позже мужчина и женщина, внешне выглядевшие как супружеская пара. «Не исключено, так оно и есть, хотя, как говорится, в темной комнате все кошки черные», – усмехнулся Эди и стал ждать Моисеенко, расположившись поближе к проезжей части.

Но его все не было и не было, автомобили неслись мимо, набирая скорость сразу после поворота с проспекта Маркса. Минут через десять неожиданно к обочине подкатил синенький жигуленок, за рулем которого сидел Марк. Он приветственно помахал Эди рукой и открыл штурманскую дверцу, приглашая тем самым его в машину.

Эди, изобразив на лице улыбку, медленно подошел к жигуленку и сел на переднее сиденье.

– О-о, рад видеть вас, – почти дружески обронил Марк.

– Привет, я тоже, – в тон ему ответил Эди и захлопнул дверь.

– Андрея Ефимовича задержал начальник, вот он меня и послал за вами, – предупредил Марк возможный со стороны Эди вопрос и, включив сигнал поворота, медленно вырулил на проезжую часть.

– Позвонил бы, если занят, а то оторвали от Отса.

– От кого? – удивленно спросил Марк.

– От песен Отса, – уточнил Эди. – Мне нравится его баритон.

– А-а, понял, – улыбнулся Марк, а затем быстро добавил: – Андрей Ефимович звонил, но вас не было в номере.

– Ничего удивительного, я же ушел на встречу с ним. Да, а куда мы едем, если он занят?

– Мы уже почти приехали, – вновь улыбнулся Марк, подруливая к гостинице «Минск». – Андрей Ефимович сюда подъедет с минуты на минуту, а мы тем временем зайдем в номер, где остановился мой хороший знакомый и перекусим, у него всегда имеется какой-нибудь деликатес, – продолжил он, глядя в зеркало заднего вида.

– Ух, – тяжело выдавил из себя Эди, – не говорите мне о еде, я сегодня траванулся.

– Что сделал?

– Пирожки с мясом поел, а они оказались несвежими.

– О-о, это плохо, – рассмеялся тот, – я тоже год назад в Ташкенте в таком же положении был.

– Лучше об этом не говорите, у меня при одном упоминании о еде желудок выворачивает, – скривив губы, обронил Эди, подумав о том, что весь вечер придется поддерживать эту легенду.

– Не буду, – обронил Марк, втискивая свой жигуленок между стоящими напротив входа двумя такси. Завершив маневр, он облегченно вздохнул и, внимательно посмотрев на окна верхних этажей гостиницы, продолжил: – Приехали, пойдёмте.

– Пойдемте, – сказал Эди и, стараясь не задеть дверью жигуленка кузов такси, вышел из машины. При этом заметил, как к гостинице подъехала какая-то «Волга» и тут же припарковалась. Никто из нее отчего-то не стал выходить. Практически вслед за ней подрулила «Волга»-такси с шахматными полосами на боках, из которой вышли опрятно одетые мужчина и женщина и направились к центральному входу. Такси после этого проехало до десятка метров вперед и также припарковалось. Световой сигнал тут же погас. «Наверно, в такси наша наружка, а в таинственной волжанке – люди Моисеенко, – пронеслось в голове Эди, который шел вслед за Марком к входу в гостиницу. – Интересно, что же задумал резидент на этот раз? Испробовать на мне какой-нибудь новый коктейль с Ленгли? Так в мои планы не входит его глотать, а в остальном разберемся, и со временем станет ясно, как в народе говорят, кто чей холоп».

– Идем на второй этаж, – указал Марк, прервав этим его мысли.

Эди молча последовал за ним, обратив внимание на сидящую в холле знакомую парочку Моисеенковских «топтунов». «Они меня точно держат за лопуха, если столько времени используют одну и ту же парочку для слежки, – внутренне улыбнулся он, – пусть так и будет, не стоит их разубеждать в этом».

Через пару минут Марк постучался в дверь одного из номеров. Ее тут же открыли. Было видно, что здесь ждали их прихода. В проеме показался мужчина лет сорока, который своей внешностью был похож на известного ленинградского певца Эдуарда Хиля.

– Вас ожидают, – манерно произнес он, указывая рукой в комнату, где за столом, уставленным различной едой, бутылками со спиртным, соками и водой, сидел Моисеенко.

– Удивлены? – хохотнул тот, поднимаясь навстречу Эди. – Не сердитесь, это он посоветовал мне так поступить, – добавил резидент, кивнув в сторону Марка, отчего тот лишь развел руки в стороны, мол, принимай, как говорит шеф.

– Нет, не удивлен, – ответил Эди, – я уже привык к тому, что вы всегда поступаете оригинально, – и тут же, бросив на Марка тревожный взгляд, быстро направился в туалетную комнату.

– Он траханулся, – пояснил Марк, среагировав на вопросительный взгляд резидента.

– Траванулся, – поправил его человек, похожий на Хиля. – У русских так говорят, когда хотят сказать, что отравился.

– Really? I hope, there's nothing serious? – неожиданно перейдя на английский язык, вполголоса спросил Моисеенко.

– No, it's some street food, – уточнил Марк на том же языке.

– Do you know, whether he saw a doctor?

– He said nothing, so I didn't ask.

– But you should have! You know, now he'll neither eat nor drink, – начал сердиться Моисеенко.

– Maybe the juice trick? – предложил человек, похожий на Хиля, – We use it as well.

– You should have foreseen all the possible situations, – холодно произнес Моисеенко и после короткой паузы добавил: – Gunter, won't it hurt him much? We need him healthy.

– Just a little bit, but it will wear off in a while, – пояснил тот, сморщившись.

– But if he raises a racket?

– Don't worry! He'll be as good as a pie, – усмехнулся Гюнтер.

– Then prepare your juice, until he comes out, – приказал Моисеенко, а затем отчего-то сморщив лоб, будто решая многосложную задачу, спросил: – And what does it mean “to be as good as a pie”?

– It means he'll be nice and sweet, – уточнил Гюнтер.

– Really? And if you don't mind me asking, where did you study to get such deep knowledge in Russian language?

– Well, I was born and lived in Kazakhstan.

– So, there was no need for much teaching.

– Of course, if he was born here, – хихикнул Марк, – They just had to check him well⁷.

⁷ – То есть как отравился, надеюсь, это не серьезно?– Уличными пирожками.– Не знаешь, врачу показывался?– Он не говорил, и я не спрашивал.– А надо было, ты же понимаешь, что теперь он не станет ни есть, ни пить.– Может, вариант с соком? Мы так тоже делаем.– Надо было заранее предусмотреть все варианты. Гюнтер, а это не навредит ему сильно? Нам он нужен здоровый.– Только чуточку, но со временем пройдет.– Буянить не будет?– Что вы, будет паинькой.– Тогда готовь свой сок, пока он не вышел. А что значит, будет паинькой?– Будет ласковым.– Вот как? Тогда, если не секрет, скажи, где учился, что так глубоко знаешь русский?– Так я родился и жил в Казахстане.– То есть тебя особо и учить не надо было.– Конечно, если он родился здесь, его надо было только особо проверять.

– Прекрати, Марк, паясничать, – сухо уже на русском произнес Моисеенко и, взяв его под руку, зашагал к арке, условно отделявшей комнату от прихожей и туалета, чтобы перехватить Эди, когда тот будет возвращаться к столу.

– У вас с русским ничуть не хуже, – теперь уже произнес Гюнтер, активно смешивая ложкой вылитую им в графин с соком из небольшого флакончика жидкость. – Может, расскажете?

– Это длинная история, как-нибудь на досуге и расскажу, – пообещал Моисеенко, глядя, как тот уже ставит в центр стола графин с «начинкой».

– Я обязательно напомню вам, – утвердительно промолвил Гюнтер, демонстративно показав рукой на графин.

– А я обязательно расскажу, – заметил Моисеенко и, удовлетворенно кивнув головой, направился в сопровождении Марка к столу.

Через пару минут вернулся и Эди.

– Извините, не знаю, как вас зовут, что без разрешения вломился в туалет, видите ли... – начал объяснять Эди.

– Не стоит извинений, Гриша свой парень, у него нет к вам претензий, тем более Марк рассказал нам о вашем отравлении, – пояснил Моисеенко, выстрелив холодным взглядом в сторону Гриши-Гюнтера.

– И действительно, не стоит извиняться, такое с любым может случиться. Эти уличные коммерсанты обнаглели совсем. Чтобы заработать, они готовы подсунуть человеку какую-нибудь гадость в хорошей обертке, так что вы очень рисковали своим здоровьем, – с еле заметным акцентом, который можно было легко принять за прибалтийский, произнес Гриша.

– Очень жаль, дорогой Эди, что вы заболели, а то хотел отметить ваш приезд хорошим вином и отменной закуской, – с грустью в голосе промолвил Моисеенко. – Но ничего, хоть легким напитком подлечите свой желудок.

– Вы правы, Андрей Ефимович, ему можно немножко сока выпить, это поможет, я знаю по своему опыту, – поспешил поддержать его Гриша, а потом, закатив глаза под самые веки, эмоционально добавил: – О-о, мне тоже приходилось не раз страдать от отравления.

– Тогда всем за стол, – скомандовал Моисеенко и первым плюхнулся на стул, что стоял у окна, жестом руки указав Эди на место рядом с собой.

По левую сторону от резидента сел Марк, а Гриша по правую сторону от Эди.

Дождавшись, когда все усядутся, Моисеенко весело произнес:

– Гриша, чего ждешь, наливай, я кушать хочу, а то с утра ничего не ел из-за этих бесконечных совещаний. Мне, как всегда, армянского коньяка, люблю его и ничего поделывать не могу с собой, а Эди, конечно, сока, у него сегодня диета.

– Мне спиртного нельзя, я за рулем, – буркнул Марк и потянулся за бутылкой минеральной.

– Ишь как устроились, Эди подавай сока, а тебе минеральную, – рассмеялся Моисеенко. – Но ничего, пусть так и будет, нам с Гришей больше достанется.

Гриша тем временем налил резиденту и себе коньяка, а Эди – полный бокал виноградного сока.

– Друзья, для начала хочу сказать тост за Эди, – произнес Моисеенко. – Он настоящий мужчина. Его не сломала тюрьма, в которой он оказался беспричинно. Более того, находясь там, он смог помочь моему другу и еще кое-кому, за что мы ему очень благодарны. Эди является сильным каратистом и ученым. Он занимается историей своего многострадального народа. Я очень надеюсь, что наши с ним отношения со временем станут по-настоящему дружескими. Вот за это я и предлагаю выпить, – высокопарно произнес Моисеенко, вглядываясь в лицо каждого из присутствующих за столом, и отпил полбокала.

– Андрей Ефимович, после такого тоста мне никак не годится пить сок. Понимаете, если об этом узнают мои друзья, они засмеют меня, – промолвил Эди, улыбнувшись, и поставил на стол бокал с соком, который держал в руке, будто собираясь выпить его содержимое.

– Правильно говоришь, Гриша, налей ему этого прекрасного грузинского вина, – предложил развеселившийся резидент, указав на одну из стоящих на столе бутылок.

– Не надо, я, как и вы, Андрей Ефимович, выпью армянского коньяка, – заявил Эди и, наполнив до краев одну из стоящих на столе чистых рюмок, единым махом выпил. Затем, несколько сморщившись, чтобы показать, как трудно ему удалось это сделать, попросил Марка налить в ту же рюмку минералки. Когда тот выполнил его просьбу, чуточку отпил из нее и поставил перед собой.

– Ай да молодец, – воскликнул Моисеенко, бросив на Эди изучающий взгляд. – Вот так, друзья, надо лечить отравление.

– Но в таком случае коньяк лучше запить соком, – порекомендовал Гриша. – Минеральная вода с газом может усугубить последствия отравления.

– Дорогой Эди, я тоже так считаю, послушайте Гришу, а то, не дай бог, и на самом деле плохо станет, – согласился Моисеенко.

– Но если вы так советуете, – сказал Эди и поднял бокал с соком, как бы собираясь его выпить, но тут же поставил на место со словами: – Не могу, иначе все обратно польется.

– Надо заставить себя, я уверяю вас, все будет нормально, ну попробуйте, – начал настаивать Гриша.

– Должно быть, вы лучше меня ощущаете мое состояние, – усмехнулся Эди, остановив тяжелый взгляд на Грише.

– Гриша, Гриша, ну что вы пристали к человеку, лучше приготовили бы чай или кофе, – торопливо порекомендовал Моисеенко, кольнув того уничтожающим взглядом. – А вы, дорогой Эди, извините его, он же хотел как лучше. Может быть, для вас какие-нибудь пилюли достать? Скажите, и Марк тут же сбегает в аптеку.

– Спасибо, Андрей Ефимович, не нужно, мне уже несколько лучше, наверно, коньяк помог.

– Прекрасно, тогда будем лечиться коньяком, – широко улыбнулся он.

– Больше нельзя, он горло чуточку пожег.

– Разве коньяк может... вот если бы спирт, – усмехнулся Моисеенко.

– Может, если до него тебя разрывало на части, – пошутил Эди.

– То есть как разрывало? – недоуменно спросил резидент, бросив вопросительный взгляд на Марка, который, не обращая на собеседников никакого внимания, увлеченно поедал куриную грудку.

– В смысле рыгал, – уточнил Эди.

– А-а, вот оно что, – хихикнул Моисеенко, издав эмоциональное бррр.

– Я сейчас приготовлю легкий чай, и ваше горло мигом поправится, – сказал Гриша и направился к шкафу с посудой.

– А мы с Эди тем временем чуточку поговорим, – неожиданно произнес Моисеенко и, кивнув ему, мол, пошли, направился в другую комнату.

Эди, продолжая играть больного, медленно поднялся и последовал за ним.

Комната оказалась просторной спальней, в которой кроме кровати и стенного шкафа стояли придвинутые спинками к свободной стене два потертых ширпотребовских кресла.

– Располагайтесь, правда, здесь не совсем уютно, – промолвил Моисеенко и указал на кресла.

– Бывало и хуже, – улыбнулся Эди, опускаясь по привычке в дальнее кресло, чтобы не оказаться спиной к входу.

– Жаль, что не смогли по-настоящему отдохнуть, – с нотками сожаления произнес Моисеенко, садясь в кресло напротив.

– Вы уж простите, что расстроил ваш план сотворить доброе дело. Ну что поделаешь, коль пирожки оказались отравой?!

– Не скрою, обидно, надо же такому случиться именно с вами, – то ли сочувственно, то ли расстроившись оттого, что сорвалось его спецмероприятие, произнес Моисеенко и тут же без всякой паузы, широко улыбнувшись, продолжил: – Ничего, дорогой Эди, ничего, это от нас никуда не уйдет, мы в другой раз наверстаем упущенное, а сейчас давайте поговорим о наших делах. Я имею в виду вашу поездку в Белоруссию, чтобы выяснить, как там поживает мой друг. Если помните, в прошлый раз мы об этом говорили.

– Куда там, вчера Елена об этом же прожужжала мне все уши, – усмехнулся Эди.

– Молодец, а я думал, поплачет и успокоится, – вскинул брови Моисеенко.

– Она только и говорит об отце, все не дождется, когда сможет увидеться с ним.

– Так помогите ей, заодно и сами встретитесь с Сашей и этим, как вы в прошлый раз метко его назвали, – страдальцем, поговорите, мол, как дела и чем помочь, да и от меня сочувственные послания передадите, – напористо предложил Моисеенко, упершись взглядом в собеседника.

– О страдальце, насколько помню, его Олегом зовут, могу хоть сегодня узнать у Юры, – заметил Эди, понявший, что резидент планирует передать им через него очередную весточку.

– Это кто? – спросил Моисеенко.

– Мой минский товарищ, я о нем рассказывал, – уточнил Эди, вспомнив сегодняшней доклад Артема генералу о том, что Юра ездил к Олегу в ИТК и его встрече с Постоюковым, который, по всему, информировал об этом Моисеенко.

– А-а, вспомнил, он же ваш научный коллега.

– Да, это он помогал уговаривать следователя скостить срок вашим друзьям, – подтвердил Эди, сделав акцент на последних словах.

– Он что, Олега лично знает? – спросил Моисеенко, никак не отреагировав на фразу о друзьях.

– Думаю, уже познакомился, иначе помочь тому выживать на зоне невозможно будет, – предположил Эди.

– Такую задачу вы ему определили?

– Андрей Ефимович, опять уподобляетесь следователю, мы же вроде договорились... – начал Эди, чтобы остудить резидента.

– Ну что вы, дорогой Эди, я лишь хотел уточнить, и только, – пропел Моисеенко, не дав ему продолжить. – Надо же, снова сорвался на службистский тон, понимаете, работа...

– Вы сами подумайте, зачем мне заниматься судьбой этого страдальца, если никто не просил, я же не мать Тереза. А что касается вашего, «кто поручал», то я еще в прошлый раз вам рассказывал, как приходил ко мне человек, у которого я брал деньги для следователя, и просил помочь Олегу, – теперь уже Эди прервал Моисеенко.

– Ой, вспомнил. И действительно говорили, – признался Моисеенко, вскинув при этом, словно в молитве, руки, чем, видимо, хотел подчеркнуть, но как мог он такое забыть. Затем, после секундной паузы, уже спокойно продолжил: – Они, наверно, друзья, и потому тот решил проявить заботу о ближнем человеке.

– Я не заметил, чтобы они особо тянулись друг к другу, – с сомнением в голосе произнес Эди, надеясь тем самым подвигнуть резидента больше рассказать о Постоюкове.

– Вот как, а я подумал, что друзья, иначе зачем бы ему заступаться за него, да еще тратить деньги.

– Этот тип, кстати, он Алексеем представился, и его жена говорили, что они задолжали Олегу деньги и потому раскошелились.

– О-о, теперь понятно, почему он заботится об Олеге, – прищурился Моисеенко, что, на его взгляд, должно было убедить Эди в его неосведомленности в делах страдальца. И тут же неожиданно спросил: – Скажите, а жена этого Алексея имеет какое-то отношение к Олегу?

– Не знаю, она об этом не говорила, – ответил Эди, изобразив на лице удивление оттого, что его собеседник так неожиданно перешел на тему о жене Алексея, явно намекая на какие-то ее отношения со страдальцем.

– Ну, возможно, сердилась на мужа, что им приходится расставаться с деньгами, – усмехнулся Моисеенко, не обратив внимания на реакцию Эди на свой вопрос.

– Можно подумать, что вы там были, – пошутил Эди. – И на самом деле эта мегера не хотела давать деньги и все допытывалась у меня, мол, для чего они Олегу понадобились и где он сам находится, а Алексей все это время молчал и лишь поддакивал ей. Мне даже жалко его стало.

– А почему? – оживился Моисеенко.

– Да потому, что он полностью находится под ее пятой.

– Может, ему так удобно, – вновь усмехнулся Моисеенко.

– Может, но как-то непривычно было это видеть – здоровый мужчина и так себя ведет.

– Выходит, она более волевая, чем он.

– Или она контролер семейного бюджета, – сморщившись, будто глотнул кислое молоко, промолвил Эди.

– О-хо-хо, скорее всего, так оно и есть, ведь деньги в нашей жизни – основа всего, – уставился в Эди Моисеенко пытливым взглядом, будто желая узнать, разделяет ли он это мнение.

– Если и не вся основа, но ее значительная часть, – широко улыбнулся Эди.

– Скажите, а этот ваш друг Юра в Москве бывает? – в очередной раз неожиданно поменял тему разговора Моисеенко.

– Очень редко, когда возникает необходимость поработать в архивах.

– А его знакомые по Минску – влиятельные люди?

– Их всего-то несколько человек, и все деловитые. Этого вполне достаточно.

– Вам они понравились?

– Люди как люди, один из них работает на большой должности в милиции, двое других – в прокуратуре, я с ними не знаком. Есть парень, который работает в тюрьме, с ним он дружит с юности.

– А среди партийных и советских функционеров, гэбистов нет у него друзей?

– Он и тех, и других на нюх не переносит, так как в свое время его дед был расстрелян, как вы их называете, гэбистами за то, что якобы состоял в троцкистской организации. По этой причине его отец всю жизнь был на подозрении у властей, а Юру даже в пионеры не приняли, в институт он поступил под девичьей фамилией матери.

– Хорошо, что парень не потерялся, занимается наукой, как и вы. Рад, что имеете такого друга. Надеюсь, как-нибудь познакомите с ним?

– Конечно, как только он окажется в Москве.

– А если я поеду в Минск?

– Юра будет рад, ведь я рассказывал ему о вас, как о друге Александра, к которому он относится с большим уважением.

– Вы мне об этом не говорили.

– И сейчас не сказал бы, если б не коснулись этой темы.

– Получается, с помощью своих друзей он сможет общаться с Олегом и Сашей или дать такую возможность вам или кому-нибудь еще?

– Сможет, но относительно других надо будет с ним на месте решать.

– Вам бы не помешало лично подружиться с его приятелями из милиции и прокуратуры, – вкрадчивым голосом сказал Моисеенко.

– Зачем, он и так все, что надо, делает, – удивился Эди.

– Дорогой Эди, жизнь есть жизнь, – менторским тоном произнес Моисеенко. И видя, что Эди его внимательно слушает, продолжил: – Вот представьте себе на миг, что Юра куда-нибудь уехал или, не дай бог, с ним что-нибудь случилось, а нам необходимо срочно встретиться с Сашей.

– Представил, только надо подумать, как это согласовать с Юрой, – задумчиво ответил Эди, а затем после короткой паузы добавил: – Вы, конечно, правы, по научным делам, а то и просто для встреч с друзьями-однокурсниками он действительно выезжает то в Ленинград, то в Киев...

– Извините, а он не рассказывал вам о своих друзьях в Ленинграде? – прервал его Моисеенко.

– Рассказывал, и не только он, но и его друг-тюремщик, – уточнил Эди. – Только не пойму, зачем это вам?

– Дорогой Эди, в нашей жизни все взаимосвязано, поэтому хочется знать больше о своих потенциальных друзьях. Вы же сказали, что познакомите меня с Юрой, а он, в свою очередь, надеюсь, не откажется свести со своими друзьями. Это же реально?

– Вполне, – улыбнулся Эди, понявший, что неспроста резидент затеял разговор о Ленинграде. «Неужели хочет прояснить ситуацию с Глущенковым? – мелькнуло в его голове. – Возможно, ведь тот был связан с Иудой и имел выход на Моисеенко. В таком случае допустимо, что резидент изучает обстановку вокруг находящегося в ленинградской тюрьме Глущенкова и потому так быстро среагировал на мою информацию о друзьях Юры в Ленинграде. Ну что ж, будем пытаться помочь шпиону» – заключил он, слушая как Моисеенко, хохотнув, предложил:

– Тогда расскажите, а не тюремщики ли они, эти питерские друзья вашего Юрочки?

– Есть тюремщик и просто милиционер – это однокашники Карабанова. Они в свое время учились вместе с ним в минской школе милиции.

– А при чем здесь Юра? – удивился Моисеенко.

– Юра, как друг Карабанова, часто бывал вместе с ними, иногда организовывал им культурный досуг. В общем, помогал молодежи не скучать после занятий. Со временем, как говорится, стал для них своим парнем. И поэтому, когда он с Карабановым или без него приезжает в Ленинград по каким-нибудь делам, конечно, это не часто бывает, то они встречают его, как дорогого гостя. Снимают отдельную квартиру, хотя Юра вполне мог бы пожить у своих родственников.

– Он что – выходец из Питера?

– Я об этом не спрашивал. Знаю только, что в Ленинграде живет его родня по материнской линии. Я даже познакомился с его то ли двоюродным, то ли троюродным братом, приезжавшим по служебным делам на какой-то белорусский завод.

– Скажите, а какое положение занимают питерские друзья Юры на своей работе?

– Точно не знаю, но Юра говорил, что они будто в начальниках каких-то ходят, – усмехнулся Эди.

– Дорогой Эди, а вы могли бы уточнить у него или этого тюремщика, кто они по званию и должности?

– Андрей Ефимович, это несложно сделать, но, скажите, для чего? – удивился Эди.

– Пока я и сам не знаю, но кажется, что у вас с Юрой появится возможность хорошо заработать, если его друзья смогут нам помочь в одном деле, – хихикнул Моисеенко, заговорщически подмигнув Эди.

– О-о, я не против, только скажите, что делать, – оживился Эди, демонстрируя тем самым, что его заинтересовала перспектива хорошего заработка.

– Об этом позже поговорим, точнее, перед вашим отъездом, – улыбаясь, вымолвил Моисеенко, а затем как бы невзначай спросил: – А этот работяга из Питера, с кем вы познакомились, носит ту же фамилию, что и Юра?

– Я не говорил, что он работяга, – отреагировал Эди. – Он, кажется, инженер Кировского завода, но какая у него фамилия, не знаю, не спрашивал, мне это ни к чему было.

– Ну, бог с ним, я это так, из-за своего природного любопытства, – пошутил Моисеенко, а потом уже серьезно добавил: – Вот вам бы надо продолжить отношения с ним, а вдруг пригодится, если ненароком окажитесь в Питере.

– У нас и так сложились почти товарищеские отношения, ведь он тоже спортсмен. Если и на самом деле попаду в Ленинград, то нет сомнений, что поможет мне в получении доступа к нужным архивам, – заверил Эди.

– Вот это хорошо, своих людей надо повсюду иметь, тогда и жизнь станет более интересной, – заключил Моисеенко, одобрительно кивнув собеседнику.

– Вы правы, даже не знаю, что бы я делал, если не помощь Юры, – искренно произнес Эди. При этом ему вспомнились слова Маликова об интересе противника к танкостроению в Ленинграде, и потому решил, что Моисеенко не случайно зацепился за информацию об инженере. «Видно, попросит уточнить сведения о нем, как возможном носителе закрытой информации. Прекрасно, тогда надо будет под видом этого инженера подставить ему нашего человека и накормить очередной дезой», – заключил он, смотря на задумавшегося собеседника.

– Дорогой Эди, – продолжил Моисеенко, встрепенувшись, будто отгоняя от себя назойливые мысли, – по моей инициативе мы несколько отвлеклись от разговора о целесообразности углубления ваших отношений с друзьями Юры из минской милиции и прокуратуры. Конечно, это важно, чтобы иметь возможность в любое время связаться с Сашей. Но хочу подчеркнуть, что не менее важно последующее ваше знакомство с начальниками минской колонии в смысле получения возможности напрямую созваниваться с кем-нибудь из них и высказывать ту или иную просьбу, будучи уверенным, что не откажут. Деньги для такой дружбы с ними у вас будут.

– Если деньги будут, может, лучше попробовать укоротить время пребывания Александра за решеткой? – усмехнулся Эди.

– Интересная мысль, но, насколько я знаю наши законы, в ближайший год – это нереально. Так что будем помогать Саше, а также, возможно, и Олегу выживать, если этого хочет его друг, конечно, не бесплатно, – сказал Моисеенко и тут же, сделав паузу, в течение которой, видно, что-то прокручивал в голове, резко спросил: – Скажите, дорогой Эди, а с чего это Юра зауважал Сашу?

– Как с чего? – усмехнулся Эди. – Понятное дело, ведь благодаря его деньгам мы смогли продолжить сбор этнографического материала в Бресте, да и барахла всякого себе накупить.

– Да, Саша молодец, поэтому и говорю, что надо бы вам к нему срочно поехать, – как бы спрашивая согласия Эди, промолвил резидент.

– Можно и поехать, но для этого одного желания недостаточно.

– Насчет расходов не волнуйтесь, я же помню, что вы не коммерсант, а ученый, – как бы шутя, подчеркнул Моисеенко. – К тому же вы уже сказали, что потратились на всякие там свои домашние дела.

– Вы правы, в наше время лишь за воздух, которым дышим, пока не платим.

– О-о, хорошо сказано, действительно, пока не платим, а как будет дальше, то этого никто не знает, – закивал Моисеенко, а затем, чуточку повременив, продолжил: – Так вот, деньги на поездку и на всякие ваши расходы я дам. Их хватит и на причуды Леночки. Только надо будет выехать в ближайшие дни, конечно, если вас ничто здесь не задерживает.

– Ничего, кроме того, что я собирался поработать в архивах и библиотеках, – заметил Эди, чтобы на всякий случай иметь в резерве два-три дня, которые могли понадобиться ему для подготовки.

– Вы там уже договорились?

– Нет, собираюсь сделать это послезавтра, а завтра с Еленой мы задумали сходить в Пушкинский музей.

– В музей я тоже с удовольствием бы ходил, если б на то было время, – мечтательно промолвил Моисеенко. – Так что вы молодцы, не забываете о высоком искусстве. Но что касается архивов и библиотек, если, конечно, послушаетесь моего совета, то рекомендую за два-три дня договориться по допуску к ним и ехать в Минск. Вернетесь, у вас будет много времени, чтобы обшарить все их фонды. Если нужна будет помощь, обращусь к одному из здешних скряг, и он все решит, – пообещал резидент, явно намекая на Сафинского. – Уж он наверняка знает, к кому и как подъехать.

– А что – это хорошая идея, тем более помощь понадобится, особенно, чтобы получить доступ к архивам военных, – весело, насколько это может еле оправившийся от отравления человек, произнес Эди.

– Считайте, что договорились, завтра вечером или послезавтра днем мы с вами встретимся и обо всем подробно поговорим. О месте и часе встречи дам знать сам или через кого-нибудь из присутствующих, а теперь пойдете туда, нас заждались, – заключил Моисеенко и направился к двери.

Эди последовал за ним и присел на прежнее место за столом. Гриша тут же предложил заваренный им, скорее всего, психотропный чай, от которого он отказался, сославшись на плохое самочувствие. Но отказываться от разговора о своей жизни в Казахстане, по всей вероятности являющегося частью запланированного трицей мероприятия, посчитал нецелесообразным и потому охотно отвечал на вопросы Гриши. Когда же тот попросил рассказать о его кавказском этапе жизни, он вопросительно посмотрел сначала на Моисеенко, а потом, перенеся взгляд на Гришу, произнес:

– У вас удивительная осведомленность о моей скромной персоне. Не скажете, чем объяснить это и вашу любознательность?

– Ой, это я рассказал, пока вы находились в туалете, – встрял Моисеенко. – А наш Гриша до невозможности любопытный человек.

– Андрей Ефимович, пусть тогда Гриша сначала расскажет о себе, – предложил Эди, чтобы тот не развивал тему о Кавказе. – Тем более, как я понял, его первичное любопытство объяснялось тем, что он сам имеет отношение к Казахстану, о чем свидетельствовали его уточняющие вопросы. Человек, не знающий этот край, не мог бы сформулировать их в такой редакции.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся резидент в лицо Грише. – Вот так, теперь давай рассказывай о своих корнях.

После этого Гриша коротко поведал о том, как некоторое время жил в Акмолинске.

– Вы из казахстанских немцев, – утвердительно сказал Эди, глядя на Гришу. – С нами по соседству жили несколько немецких семей. Они так же говорили по-русски. Даже наш директор школы Густав Готлибович, несмотря на свою просвещенность, и то имел этот специфический акцент.

– О-о, как интересно, – хихикнул Марк. – А то Гриша убеждал меня, что его произношение безукоризненное.

– Выходит, не совсем так, если Эди в два счета доказал обратное, – усмехнулся Моисеенко. – Получается, что ему еще надо поработать, как говорится, над ошибками.

– Вы что, филолог? – удивленно спросил Гриша.

– Тебе же говорили, что он историей занимается, научные статьи пишет, – рассердился Моисеенко.

– Ну да, говорили, – смутился Гриша.

– И является мастером каратэ, так что советую не докучать ему своими вопросами, – хохоча, посоветовал Марк, отчего-то подмигнув Эди.

– Не буду, у меня больше нет вопросов, хотя один есть, – отшутился Гриша, пристально глянув на Моисеенко.

– И какой? – недовольно спросил тот.

– А где Эди занимается каратэ, у нас же это запрещенный вид спорта?

– Слушайте, вы надоели мне своими вопросами, – зло бросил ему в лицо Эди, а затем в том же тоне продолжил: – Для любопытных отвечаю – я занимаюсь каратэ повсюду: дома, в гостинице, в тюрьме, в поезде, самолете, и для этого мне ни залов, ни разрешения продажных чиновников не нужно, ибо освобождаю себе пространство этим инструментом, – завершил он свою длинную фразу, сжав расслабленно лежащую на столе руку в кулак так сильно, что захрустели суставы пальцев.

– Надеюсь, Гриша, ты удовлетворен, – ощерился Моисеенко, глядя, как тот молча уставился в стоящую перед ним чашку с чаем. – Вижу, что понятно, итак, вопросы иссякли, и это хорошо, нам пора закругляться, – как бы подытожил резидент, а затем, улыбнувшись, сказал: – Думаю, в скором времени мы продолжим наше общение в таком же составе. Сейчас же, дорогой Эди, если не возражаете, Марк отвезет вас в гостиницу, а мы с Гришей чуточку задержимся здесь, чтобы не обмануть ожидание наших желудков, – и многозначительно оглядел заставленный едой и напитками стол. . .

Распрощавшись с Моисеенко и несколько обескураженным Гришей, а также побывав в туалете, чтобы лишний раз закрепить легенду об отравлении, Эди в сопровождении Марка спустился вниз.

Когда они уже сели в машину, Марк неожиданно произнес:

– Эди, вы так мастерски размазали по столу этого зануду, что я с трудом сдержался, чтобы вовсе не расхохотаться.

– Терпеть не могу, когда кто-то пытается ковыряться в моей жизни, – заметил Эди, наблюдая за тем, как тот ловко встраивается в поток машин, ползущий по ночной улице.

– Он и на самом деле прилип к вам, словно банный лист, мол, где родились, где крестились, с кем жили. . . в общем, склизкий человек, поэтому Гю, ой, Гриша, – неожиданно осекся Марк, но тут же справившись с собой, быстро продолжил: – Поэтому он не нравится мне.

– Я этого не заметил, как и то, что вы ранее называли его Гю, – пошутил Эди, рассчитывая на то, что Марк станет уточнять причину своей неприязни к коллеге и особенно, почему назвал его таким коротким именем.

– В лицо такое ему, конечно, не скажешь, ведь он в хороших отношениях с Андреем Ефимовичем, – не торопясь, словно раздумывая над чем-то отвлеченным, пояснил Марк. Затем, окинув Эди боковым взглядом, продолжил: – Что касается Гю, то я просто оговорился. Понимаете, у меня в юности был товарищ с подобным коротким именем, но отчего-то именно в этот момент я о нем вспомнил.

– Его тоже Гришей звали? – спросил Эди, давая тем самым почувствовать собеседнику, что не поверил приведенному им аргументу, но в то же время протянул ему вроде спасительную соломинку, за которую тот мог ухватиться. При этом сам подумал: «Интересно, с чего это шпион так остро среагировал на Гю, уж не сболтнул ли случайно реальное имя своего коллеги, что вполне возможно? Допустив такой вариант, я должен попробовать сыграть на этом», – решил Эди, продолжая наблюдать за напрягшимся Марком.

– Ну да, Гришей, отсюда и такая связка получилась, – воспользовался он провокационной подсказкой Эди.

– Бывает, – расслабленно заметил Эди. – Так и быть, доставлю Грише или Андрею Ефимовичу повод для смеха, рассказав об этом случае. Или просто скажу, мол, привет Гю.

– Зачем вам это, хотите рассорить меня с ним? – с тревогой в голосе спросил Марк.

– Думаю, это, наоборот, развеселит их, – усмехнулся Эди, сделав вид, что не обратил внимания на изменение настроения собеседника.

– А если я попрошу вас не делать этого? – вопросительно промолвил тот, бросив на собеседника изучающий взгляд.

– Скажите, что вас так напрягло, тогда не стану их веселить, – пошутил Эди, не отреагировав на его вопрос.

– А без объяснений нельзя?

– Можно, но, поймите, мне очень хочется узнать, почему этого прилипалу, или по-вашему зануду, вы назвали Гю, – спокойно, но твердо произнес Эди.

– Охо, вам дай палец, так вы всю руку отхватите, – рассмеялся Марк. – Чувствую, уроки Андрея Ефимовича вам на пользу пошли, в чем-то даже похожи на него стали.

– Это хорошо или плохо?

– В целом хорошо, но в данном случае было бы лучше, если вы обещали больше не вспоминать о Гю.

– Обещаю, если ответите на мой вопрос, но только честно, а то в первом случае вы воспользовались моей не совсем удачной подсказкой.

– Хорошо, отвечу – это начало имени Гриши, – буквально выдавил из себя Марк.

– По такой логике вы должны были Гри сказать, а прозвучало Гю, выходит, вашего товарища иначе зовут, – вновь усмехнулся Эди.

– Вы правы, его Гюнтером зовут, – сухо обронил он.

– И стоило ли, дорогой Марк, из-за этого так напрягаться? – безразличным тоном произнес Эди. – Знаете, там, где я родился, каждый второй немец был или Гюнтер или Густав, а дети меж собой звали их кого Гришей, а кого Геной. Только не пойму, зачем Гюнтеру нужно иначе зваться, ведь его истинное имя звучит прекрасно.

– Не знаю, я же сказал, что он склизкий тип – сегодня один, завтра другой, одним словом – артист.

– Да бог с ним, пусть хоть Гитлером назовется, нам-то что, – хохотнул Эди.

– Вот это правильно, пусть, как хочет, так и зовется, но только просьба не забывать о своем обещании, вы же человек слова, – произнес Марк, перестраиваясь в правый крайний ряд.

– Хорошо, не забуду, только скажите, кого из них больше боитесь?

– Ни того, ни другого, просто не хочется прослыть человеком, который не умеет держать язык за зубами, – ухмыльнулся Марк, притормаживая на подъезде к станции метро.

– Вы молодец. В наше сумбурное время редко встретишь человека, которого бы это в такой степени волновало.

– Эди, знаете, я удивляюсь вашему умению ничего лишнего не говорить и не позволять другим углубляться в вашу жизнь.

– Не могли бы вы проще выразиться, а то говорите витиевато, как мой научный руководитель, – рассмеялся Эди.

При этом сам подумал о том, что Марк является опасным противником, поскольку за две-три непродолжительные встречи смог сделать такое наблюдение. Ведь он и на самом деле стремится дать как можно меньше информации о себе, чтобы моисеенки не расщелкали его легенду.

– На мой взгляд, вы заранее определяете, что будете говорить, а чего нет, и при общении с людьми отсекаете ненужные вам разговоры и заставляете их говорить о себе, как это сделали сегодня с Гюнтером, фу ты черт, то есть с Гришей, – произнес Марк и сжал руль до хруста в пальцах.

– Не могли бы вы конкретизировать, чтобы я тоже знал, о чем речь, – улыбнулся Эди, хотя внутренне несколько напрягся, подумав, что Марк имеет в виду момент пресечения им

попытки Гриши детализировать его кавказскую жизнь. При этом сделал вид, что не обратил внимания на очередную его оговорку.

– Я уже говорил, – смущенно заметил Марк, останавливая машину впрыток к обочине у тротуара.

– Тогда повторите для непонятливого, – попросил Эди, продолжая улыбаться. – Хотелось бы знать, как со стороны это смотрелось.

– Хорошо смотрелось, вы просто раздавили его своей логикой и заставили говорить о своей жизни в Казахстане, хотя я думаю, это не входило в его планы.

– Но он же не признался, что его зовут Гюнтером, – весело бросил Эди и взялся за ручку двери.

– Дорогой Эди, мы договорились? – спросил Марк, развернувшись к нему.

– Конечно, не сомневайтесь, – ответил Эди и, пожав протянутую ему руку, сошел на тротуар.

Спустя секунды Марк, махнув на прощанье рукой, уехал, а Эди направился в подземный переход, чтобы вернуться к себе в гостиницу. Но, поднявшись из него, медленно пошел на Красную площадь, так как ему захотелось посмотреть развод караула и послушать бой курантов...

Глава VI

В гостиницу он пришел примерно через час. По пути в номер зашел к Любе и позвонил Артему. Коротко, насколько позволяла открытая связь, рассказал ему о прошедшей встрече.

– Слышу, они утомили тебя, дружище, – сочувственно промолвил Артем.

– Есть немного, но в целом все нормально.

– Понимаю, отоспишись, и все будет как прежде, – успокоил Артем. – Завтра надо будет кое-какие моменты проговорить. Как у тебя со временем?

– Как у отпускника, правда, моя знакомая приедет с утра, мы собираемся в музей сходить.

– Мне остается только позавидовать, но учти, что наш был наверху и там вроде заинтересовались твоим предложением. По всему захотят тебя увидеть, так что будь готов к серьезному разговору.

– Сегодня окончательно убедился, что надо реально ускоряться, если не хотим опростоволоситься.

– Вот об этом и расскажи завтра, а пока рекомендую отдохнуть и поразмышлять над всем этим.

– Попробую, – согласился Эди и положил трубку.

– Эди, пока вы разговаривали, я приготовила кофе, присаживайтесь к столу, – предложила Люба, ставя на столешницу кофеварку.

– Спасибо, он будет очень кстати, а то пришлось целый вечер облизываться, видя, как его пьют другие.

– Тогда угощайтесь сваренным мной, – улыбнулась она, наливая в стоящую перед ним чашку ароматно пахнущий напиток.

– Мне здесь долго оставаться нельзя, – заметил Эди, осторожно пригубляя чашку, – могут позвонить. Может, ко мне пойдем?

– Сейчас нельзя, – легко улыбнулась Люба. – Готова позже подойти, если не будете отдыхать.

– Не буду, – сказал Эди и, допив свой кофе, пошел к себе.

Не успел он принять душ и вернуться в гостиную, как зазвонил телефон.

Это был Моисеенко, который с ходу бросил в трубку:

– Дорогой Эди, простите за поздний звонок, просто хотел убедиться, что у вас все нормально.

– Спасибо, прогулка и горячий душ помогли, – пояснил Эди, удовлетворенный тем, что его ожидание проверочного звонка Моисеенко оправдалось и, главное, в этот момент сам оказался на месте.

Тем не менее в голове у него молнией пронеслась мысль: «Не успел ли резидент внедрить в гостиницу под видом жильцов своих людей?.. Надо будет с утра попросить Артема уточнить, кто со вчерашней ночи поселился здесь, и посмотреть, кто они и что делают в столице. Далее эту работу проводить систематически».

– Тогда не буду вас больше отвлекать, отдыхайте, завтра продолжим. Надеюсь, к вечеру завершите свою культурную программу?

– Я тоже, если, конечно, дочь вашего друга не придумает что-нибудь новенькое, – ответил Эди.

– Ох-хо-хо, – рассмеялся Моисеенко, – чувствую, Леночка серьезно взялась за ваш досуг.

– Она молодец, не оставляет меня, провинциала, без своего продвинутого внимания, – в тон ему сказал Эди.

– Не прибедняйтесь, в наше время скромность вовсе не красит человека, тем более к вам понятие провинциал трудно отнести, – заметил Моисеенко.

– Хорошо, не буду, – коротко отреагировал Эди, дождавшись, когда тот завершит фразу.
– И это все? О-о, чувствую, вы действительно утомились, и потому отключаюсь, но прежде хочу еще раз попросить не откладывать поездку с вашей благодетельницей к Саше. Понимаете, я за него волнуюсь.

– Хорошо, в ближайшие два дня договорюсь с архивом, чтобы по возвращении можно было сразу приступить к работе, и куплю билеты.

– Прекрасно, тогда встретимся накануне вашего отъезда и обо все переговорим, – сказал Моисеенко, после чего послышались короткие гудки.

Минут через десять пришла Люба и, как только Эди закрыл за ней дверь, сообщила:

– Звонил Володя и просил передать, что завтра к трем часам вам обязательно надо быть на месте.

– На месте здесь или на Лубянке? – иронично спросил Эди.

– На месте – здесь, – улыбнулась она, проходя к креслу.

– Хорошо, буду на месте, – коротко сказал он, подходя к ней.

– Не хотите кофе? – спросила Люба, повернувшись ему навстречу.

– А вам не будут звонить? – спросил он, не ответив на ее вопрос.

– Еще полчаса вряд ли.

– Тогда предлагаю... – промолвил Эди, показав рукой на спальню, – правда, не уверен, что он не плюсовой.

– А я уверена, что этот и еще три, что рядом, не оборудованы, – смущенно заметила Люба.

– И откуда такая уверенность, если не секрет? – полюбопытствовал Эди и, взяв ее под руку, повел в спальню.

– Володя сегодня рассказал – они из цековской брони и потому...

– Вы что, друзья с Минайковым? – прервал он ее, подумав при этом, как все-таки таксисту удалось выбить такой непростой номер. Правда, тут же успокоил себя, вспомнив, как устраивался в гостиницу.

– Нет, он просто доверяет мне.

– Не пойму, зачем ему рассказывать об этих номерах.

– Он не специально, а так, чтобы покуражиться над Артемом, который страдает из-за того, что вы вновь оказались не в контролируемом номере. Видно, шеф накрутил ему хвоста.

– Да бог с ним, чего сокрушаться, я и так ему обо всем расскажу, – пошутил Эди, нежно обняв Любу.

– Не надо, а то уйду, – пригрозила она, отстраняясь от него.

Но он крепче прижал ее к себе, и она страстно ответила на его ласки...

После того как Люба ушла, Эди лег спать, и накопившаяся за день усталость унесла его в страну сна.

Утром проснулся бодрым и готовым к действиям. Сделав утомительную зарядку с отработкой ката из разряда самых сложных, искупался под душем и легко перекусил бутербродами с сыром и чаем. Около девяти позвонила Елена и сообщила, что выезжает к нему.

До ее приезда было еще достаточно времени, которое Эди решил использовать для звонка коллегам на Лубянке, и потому не торопясь отправился к Любе.

Длинный коридор был безлюден и тих: видно, некоторые жители этой части этажа ушли по своим делам, а иные пребывали в номерах. Лишь голос еще не сменившейся дежурной по этажу, рассказывающей по телефону кому-то невидимому о сложностях своего бытия, нарушал эту идиллическую картину.

Эди, решив не отвлекать начальницу этажа от разговора, прошел мимо, слегка кивнув ей в знак приветствия.

Она, ни на секунду не умолкая, ответила ему резким кивком, от чего пышный, золотистого цвета шиньон, только что покоившийся на самой ее макушке, неуклюже съехал набок.

Но этажная, ничуть не смутившись, ловким движением фокусника вернула его на место, не забыв при этом одарить приветливого молодого человека искрящимся взглядом.

Люба встретила его приветливо. В номере пахло свежесваренным кофе. На столике стояли два блюда с чашками, увидев которые Эди спросил:

– Вы ждете гостя?

– Он уже пришел, – улыбнулась она, ставя на столешницу кофейник и тарелку с печеньем.

– Мне нужно позвонить, – пояснил Эди, проходя к телефону.

– А я тем временем завершу приготовления с кофе. Сливки кончились, может с молоком?

– Вполне подойдет, – коротко ответил он, набирая нужный номер.

На месте оказался Володя. После взаимных приветствий Эди коротко рассказал ему о своих опасениях относительно возможного заселения в гостиницу людей Моисеенко для наблюдения за объектом своего интереса.

– Воспринял, сегодня же выясним, есть ли там такие и в положительном случае – с чем прибыли в столицу, – буквально отрапортовал Володя.

– Чувствую, вы уже начали, – с уверенностью в голосе произнес Эди.

– К сожалению, нет, но уверяю, будет сделано, как сказал.

– Спасибо за откровенность, знаю, что загружены по самое горло.

– И тебе спасибо за понимание, – ответил Володя и без всякой паузы продолжил: – Имей в виду, сегодня планируется встреча с главным по итогам твоего рандеву с хитрецом.

– А когда?

– Наверно, после музея.

– После музея запланирован обед с дамой, – пошутил Эди.

– Остается позавидовать твоим заботам, – весело обронил Володя.

– В таком случае предлагаю поменяться местами, особенно если речь вновь пойдет о нарах, – в том же тоне заметил Эди.

– Вот этого не надо, так что беру свои слова обратно, – торопливо сказал Володя и тут же продолжил: – Эди, надо бы рассчитать, на какой час планировать.

– Давай попробуем. Записывай, пару часов на музей.

– Записал.

– Плюс обед да дорога туда-сюда.

– В итоге как минимум четыре часа, – предположил Володя.

– Да, где-то так, – согласился Эди.

– Хорошо, я доведу это до своего непосредственного, – заметил Володя и тут же, как бы между прочим, спросил: – А не подскажешь, с чего это он, вернувшись со вчерашней встречи, потребовал поднять все материалы на эту шайку-лейку аж с рождения Христова и нарисовать подробнейший портрет хитреца?

– Могу лишь сказать, что ты не хуже позднего Гойи сможешь выразить проявления подлой души того хитреца, его мерзопакостность, сильные и слабые стороны характера и картин жизни, уделив при этом пристальное внимание уязвимым для наших дружеских стрел местам и эпизодам.

– Охо, вот так сказал, что заворот не кишок, а мозгов может приключиться, – хохотнул Володя.

– А ты без анатомии, – сыронизировал Эди, – и тогда все станет на свои места.

– Я попробовал пошутить, но не тут-то было, – хихикнул Володя и быстро добавил: – А за подсказку спасибо, буду должен.

– Тогда желаю успехов, – в тон ему произнес Эди и, положив трубку, развернулся к Любе.

– Ваш кофе почти остыл, – улыбнулась она.

– Выпью и такой, ведь он вами сварен.

– Вы, как всегда, галантны, – заметила она и после некоторых раздумий спросила: – Эди, за что сердитесь на Володю?

– С чего взяли? – удивился он.

– Значит, показалось, но на всякий случай имейте в виду, что он и его ребята относятся к вам с большой симпатией и всегда готовы помочь.

– Любаша, это у нас с ними взаимно. Иначе и быть не может, ведь служим одному Отечеству.

– Она, наверно, уже на подходе, вам надо возвращаться к себе, – неожиданно промолвила Люба, устремив искрящийся взгляд в самые зрачки его глаз, отчего на какие-то доли секунды он буквально оцепенел.

– Да, пора идти, – произнес Эди, усилием воли преодолев этот взгляд, и резко поднялся на ноги.

– Извините, я не хотела, – промолвила Люба, последовав его примеру.

– О чем вы? – спросил он, сделав вид, что не понял значения ее слов.

– Я хотела, чтобы вы сказали, что не хотите уходить.

– Взглядом?

– Да, взглядом.

– А на словах слабо? – улыбнулся Эди и пошел к двери.

– Не имею право, служба. Вот если бы вы захотели... – не договорила она и направилась за ним.

– Вам недостаточно того, что мы вместе проводим время? – прервал ее Эди, остановившись у самой двери.

– Выходит, недостаточно, – сказала она, легко коснувшись его руки.

– Любонька, вы же только что сказали – служба, – произнес Эди, развернувшись к ней.

– Сказала, но во мне живет женщина, которая хочет быть обязательно счастливой, она, оказывается, сильнее, чем я думала, и иногда ей удается заставить меня использовать доставшийся мне по наследству от матери дар, чтобы склонить вас полюбить ее, а не эту взбалмошную девчущку. Это она толкнула меня сейчас войти в вас и заставить признаться в любви, – прошептала она, прижавшись к Эди.

– И что из этого получилось? – спросил он, вспомнив о своем оцепенении.

– Вы не дали этому случиться, хотя и были близки к поражению, – всхлипнула Люба.

– Любонька, вы опасная женщина, – пошутил Эди, хотя ему было вовсе не до шуток, так как ничего подобного ранее не испытывал.

– Для вас нет, наоборот стараюсь поддерживать, – вновь прошептала она ему на ухо.

– Спасибо, Любонька, только не давайте той женщине управлять собой, ни к чему хорошему это не приведет, – произнес Эди, а затем, посерьезнев, добавил: – Прошу не забывать, что участвуете, как, впрочем, и та взбалмошная девчущка, в очень ответственном деле, и оно слабости не потерпит. Ваш дар, если не возражаете, мы попробуем задействовать в другом важном мероприятии.

– Скажите, и я для вас все сделаю. – Она отступила на шаг, позволяя Эди идти, но тут же, вновь шагнув к нему, твердо произнесла: – Можете быть уверенным, я больше не буду слабой.

Эди молча поцеловал ее и вышел в коридор...

«Получается, она сильный экстрасенс, если смогла проникнуть своим искрящимся взглядом в мозг и напрячь до оцепенения. Раньше такие фокусы со мной не проходили даже в нашей знаменитой лаборатории. Выходит, в данном случае я подпустил ее слишком близко и, главное, расслабился, и выключил тумблер осторожности, решив, что она своя. Однако не учел феномен женских капризов... В общем, товарищ подполковник, так не годится, необходимо срочно собраться, иначе моисеенки порвут тебя, как тузик грелку, при самом незначительном проколе. Как бы то ни было, она хороший специалист. Может, привлечь ее к работе с этими

типами? Вон Марк даже сам пытался с ней сблизиться...» – рассуждал Эди, пока шел в свой номер.

Глава VII

Скоро пришла Елена, и они, предварительно позвонив таксисту Антону, спустились к центральному входу и стали его ждать. Она была в хорошем настроении. Много рассказывала о том, как с отцом и матерью посещали различные московские и ленинградские музеи, о впечатлениях, вынесенных ею от просмотра картин великих русских и зарубежных художников. Потом неожиданно загрузила, вспомнив о том, как мать отчего-то сравнила ее с девочкой на шаре.

– Но почему? – удивился Эди, представив на миг картину испанского художника и скульптора Пабло Пикассо.

– Вы знаете эту картину? – устремила на него острый взгляд Елена.

– Видел и любовался, – ответил Эди и тут же, заметив неудовлетворенность своей спутницы таким ответом, продолжил: – Две фигуры – хрупкая, балансирующая на шаре девочка и массивная, неподвижно сидящая на кубическом основании фигура атлета. И все это на пепельно-розово-голубом фоне.

– Не ожидала, – улыбнулась она.

– Но вы не ответили на мой вопрос.

– Мама, в отличие от отца, воспринявшего эту картину буквально по аннотациям различных оценщиков творчества Пикассо французского этапа его жизни, как гармонию силы и изящества, увидела в ней прежде всего риск для этого маленького существа, балансирующего на шаре, а потом и свободу, и романтику полета.

– Ваша мама была умницей. Действительно эта маленькая девочка предоставлена сама себе и зависит от умения держаться на неустойчивом шаре, а атлет будто и не замечает или не хочет замечать, какой опасности та подвергается. Но все-таки, почему вас сравнили с нею?

– Тогда я только посмеялась, но после того, как мамы не стало, все чаще вспоминаю эти ее слова и начинаю понимать их смысл. Она словно чувствовала, что мне предстоит многое пережить.

– Леночка, давайте не будем о грустном. Посмотрите вокруг, жизнь продолжается. Лучше расскажите о музее, – предложил Эди, чтобы отвлечь ее от нахлынувших воспоминаний.

– О Пушкинке? – оживилась она, взяв его за руку.

– Да, о нем, – улыбнулся Эди.

– Тогда слушайте, расскажу вам, что сама запомнила. Так вот, в конце прошлого века с инициативой создания музея искусств выступил профессор московского университета Цветаев...

– Не отец ли Марины Цветаевой? – прервал ее Эди.

– Да, именно он.

– Извините, отвлек.

– Ничего, мне было приятно узнать, что вы знаете о Цветаевой, – сказала она, а затем, после нескольких секунд продолжила: – Так вот, Иван Владимирович позже стал и первым директором музея изящных искусств имени Александра III, открытого, если не ошибаюсь, в мае 1912 года. И только в тридцать седьмом году музей назвали именем Пушкина.

– В годы войны его бомбили, – то ли вопросительно, то ли утвердительно промолвил Эди, как бы призывая Елену обратиться к советскому периоду истории музея.

– Да, была разбита часть металлостеклянных перекрытий, и в течение трех лет он оставался под открытым небом, но потом музей отремонтировали и вернули вывезенные в Сибирь экспонаты, чтобы вновь радовали москвичей.

– Спасибо, девочка на шаре, за экскурс в прошлое Пушкинки, как вы нежно называли этот музей. Об остальном предлагаю послушать в нем. А вообще-то я понял, что с искусством у вас

все в порядке. Но знаете ли вы, что искусство ложь, ведущая к истине, вот в чем вопрос? – пошутил Эди.

– Эди, вы же Пикассо процитировали! – воскликнула она.

– Вроде да, правда, не уверен, что слово в слово, – улыбнулся он.

– Может, еще чего-нибудь запомнили?

– Только одну цитату, – промолвил Эди, продолжая улыбаться. – Мне нравится жить бедно, но с кучей денег в кармане.

– Думаете, это его изречение?

– Даже уверен.

– Вы меня все более радуете, – серьезным тоном промолвила Елена, – знаете, я была несколько иного мнения о людях вашей профессии.

– А какого, если не секрет, но только не так громко, ведь нас могут услышать.

– И здесь?

– В том числе и здесь.

– Как все сложно...

– Ничуть, если взять за правило не говорить того, чего не должен знать ваш недруг.

– Я этому никогда не научусь.

– Вы уже достигли многого.

– Вы мне льстите.

– С чего бы?

– Чтобы услышать, что я не досказала.

– Хотелось бы, интересно же, что думает о нашем брате такая продвинутая девушка.

– Хорошо, скажу, только не смейтесь.

– Не буду.

– Я думала, что такие, как вы, все время в плащах, шляпах, с кинжалами и пистолетами, а тут Пикассо, Цветаева и многое еще другое.

– Понятно, начитались всяких там книжек.

– Не только, но и посмотрелась фильмов, – прервала она его. – К тому же выясняется, что мой папа, самый мирный на свете человек, является тоже своего рода Бондом. Никак не пойму, как он смог столько времени молчать и не говорить.

– Вы скоро увидите с ним, – теперь Эди прервал ее, чтобы завершить тему о чекистах. – Сегодня или завтра купим билеты.

– Как он там, вы с ним говорили?

– Юра общался с ним, у него все нормально, ждет нашего приезда.

– Так хочется его увидеть.

– Потерпите, скоро встретитесь.

Между тем подъехало такси, за рулем сидел улыбающийся Антон.

– Все-таки понадобился, – сказал он, здороваясь. – Куда рулить?

– В музей Пушкина, – пояснила Елена, устраиваясь рядом с Эди на заднем сиденье. – Знаете, где это?

– Вам на Пречистенку или Волхонку?

– На Волхонку.

– Это рядом, мигом довезу, – бросил через плечо Антон и нажал на педаль газа.

– А вы быстро приехали, – похвалил Эди таксиста.

– Повезло, был здесь неподалеку, жмотов одних подвозил из Шереметьево.

– Чем они вас достали, что так обзываете их? – поинтересовался Эди.

– Не поверите, везли баулы, набитые иностранным тряпьем, не умолкая, говорили о баксах и чеках, а рассчитались по таксометру копейка в копейку.

– Наверно, из Штатов возвращались, сейчас наши вожди только туда и летают, – заметила Елена.

– Не уверен, так как они меж собой шептали о предстоящем конце военблока коммунистов, – раздраженно сказал Антон.

– Может, о Варшавском договоре? – переспросила Елена, посмотрев на Эди.

– О нем, о нем, – уточнил Антон. – Говорили, что наконец-то советский народ перестанет задарма кормить так называемых друзей из-за бугра.

– Эти болтуны скорее желаемое выдавали за действительность, – заметила Елена, бросив удивленный взгляд на Эди, который расслабленно взирал на виднеющиеся через боковое стекло такси серые здания большого города.

– Может, и болтуны, но обо всем этом они говорили довольно-таки складно. И явно сами участвовали в каких-то переговорах, – уверенно заметил Антон, глянув в салонное зеркало, в котором отражалось лицо Елены.

– А вы лично верите в это? – неожиданно спросила она.

– Девушка, откровенно скажу, мне от этого ни холодно ни жарко. Для меня важнее, чтобы к вечеру в кармане был заработок. А то, что новые товарищи наверху способны все перевернуть, я уже понял, и мне этого вполне достаточно, чтобы не нервничать из-за того, что наши союзнички разбегутся или не разбегутся, – периодически поглядывая в зеркало, произнес Антон.

– Может, расскажете нам о причинах такой самоуверенности? – спросил Эди, повернув голову к таксисту.

– Аха, вот и Эди наконец-то проявил интерес к нашей политбеседе, – рассмеялся Антон, – а то от московской каменной серости никак не мог оторваться. Конечно, скажу, мне не жалко. Вот сами подумайте, десятки лет вели одним курсом, убеждая нас, что он единственно правильный. Об этом все бывшие паханы, ой, вожди в один голос верещали, пока не вышли из их же рядов другие, сегодняшние, кто убеждает, что надо идти вприпрыжку новым перестроечным курсом к социализму с человеческим лицом. Главное, без тени сомнений заявляют, что процесс пошел, а что это за процесс и куда он направил свои стопы, вразумительного ответа нет. Зато все уши прожужжали, что скоро демократическая благодать осчастливит всех и вся, но люди, слава богу, не слепые и видят, что работяге становится все хуже и хуже, а в это время партийцы, теневики⁸, цеховики⁹ и всякие там спекулянты жируют...

Эди, все более удивляясь начитанности и опасной открытости Антона, с интересом слушал его рассуждения. Неожиданно вспомнилась лекция профессора Высшей школы КГБ СССР Федькина на курсах подготовки руководящего состава органов госбезопасности. Профессор лаконично рассказал о том, что противник прилагает огромные усилия по подрыву авторитета компартии как руководящей и направляющей силы советского общества. В качестве весомого аргумента в пользу озвученного им тезиса привел слова много лет проработавшего в СССР американского дипломата Кеннана¹⁰, написанные в далеком 1947 году, о том, что Советская Россия может превратиться из сильнейшей в одну из слабейших стран мира, если что-нибудь подорвет единство и эффективность партии как политического инструмента.

«К великому сожалению, Антон прав, когда говорит, что партия, точнее ее руководящее звено разлагается, сросшись с торгашами, пустив в свои ряды всякого рода отщепенцев и перевертышей. Не дай бог, это как-то начнет влиять на умонастроения чекистов, ведь не случайно Маликов ни с того ни с сего начал говорить о необходимости усиления конспирации в работе

⁸ Теневик – делец, деятель теневой экономики, подпольный бизнесмен.

⁹ Цеховик – подпольный предприниматель, создатель подпольного цеха по производству товаров и продукции.

¹⁰ Джордж Кеннан, один из основателей советологии в США, в 1934–1938 гг. был первым секретарем, в 1945–1946 гг. – советником посольства США в Москве, в 1954–1963 гг. – послом США в Москве. Сыграл заметную роль в разработке стратегии «психологической войны» против СССР.

не где-нибудь, а на самой Лубянке. Неужели коллеги поддались на призывы некоторых неожиданно демократизировавшихся политбюровцев?» – подумал Эди, продолжая слушать монолог разгорячившегося таксиста.

– Если все московские таксисты так политически подкованы, то я спокоен за судьбу страны, – специально прервал Эди таксиста. – Вижу, слышу, что вы не все время работали таксистом: слог и логика рассуждений выдают вас, но в то же время нет-нет, да проскальзывают слова из блатного жаргона. Так кого в вас больше? – добродушно спросил Эди.

– Так и быть, поганку гнать¹¹ не буду, вы мне понравились своим дружелюбием, да к тому же, так на всякий случай, совет бесплатный дам, у нас же страна советов – не дайте себе мозги запудрить этим болтунам из-за зубчатой стены, – нахмурился Антон, а затем, покрепче взявшись за руль, продолжил: – А что касается твоего вопроса, отвечу так, конечно, я не сразу стал таксистом. У меня были планы стать инженером, ученым, и потому я поступил в Бауманку, знаете, с ходу поступил, знания за школу были...

– Куда? – не сдержалась Елена.

– В Бауманку, на радиотехнический факультет, там же стал заниматься боксом, даже в нескольких соревнованиях удачно выступил, но после второго курса пришлось уйти.

– Не возьму в толк, такая перспектива и ушли, – сочувственно промолвила она.

– Молод был – дурак был, понимаете, связался с нехорошей компанией, в общем, выгнали под зад пинком, так вам скажу. Позже загудел в тюрягу из-за того, что одному хаму по хряпалке съездил. Отмотал на зоне три года, а в сухом остатке – я таксист. Вот поэтому, Эди, как ты правильно заметил, мой язык терпит и правильный глагол, и феню¹².

– Как в народе говорят, от сумы и тюрьмы никто не застрахован, – сказал Эди, наблюдая за тем, как тот плавно поворачивает машину к музею.

В голове сразу зафиксировалось, что Антон рассказал о себе правду, но тем не менее вырвавшаяся из глубин мозга беспокойная мысль вопрошала: «Ладно, учеба и спорт – это понятно, но для чего о своей ходке в тюрьму поведал? Обычно люди пытаются умолчать о таких вещах, а этот рассказал, мол, смотрите, какой я открытый. К тому же во всю ивановскую ругает партийные верхи и перестройку. Отказывается от денег, хотя называет жмотами тех пассажиров, кто на чаевые не раскошелливается. Хочет приблизиться? Но с какой целью? Стать незаменимым и далее иметь постоянного платежеспособного клиента? Вполне возможно, но как бы то ни было надо внимательно разглядеть его, а вдруг действительно пригодится в работе с моисеенками и сафинскими».

– Так оно и есть, никто не застрахован от этих бед, – громко согласился Антон, прервав тем самым работу мысли Эди. – Я никак не мог себе представить, что окажусь на нарах, но оказался, – как бы подвел итог. Затем остановил машину у бордюра тротуара и, развернувшись, произнес: – Ладно, бог с ними, с нарами-то, как говорится, я доставил вас в точку назначения, какие будут дальнейшие указания?

– Если через пару часов будете свободными, подъезжайте, и мы с удовольствием прокатимся с вами обратно до гостиницы, – ответил Эди, протягивая тому три рубля, что было в два раза больше, чем набежало на таксометре.

– Не надо денег, с друзей плату не беру, тем более идущих соприкоснуться с большим искусством, – объяснил Антон, – закончите, подходите сюда же, подъеду к двенадцати, это и будет через два часа.

– Спасибо, но работа есть работа, если ко времени не выйдем, уезжайте, – уважительно промолвил Эди и, положив трешку на переднее сиденье, вышел из такси. Елена тут же последовала за ним...

¹¹ Поганку гнать – (жарг.) говорить откровенную ложь.

¹² Феня – (жарг.) тюремный сленг.

Когда через два с половиной часа они вышли из музея, полагая, что Антон не дождался их и уехал, то, к своей радости, увидели его, стоящего прислонившись спиной к боковой двери машины.

Он встретил их улыбкой и словами:

– Еще пять минут и газанул бы.

– И правильно сделали бы, а то мы совсем забыли о времени у картин великих мастеров, – пояснил Эди.

Спустя минуту они уже ехали в гостиницу. Когда машина вырулила на проспект Маркса, по просьбе Эди таксист высадил их на первой же стоянке. От дополнительной оплаты за проезд Антон категорически отказался, сказав, что потом как-нибудь сочтемся. Распрощавшись с ним, они пешком направились в гостиницу.

– Интересный человек этот таксист, – заметила Елена, когда отошли от машины на почтительное расстояние.

– Я тоже нахожу его таким, – согласился Эди, – только не пойму, отчего он не поинтересовался, как я устроился, доволен ли номером.

– Наверно, спросил у администратора, – предположила Елена, беря Эди под руку.

– Не проще ли было спросить у меня?

– Это выглядело бы как желание услышать вашу благодарность, а он не захотел.

– Гордый?

– Да, разве не заметили?

– Заметил, как и то, что он озлоблен на верхи.

– Во многом Антон прав, когда говорит о неурядицах в нашей стране и безответственности некоторых вождей, – неожиданно обронила Елена и испытующе взглянула на Эди.

– Елена, поберегите эти оценки для Моисеенко, там они будут к месту, но ни для меня, ни тем более для моих коллег. И вообще, не делайте таких оценок, это будет истолковано как политическая безграмотность, – порекомендовал ей, легко улыбнувшись, Эди.

– Тогда почему вы молчали, когда таксист обливал грязью перестройку? – улыбнулась она.

– А вы хотели, чтобы я ему представился и потребовал прекратить антисоветчину пороть? – пошутил Эди.

– Нет, конечно, но как-то не согласиться с его доводами можно бы?

– Я посчитал, лучше послушать и сформировать свое представление о нем и не позволить ему это сделать о себе, – пояснил Эди.

– А-а, вот вы как? – рассмеялась Елена. – Выходит, я правильно сделала, что раззадорила его своим вопросом.

– Вы этим же принципом руководствовались, когда согласились с его рассуждениями относительно неурядиц в стране в надежде получения моей реакции на это? – усмехнулся Эди.

– Вы меня обижаете своим недоверием, мой дорогой папин друг, – промурлыкала Елена, прижав его локоть к груди. – Поймите, я просто хотела понять, как вы относитесь к тому, что говорил Антон.

– Елена, должен признать, что вы действовали правильно, когда заставили таксиста разговариваться, – заметил Эди, не реагируя на ее «мурлыканье».

– И он разговорился, так как ответственности никакой не чувствовал за свой длинный язык. Раньше за такое его к стенке поставили бы или в каталажку отправили лет на двадцать, – серьезным тоном сказала она.

– Елена, его и сейчас можно бы приструнить, но стоит ли, вот в чем вопрос, ведь Антон не митинговал и не призывал к свержению власти, которой, точнее сказать, отдельной категории людей во власти, он не доверяет, – спокойно заметил Эди. – Поэтому, я думаю, нам надо

терпеливо относиться к его высказываниям. К тому же придется обращаться к нему, когда понадобится куда-нибудь подъехать.

– Хорошо, я согласна, вижу, что погорячилась и все оттого, что во мне в таких случаях пробуждаются папины гены. Он тоже не соглашался, когда кто-нибудь при нем страну или власть ругал. Помню случай, как папа отчитал своего хорошего знакомого из ЦК партии, когда тот стал поносить политбюро.

– Из ЦК и ругал политбюро? – спросил Эди, отметив для себя, что Иуда не рассказывал ему о таком своем непростом знакомом. «Может, не вспомнил или мы так его затюкали, что забыл. Но, как бы то ни было, надо будет узнать и выяснить, кто он и не является ли связью Моисеенко или Сафинского», – решил Эди.

– Еще как ругал, но это было перед взлетом Горбачева на самый верх, – уточнила Елена. – Говорил ему, вот только забыла его имя и отчество, что из-за чрезмерной любви того к виски, валюте и несдержанности в политических оценках можно залететь, и тогда всем мало не покажется.

– Он часто бывал у вас?

– Не часто, но бывал.

– Он что, из тех, кто на трибуне по праздникам бывает? – пошутил Эди, чтобы придать своим вопросам непринужденный характер.

– Нет, но на каких-то переговорах, то ли с американцами, то ли с немцами, которые освещали в новостях, видела.

– О-о, этот знакомый вашего папы действительно серьезный деятель, если его в новостях показывали, – улыбнулся Эди.

– Он не единожды проводил переговоры с представителем иностранной фирмы даже у нас дома...

– В семейном кругу и с вашим участием? – прервал ее Эди.

– Не-ет, я, как обычно, находилась в школе. Мне потом мама рассказывала.

– Она тоже участвовала в переговорах?

– Что вы, даже папа в них не участвовал, а вместе с мамой пил кофе на кухне, пока переговорщики лясы точили, – пояснила Елена.

– Странные переговоры, когда хозяева квартиры не участвуют в них, – вновь удивился Эди, подумав при этом, что хозяева Иуды, скорее всего, использовали его квартиру для встреч со своим человеком, каковым мог быть друг отца Елены.

– Вот и мама сказала об этом же папе и попросила его прекратить такие переговоры у нас.

– И прекратились? – спросил он, будучи уверенным, что это требование жены Иуды явилось сигналом к необходимости ее ликвидации. Видно, хозяева Иуды были уверены, что она не станет работать на них, и потому отравили ее.

– По крайней мере, мама больше об этом не говорила и вообще она скоро умерла, – всхлипнула Елена и прижала голову к его плечу.

– Леночка, не надо о грустном, жизнь продолжается. В ней столько прекрасного, а вы молоды, красивы и поэтому обязательно должны быть сильной и успешной. Верьте, это наверняка будет радовать душу вашей мамы, – промолвил Эди. Ему искренне жалко было Елену и ее мать, убитую моисеенками по вине отца и мужа-предателя.

– Эди, вам бы духовником работать, такие слова сказали, что сердце сильнее стало биться, – мило улыбнулась она.

– Сейчас только этого мне не хватает, а так вроде все нормально складывается. И вообще непонятно, как наш таксист не узрел во мне будущего духовника и стал ругать мое высшее партийное руководство, – заявил Эди, еле сдерживая себя, чтобы не улыбнуться.

– Эди, вы зря так, я с уверенностью могу сказать, что он относится к вам с большим уважением, – отпарировала Елена.

– Я заметил, он действительно к нам обоим хорошо относится, – поправил ее Эди, одобряя про себя наблюдательность и сегодняшнее поведение Елены.

За разговором на эту тему они пришли к гостинице, а затем проследовали в ресторан. По указанию метрдотеля, как уже примелькавшимся посетителям, для них освободили от таблички «заказан» один из столов у фонтанчика и почтительно обслужили.

После обеда Эди и Елена, обмениваясь мнениями о просмотренных в музее картинах великих мастеров живописи, прогулялись по проспекту Маркса и вернулись в гостиницу.

Скоро в номере раздался звонок. Это был Моисеенко.

– Привет, позвонил так на всякий случай, а вдруг вернулись, – почти пропел он в трубку. – Надеюсь, экскурсия понравилась?

– Добрый день, только что пришли, музей словами не описать. Особенно в восторге Елена, – ответил Эди, сделав вывод, что моисеенки плотно отслеживают его передвижения по городу.

– Передавайте ей мои пожелания добра и всяческих удач. Если она рядом, можете передать ей трубку, я это сделаю сам.

– Спасибо, обязательно передам, когда выйдет из ванной, она будет рада узнать о ваших пожеланиях, – сказал Эди, решив пока исключить их прямое общение.

– Понял, понял, выходит, она к вам надолго приехала? – хихикнул Моисеенко.

– Андрей Ефимович, я не спрашивал, как-то неудобно, – заметил Эди, чтобы дать понять Елене, с кем он разговаривает.

– А знаете что, возьмите ее с собой на нашу встречу, – предложил Моисеенко.

– Я только за, но надо спросить, какие у нее планы, ведь помнятся ваши слова о душе, – сыронизировал Эди, намекая, как тот предостерегал его о неискренности Елены в отношениях с ним.

– Да, вы правы, надо спросить, тогда буду ждать вашего звонка. Было бы неплохо поужинать вместе.

– С ужином вы хорошо придумали, но в этот раз ресторан я сам подберу, да и стол оплачу, а то получается нехорошо, вы все время угощаете, – подчеркнул Эди, чтобы послушать, как резидент отреагирует на его предложение.

– Понимаю вас и потому не против такой инициативы, лишь просьба – подберите что-нибудь в центре, – неожиданно согласился Моисеенко. – И еще, заранее блюда и напитки не заказывайте, по крайней мере для меня, я люблю это делать сам.

– Хорошо, что предупредили, а то по привычке шашлык из баранины мог заказать, – пошутил Эди, а у самого мелькнула мысль: «Резидент осторожничает, так и быть, учтем и эту его привычку», – решил он.

– Можно бы и шашлык, но на ночь предпочитаю чего-нибудь проще, – в тон ему заметил Моисеенко, а затем, будто неожиданно вспомнив, спросил: – Скажите, а с билетами решили?

– Еще нет, но решу сегодня или завтра в первой половине дня.

– Хорошо, только не откладывайте, иногда в ту сторону билеты сложно бывает купить.

– Если что, я своего таксиста попрошу, и он достанет, – усмехнулся Эди, найдя возможность на перспективу охарактеризовать Антона перед резидентом.

– Смотрите, чтобы он вас не подвел, я вам в прошлый раз говорил об этом ушлом народце в машинах с клетками на боках, – предостерег Моисеенко.

– Мне с ним детей не крестить: я попросил – он сделал, не сделал – до свиданья. Вот и все отношения, но пока не подводил.

– В таком случае присмотритесь, может, этот – исключение из правил и для чего-нибудь сгодится, – смягчился Моисеенко.

– Я так и сделаю.

– Прекрасно, уверяю вас, при таком подходе не ошибетесь, – менторским тоном произнес Моисеенко, а затем, спешно протараторив: – Ой, как же я увлекся, совещание в верхах, нельзя опаздывать, звоните, – прервал связь.

Эди, услышав короткие гудки, вернул трубку на аппарат.

– Теперь вы свободны? – успела спросить Елена, как послышался легкий стук в дверь, вызвав недоумение на ее лице.

– Если этот стук не по наши души, то да, – сказал он и пошел открывать.

Как только открылась дверь, в прихожую шагнул Володя и буквально вполголоса выдохнул:

– Эди, надо идти, Люба уже ждет. Елена, а вы остаетесь здесь, будут звонки, действуйте по обстановке.

– А где она ждет? – спокойно спросил Эди.

– Около лестничного пролета, – шепнул Володя, уже прикрывая за собой дверь.

– Что значит по обстановке? – смущенно спросила Елена у Эди.

– В этой ситуации, – улыбнулся Эди, – во-первых, отвечать на все звонки. Они могут быть от Моисеенко, которого вы знаете, а также от незнакомых людей. Моисеенко нужно ответить, что Эди занимается рестораном и билетами, а другим – скоро вернется, что передать. Как общаться с моисеенками знаете: вопрос – ответ, вопрос – ответ, и не более того. Во-вторых, достаньте из ящика стола буклет гостиницы. В нем найдете справочник телефонов администратора ресторана, в котором мы только что были, и представителя авиа- и железнодорожных касс. В ресторане закажите стол на четыре человека, желательно на веранде. Для этого назовите номер, в котором находимся, и телефон, а у представителя касс забронируйте два билета на поезд до Минска с выкупом сегодня, – не торопясь, наблюдая за тем, как Еленой воспринимаются его просьбы, промолвил Эди и направился к выходу, чувствуя устремленный ему в спину взгляд. В этот момент он думал, а до конца ли она поняла его и сможет ли в точности их выполнить.

– Не беспокойтесь, я все сделаю как надо, – неожиданно услышал он голос Елены.

– Хорошо, не забудьте, пожалуйста, закрыть за мной дверь на замок, – попросил он в ответ и вышел в коридор.

Как и сказал Володя, Люба встретила его у лестничного пролета и повела в явочный номер.

– Какие впечатления от музея? – спросила она, на первом же шаге взявшись за его локоть.

– Хорошие, – сдержанно улыбнулся он в ответ.

– Вы зря сердитесь, я больше не буду, – сыронизировала Люба.

– Надеюсь, – в том же тоне ответил Эди.

– Признаюсь, мне удалось справиться с той женщиной, и вы мне помогли в этом.

– Ее я понимаю, но вас лично – нет, – сказал Эди, вспомнив, как она помогала выстраивать отношения с Еленой.

– Эди, уверяю вас, мне и на самом деле удалось с ней справиться.

– Спасибо, Любонька, вы настоящий друг, – заметил Эди и легонько коснулся ее руки.

Со стороны их диалог вполне мог сойти за общение увлеченных друг другом молодых людей.

Неожиданно понизив голос, Люба спросила:

– Не догадываетесь, почему Володя сам к вам примчался?

– Нет, но это меня удивило, так ведь можно все запороть.

– До прихода главного оставались какие-то пять минут, вот и...

– Зря, шеф опытный человек и понял бы ситуацию, – сохраняя на лице подобие улыбки, прервал ее Эди.

– Не знаю, но они с Артемом так решили, – объяснила она, открывая дверь в номер, где их ждал Володя, во всей фигуре которого ощущалось напряжение.

– Они уже там, – взволнованно сообщил он.

– Володя, рад тебя видеть, я не успел об этом сказать, настолько быстро ты ретировался, – спокойно сказал Эди. Затем, не дожидаясь его ответа, кивнул на дверь комнаты совещаний и попросил: – Доложи, пожалуйста, а то неудобно вламываться без разрешения.

– Я тоже рад, извини, что так получилось, докладывать не надо, генерал сказал, чтобы сразу заходил, – пояснил Минайков.

Глава VIII

Подняв взгляд на Эди, который, войдя в комнату, закрыл за собой дверь и начал докладывать о своем прибытии на совещание, начглавка прервал его, доброжелательно произнеся:

– Заходи, заходи, почитатель высокого искусства, и присаживайся к нам, надо поговорить о неотложных делах.

При этом протянул ему руку, уже присевшему было за приставной стол напротив Артема. Правда, последний отчего-то не решился повторить маневр шефа, а лишь приветствовал Эди кивком головы.

– Ну как там наш знаменитый музей, многое ли успели посмотреть со своей красавицей? – продолжил генерал. – К сожалению, мне никак не удастся туда вырваться, хотя жена и пилит постоянно, мол, давай ходим и поглядим, послушаем лекции знатоков искусства.

– Не много, товарищ генерал, времени было мало, всего два с половиной часа.

– Да, два с половиной часа – это действительно мало для такого тонкого дела. Но не горюй, вот выведем на чистую воду этого хитреца, и тогда можно будет выкроить побольше времени на все эти высокие материи, но пока, подполковник, надо активизироваться и активизироваться. Время, скажу откровенно, работает не на нас. Противник поджигает по всем направлениям, и складывающаяся в стране и вокруг нее политико-экономическая ситуация позволяет ему это делать успешно, но об этом позже. Сейчас же прошу подробнейшим образом рассказать о встрече с Моисеенко, не на блины же так хитро-мудро он втаскивал тебя в эту затрапезную гостиницу. К сожалению, лишь с середины вашего разговора технарям удалось оживить прослушку, так как о месте встречи узнали слишком поздно. Понимаешь, хитрец так мастерски сыграл свою партию, что всех обвел вокруг своего жирного носа: мотнулся то в одну, то в другую, то в третью гостиницу. Не сам, конечно, а его люди, которых мы знаем. И самое интересное – во всех трех бронировал номера с предварительной оплатой. Но номер в «Минске» для него снял какой-то неизвестный двумя днями раньше по паспорту, владелец которого, как оказалось, умер три года тому назад, – на одном дыхании произнес Маликов и глубоко вздохнул, чтобы продолжить.

– Это мог сделать Гриша, который участвовал в той встрече, – вставил свое слово Эди, воспользовавшись возникшей паузой. – Если он не входит в число тех, кого сегодня отслеживали по другим гостиницам, то об этом можно говорить с уверенностью.

– Что скажешь, полковник? – спросил Маликов, глянув на Артема.

– На выходе этого типа сфотографировала наружка, и он не был в числе тех, кто разъезжал по гостиницам, – ответил тот.

– А кто он вообще?

– Ранее не попадал в поле зрения.

– Надеюсь, отследили и установили?

– Сейчас занимаемся этим, одновременно анализируем сводку встречи, где он рассказывает о себе, отвечая на вопросы Эди.

– Понятно, – недовольным голосом выдавил из себя генерал, а затем, переведя взгляд на Эди, спросил: – Что ты можешь сказать о нем?

– Первым делом предлагаю показать его фото администратору гостиницы, чтобы выяснить, он ли снимал номер, а что касается этого типа, то в разговоре с Марком мне удалось выяснить, что он вовсе не Гриша, а Гюнтер.

– Вот как, давай-ка с этого момента самым подробным образом, – потребовал генерал, после чего Эди в деталях рассказал о своем разговоре с Марком.

– Так-так, – произнес Маликов, еле дождавшись окончания рассказа Эди. – Ковалев, немедленно из здешней приемной организуй работу по фотографии Гриши-Гюнтера. Плюс

сегодня же проверь его по фототаблицам установленных сотрудников спецслужб, пусть обязательно покажут розыскникам. Допускаю, что Моисеенко или Джон могли подтянуть для своего очередного острого мероприятия кого-нибудь из нелегалов. По крайней мере, так они ранее поступали.

– Товарищ генерал, может, фотографию направить в Алма-Ату и Берлин, пусть посмотрят. Если он эмигрировал из Казахстана, то там на него наверняка имеются подробные анкетные данные, – предложил Эди.

– Правильно мыслишь, так и поступим, – согласился генерал, кивнув в сторону Артема, который спешно делал заметки в блокноте. – Но немцев, с учетом того, что там сейчас происходит, не будем информировать, по крайней мере с ходу, а потом видно будет. – Затем, проводив взглядом быстро идущего к выходу полковника, спросил у Эди: – Ты уверен, что они вновь хотели применить против тебя спец-препарат?

– Нет никаких сомнений, особенно старался этот самый Гриша-Гюнтер.

– Понятно, с данным эпизодом вчерне вроде разобрались. Посмотрим, что дадут проверочные мероприятия, и тогда определимся с дальнейшими действиями. Должен сказать, что с Марком ты поступил великолепно. Надо же, поймал на простом «Ги» и «Гю». Вот что значит уметь своевременно заметить и оценить прокол противника, а затем еще суметь легализовать его. Кстати, это действительно серьезный промах для профессионального разведчика, каковым Марк на самом деле является. Считайте, что в работе с ним у вас имеется в запасе козырь, но пока использовать его не будем, дождемся нужного часа и выбросим напоказ Моисеенко, мол, смотри, Марк-то наш, он вас всех с потрохами давно продал, а вы кочевряжитесь. Обязательно об этом расскажу Иванкову, пусть порадует, – весело заключил Маликов. – Да, насчет отравления тоже было неплохо придумано. Но есть ли уверенность, что вас не заподозрили в симуляции?

– Каких-либо признаков этого я не заметил.

– Но как поняли, что они задумали такую акцию?

– Я всегда помню ваши слова о том, что резидент при каждом удобном моменте может повторить свой эксперимент с психотропным веществом, – ответил Эди, решивший порадовать генерала, что его инструктаж не ушел в песок.

– Все правильно, так оно и есть, – оживился Маликов, но тут же, широко улыбнувшись, добавил: – Теперь говори по существу.

– Когда к скорректированному дважды за день месту встречи подкатил не Моисеенко, как это было условлено с ним по телефону, а Марк, у меня, естественно, возникли сомнения. И потому я решил сыграть роль больного. Остальное было делом техники: пока ехали, рассказал ему о своих проблемах с желудком и всячески подкреплял эту легенду в период нахождения в номере.

– Разговора на эту тему не зафиксировала и наша прослушка, правда, резидент на хорошем английском языке ругал Гришу за его русский с немецким акцентом, – расхохотался Маликов. – Для нас это стало открытием, так как до того ни разу не фиксировали его разговор на иностранном языке.

– Товарищ генерал, а наши лингвисты анализировали сводки с его русской речью? – воспользовавшись небольшой паузой, возникшей после заключительной фразы Маликова, спросил Эди.

– В каком смысле? – вопросом на вопрос ответил генерал.

– Я не раз замечал, что он не понимает значения фразеологических оборотов, употребляемых в обычной русской речи.

– Думаешь, он обязан все их знать?

– Если рос и воспитывался в СССР, то по определению должен был впитать вместе с речью.

– Насколько я помню, он выходец из какого-то украинского села, – задумчиво промолвил Маликов.

– Тогда тем более должен знать, – не сдавался Эди.

– А может, ему это просто не нужно было? – напрягая голос, заметил Маликов.

– Даже не русский по происхождению, но выросший в русскоговорящей среде, и то знает обыденные фразеологизмы, а он русский человек и путается в них. Такого не должно быть, а если оно имеет место быть, то возникает вопрос – где он рос и воспитывался?

– Стоп, стоп, не уходи в сторону, подполковник, – взмахнул пару раз рукой перед своим лицом Маликов, словно освобождаясь от какого-то наваждения. – Главное состоит в том, что мы знаем – он резидент и координирует разведывательную работу против нашей страны. Поэтому мне наплевать, знает он или не знает русские фразеологизмы. Передо мной стоит задача заставить противника окончательно поверить в нашу дезу с вытекающими отсюда последствиями, доказательно разоблачить подрывную деятельность Моисеенко против нашей страны и примерно наказать. В нынешних условиях нет времени заниматься качеством русского языка резидента. Надеюсь, подполковник, ты это понимаешь?

– Понимаю, – коротко ответил Эди, хотя не был согласен с доводами заслуженного генерала, так как был уверен, что контрразведке придется выходить на вербовку Моисеенко, чтобы спасти операцию, и поэтому знание деталей его биографии может сыграть хорошую службу в таком деле. Об этом свидетельствовал богатый чекистский опыт.

– Тогда надо действовать, – сухо скомандовал Маликов.

– Есть действовать, товарищ генерал, жду ваших указаний, – отчеканил Эди, решив более не надоедать занятому решением глобальных задач генералу своими инициативами второстепенного порядка.

– Указания будут, – уже несколько примирительно сказал Маликов, – ладно уж, говори, чего ты добиваешься?

– Товарищ генерал, одно дело судить советского гражданина, вставшего на путь предательства, и совсем другое – если придется судить иностранного разведчика, реально покусившегося на государственную безопасность страны. И к тому же надо будет не сегодня, так завтра определяться, будем ли выходить на вербовку этого типа. Если нет, то надо разработать и срочно реализовать комбинацию по выводу меня из разработки, иначе можно сорвать операцию, – на одном дыхании произнес Эди, словно боясь, что тот не даст ему вновь договорить.

– Эди, откровенно скажу, – начал Маликов, бросив почему-то взгляд на дверь, – сегодня утром я докладывал Иванкову, чтобы потом всяких там вопросов не возникло, мол, почему не сразу и тому подобное. И знаешь, к моему большому удивлению, он заинтересовался твоим предложением и сказал, чтобы срочно и всесторонне его рассмотрели и доложили мысли, мол, какие могут быть плюсы, а какие – минусы. При этом поручил организовать ему встречу с тобой до Минска. Так что сможешь ему лично высказать все свои соображения, в конечном итоге он будет принимать решение, это его прерогатива, – заключил он.

– А неизвестно, когда?

– Завтра, на Лубянке, во сколько – ребята дадут знать. Пойдем вдвоем, но предварительно еще раз сверим часы у меня, чтобы дудеть в одну дуду, а то я тебя знаю, – улыбнулся Маликов.

– А Ковалев... – начал Эди.

– Ему сейчас не до посиделок наверху, надо подгрести все, что есть на этого хитреца и его подшефных, да и ты, что ни встреча, подкидываешь ему новые хлопоты. Так что пойдем вдвоем, пусть уж лучше займется конкретным делом, пока мы будем лясы точить.

– Вам виднее, товарищ генерал, но мне бы не хотелось напряжения в наших с ним отношениях даже на психологическом уровне. Он и так вольно или невольно ревнует.

– Вот ты какой, а я подумал было, что промолчишь со смыслом, – усмехнулся генерал.

– Товарищ генерал, нет мне смысла молчать, мы с ним вместе под вашим руководством выполняем трудную работу, я только поэтому... – не договорил Эди.

– Молодец ты все ж таки, подполковник, будь иного кроя, наверно, не восстал бы и против Бузуритова. Уважаю. Так и быть, возьмем с собой Ковалева, хотя я ему уже объявил о другом своем решении, – не спеша вымолвил Маликов, пристально глядя в лицо Эди.

– Благодарю вас, товарищ генерал, что не приструнили за настойчивость, – уважительно промолвил Эди.

– Ладно, сочтемся при подведении итогов, – развеселился Маликов, но, бросив взгляд на часы, уже серьезно произнес: – Время бежит, давай вернемся к нашим баранам.

– Вы, наверно, уже знаете, что Моисеенко хочет новой встречи... – начал Эди.

– Да, мне доложили, – прервал он его. – И поддерживаю твою инициативу с рестораном и дочерью Иуды. Гляжу, помаленьку приучаешь хитреца правильно реагировать на свои предложения. Похвально. Кстати, где запланировал званый ужин?

– Здесь, в гостинице.

– Вопрос уже решен?

– Им занимается Елена, перед самым приходом сюда поручил.

– Справится?

– Елена –мышленная девушка, полагаю, что справится, по крайней мере потренируется.

– Она сейчас в твоём номере?

– Прикрывает, если позвонит Моисеенко или кто-нибудь от него, – пояснил Эди.

– Учишь – это правильно, активной работай с ней, нужно за короткое время подготовить для самостоятельной работы. Курсы – хорошо, но практика во все времена являлась квинт-эссенцией любого учения. Вон я в свое время на второй день, как выдали удостоверение и пистолет, участвовал в реальных мероприятиях, в которых ощущался запах смерти, я не шучу, и по сей день помню ее вкус. Но, слава богу, пронесло, – вернулся из прошлого генерал и на короткое время умолк, глянув в самые зрачки Эди, будто хотел увидеть в них, какое впечатление произвели его слова.

Эди, естественно, не обманул ожиданий и выразил искреннее восхищение заслугами генерала в деле борьбы с иностранными разведками, что не являлось секретом для всех контрразведчиков страны.

– Я о себе так к слову сказал, но, что касается практики, еще раз повторю – обучай ее на конкретных примерах, если надо – проводи эксперименты, подключи к этой работе минчан, но к возвращению в Москву она должна быть готова идти в бой. Ты меня понял, подполковник? – спросил Маликов.

– Будет сделано, товарищ генерал, – коротко ответил Эди.

– Не сомневаюсь. Кстати, билеты заказали?

– Этим она же занимается.

– Ничего себе устроился, – рассмеялся Маликов, – и любовница, и секретарша, и агент в одном лице. Как это тебе удается?

– При таких учителях удастся без проблем, товарищ генерал, – сдержанно ответил Эди.

– Не напрягайся, ты же понимаешь, я без подковырки, а если что, не забывай наш разговор по случаю с Бузуритовым, – тепло произнес Маликов. – Так что расслабься.

В этот момент открылась дверь, и в комнату стремительно вошел Артем, а за ним медленно, толкая вперед тележку с кофе и десертом, вошла Люба.

Оценив ситуацию, Маликов попросил ее накрыть столик у кресел.

Когда же она, исполнив его просьбу, ушла, Артем и Эди вслед за генералом переместились в кресла. Разговор продолжился за кофе.

Артем доложил, что он поручил Минайкову, и тот уже срочно организует необходимую работу. Первые результаты должны быть к вечеру.

– Хорошо, тогда мы продолжим нашу работу, но сначала хочу, полковник, тебя поставить в известность о том, что к Иванову все-таки пойдем втроем. Эди считает, что очень важно твое участие в этом совещании, как ключевого человека в этой разработке, – заметил Маликов и, как показалось Эди, сделал специальную паузу, потянувшись к чашке с кофе.

Но Ковалев, будучи весьма опытным в придворных интригах, сразу же сориентировался и тут же не мешкая начал:

– Товарищ генерал, у нас ключевым руководителем этой и других разработок являетесь...

– Я знаю, но, видно, подполковник не в курсе этого, – улыбнулся Маликов.

– Понял, объясню, – отчеканил Артем, бросив на Эди благодарный взгляд.

– Ну ладно, с этим тоже разобрались, – самодовольно промолвил генерал. – Теперь давайте о встрече. Мне бы, дорогой Эди, хотелось услышать, чем Моисеенко интересовался, какие предложения делал, что замыслил, в первую очередь относительно Иуды и Шушкеева. То, что прозвучало в телефонных разговорах, можно и опустить, они отражены в сводках, хотя, если считаешь необходимым воспользоваться для связки событий, пользуйся.

После чего Эди в подробностях рассказал ему о содержании встречи с Моисеенко, его интересе к наличию связей у Рожкова в ленинградских правоохранительных органах и к его родственнику, работающему на Кировском заводе, а также о полученной от Елены информации в отношении высокопоставленного функционера ЦК партии, проводившем на квартире Иуды переговоры с представителем иностранной фирмы.

Дослушав эту часть информации, Маликов спросил у Артема:

– Это проходит по сводкам?

– Наружка фиксировала приход на квартиру к Иуде многих высокопоставленных лиц, среди них был и цековец. Мы тогда пытались его взять в разработку как связь шпиона, но руководитель административного отдела ЦК отказал, пригрозив докладом Горбачеву о попытках КГБ копать под партию.

– Да, тогда мы, точнее, руководство отступило, а зря. И все потому, что не было веских оснований, – задумчиво промолвил Маликов.

– Но информацию по нему мы сохранили.

– А по сводкам слухового контроля он не проходил?

– Нет, помните, в то время некоторые разговоры, в том числе и его, технарям не удалось записать. Они объясняли это возникновением каких-то искусственных помех, но так и не смогли разобраться, что это было.

– А сопоставлялись по времени сводки наружки, слухового контроля и технических помех с нахождением в адресе того или иного гостя Иуды? – спросил Эди.

– Вроде сопоставлялись, но я сейчас не готов ответить, что это дало, – промолвил Артем, делая у себя в блокноте очередную пометку.

– Что-то еще? – улыбнулся Маликов, глядя на Эди.

– Товарищ генерал, как бы то ни было, полагаю целесообразным сделать такое сопоставление в увязке с приходами туда цековца. При этом, на мой взгляд, важно узнать, кто еще в одно время с ним бывал у Иуды. Наверняка он устанавливался как его связь.

Затем, после еле уловимой паузы, Эди продолжил:

– Чтобы проверить версию о создании противником радиопомех с целью исключения возможной прослушки своих мероприятий на квартире Иуды, было бы целесообразно уточнить, анализировалась ли обстановка в районе дома на предмет выявления специальных машин, которые могли быть использованы в таких целях. Если будут получены ответы на эти вопросы и они окажутся положительными, можно предположить, что цековец как минимум человек, на которого сделали серьезную ставку моисеенки.

– В совокупности информация о цековце сногшибательная. Оснований не доверять дочери Иуды нет. Поэтому, полковник, нужно вывернуться наизнанку и ответить на перечисленные вопросы, – жестко произнес Маликов. – И еще надо срочно организовать по нему комплексную проверочную работу. Спрашивать разрешения ни у кого не будем. Доложим наверх, когда будут первые результаты. Правда, надо учитывать, что он нынче изображает из себя активного перестройщика, вхож в высокие кабинеты, ездит за рубеж в составе представительных делегаций. В общем, все необходимо делать по классике, чтобы избежать утечки относительно нашего интереса к нему. Тебе все понятно? – спросил генерал, упершись взглядом в Артема.

– Так точно, сегодня же организую необходимую работу.

– Ладно, и с этим разобрались, но что делать с утаиванием Иудой такой важной информации? – произнес Маликов, теперь уже уставившись в глаза Эди. – Вроде мы уже поверили было в его откровенность, а тут на тебе, такая оплеуха. Выходит, предатель не все нам говорит.

– Выходит, не все, если подтвердится, что он специально о нем умолчал, – согласился Эди.

– Он и о своей валюте, золотишке и счетах, а также окне на границе мало что отписал, – добавил Артем.

– Первичная информация об этом именно от него исходит, белорусам надо было детализировать ее вместе с ним. Что касается окна, то нам самим необходимо определиться, что с ним делать, – отпарировал Эди.

– Определимся в ближайшее время, это непростой вопрос, по всему, с учетом складывающейся в мире политической обстановки будем вместе с ПГУ прорабатывать его. Иванков на этот счет на днях имел разговор с Крючковым... Кто, кроме Иуды, знает об окне?

– Золтиков, он, кажется, контролирует его, – ответил Артем, бросив при этом вопросительный взгляд на Эди.

– Главным по окну является Глушечков, – поправил коллегу Эди. – Именно ему Иуда писал своей хитрой ручкой об окне. При этом предупреждал, чтобы не сообщал о нем Моисеенко, иначе тот откажет в помощи, обвинив в несогласованных действиях. Заодно поручал присматривать за Золтиковым и Андреем, напоминая ему, мол, если что, ты знаешь, как поступить.

– Надо понимать, Иуда намекал об устранении, если что? – спросил генерал.

– Мы все сделали именно такой вывод, – пояснил Артем.

– Отчаянные ребята, чуть в сторону и нож под сердце, – усмехнулся Маликов.

– Случай с Шушкеевым лучшее тому подтверждение, – заметил Артем.

– Полагаете, что Глушечков умолчал об окне своему адресату в Москве? – спросил Маликов.

– Трудно однозначно ответить на этот вопрос, по крайней мере такой информацией мы не обладаем, – пояснил Артем.

– А что скажет Эди? – вопросительно уставился на него генерал.

– Такой информации, товарищ генерал, в процессе общения с моисеенками я тоже не получал, – поддержал коллегу Эди. – Но это не дает оснований утверждать, что резидент не знает об окне от самого Иуды. Это еще придется выяснять. Как представляется, Иуда мог на всякий случай проинформировать Моисеенко об окне, чтобы исключить в отношении себя возможные санкции со стороны резидентуры за самовольство.

– Тогда нелогично его предупреждение Глушечкову об умолчании относительно окна, – высказал свое сомнение Артем.

– Нисколько, он мог так сделать, чтобы Глушечков не распространялся об их совместных валютных делах с использованием окна. Если учесть, что тот не знает о шпионаже Иуды, его намерении бегства за кордон, это вполне объяснимо, – отпарировал Эди.

– В этой ситуации много неясного, и все оттого, что Иуда не совсем откровенен с нами, – заключил Артем, глядя на генерала, словно ища у того поддержки.

– В части отсутствия информации об осведомленности Моисеенко относительно окна согласен, но что касается остального, полагаю необходимым просто спокойно обобщить и проанализировать имеющуюся информацию и спланировать дальнейшую работу, учитывая при этом, что Иуда не стал скрывать от нас своих планов по окну, – сказал Эди.

– Хорошо, я услышал ваши аргументы, но, как бы то ни было, нужно срочно и обстоятельно переговорить с Иудой по всем возникшим вопросам и спланировать меры по использованию окна в интересах госбезопасности.

– Товарищ генерал, только нужно без резких движений отвести от него Золтикова, чтобы... – начал Артем.

– Я об этом уже говорил с Тарасовым, – прервал его Маликов. – Вопрос будет решаться после уточнения у Иуды всей ситуации по Золтикову и Глущенкову, да и в целом по окну, в том числе с учетом новой версии Эди.

– В данном случае важно учесть, что Иуда не доверяет Глущенкову, – заметил Артем.

– Это действительно так. Иуда считает, что тот как-то связан с правоохранительными органами. О своем недоверии к Глущенкову он сообщал и Моисеенко. И вообще, на мой взгляд, моисеенки того терпели только потому, что он не осведомлен о шпионской деятельности Иуды, хотя и научен некоторым приемам конспирации, которыми валютчики пользуются испокон века, а также в надежде через него выйти на секретносителей с оборонных заводов Ленинграда. Кроме того, возможно, они через него освещали объекты своей заинтересованности, ведь он как ленинградец знает тамошнюю обстановку и людей.

– Да, Глущенков действительно не знает о шпионаже Иуды. Это проявилось в его неосведомленности в истинном назначении кейса, который он припрятал в тайнике, – согласился Артем.

– Я знаю, белорусы отслеживают тайник и на сегодняшний день не зафиксировали какого-нибудь копошения вокруг него, – задумчиво промолвил Маликов, окинув взглядом своих собеседников.

– Да, попыток доступа к нему не зафиксировано, – подтвердил Артем, – я только пару часов тому назад разговаривал с Парамоновым.

– Выходит, кроме Глущенкова и Иуды, никто не знает о кейсе, – заметил Маликов, а потом вдогонку произнес: – Да, еще знает и Моисеенко. Но нам неизвестно, известно ли ему место закладки тайника. Или ведомо? – спросил генерал у Эди.

– В записке Джона Иуде было особо сказано о предметах связи из кейса. Ему предлагалось вернуть их в Москву или уничтожить.

– Возвращать вещдоки соответственно не будем, слегируем уничтожение, когда отработаем все возможности их использования в качестве приманки. Вопрос лишь в том, кто и как это сделает? – спросил Маликов у Эди.

– По поручению Иуды это могу сделать я, тем более санкцию на их уничтожение он имеет, но в таком случае нужно будет учитывать озабоченность, которую относительно средств связи проявлял Джон.

– Напомни-ка, о чем речь?

– Он в той записке отмечал, что их уничтожение не Иудой таит в себе опасность ознакомления с ними постороннего лица, – пояснил Эди.

– Вот и хорошо, будет потом о чем поговорить с Моисеенко, – рассмеялся генерал, – ведь ты же мечтаешь с ним провести мужской разговор.

– Как скажете, товарищ генерал, – произнес, легко улыбнувшись, Эди. – Это было бы крайне интересно.

– Посмотрим, какое решение будет принято наверху, – уже спокойнее сказал генерал. Затем, после задумчивой паузы, продолжил: – Да, мы несколько ушли от Иуды, который отчего-то не доложил о цековце. Конечно, с одной стороны, данный факт настораживает, но, с другой стороны, ничего страшного в этом не вижу. К тому же я допускаю, что в тот очень сложный для него период он просто не вспомнил о цековце, а если и вспомнил, то не успел сказать из-за твоего срочного отъезда или приберег на потом, а сейчас не хочет абы кому сообщать, ждет встречи со своим спасителем. Ведь он же понимает, что эта информация действительно сногшибательная, – ухмыльнулся Маликов. – Подобные случаи были отмечены даже в моей практике.

– Очень хотел бы, товарищ генерал, чтобы так оно и было, иначе придется пропускать его через психотропное чистилище, – заметил Эди.

– Его и так нужно будет пропустить, чтобы вспомнил давно им забытое, – усмехнулся Артем, бросив на Маликова вопросительный взгляд.

– Сначала с ним недельку поработает Эди и разберет все этапы его сотрудничества с противником, умалчивая о нашей осведомленности о цековце. Посмотрим, сообщит ли он об этом типе, если нет, потом определимся, как далее поступить. Так что, подполковник, завершай здешние дела и отправляйся в Минск, конечно, после завтрашнего доклада Иванкову, – заключил генерал.

– Понял, будет сделано, – отчеканил Эди.

– Теперь о твоей легенде, – заметил Маликов, обращаясь к Эди. – Согласен, она затрептит по всем швам, если моисеенки найдут реальные выходы на республику или отыщут здесь кого-нибудь, кто лично знает тебя. Мы все делаем, чтобы не допустить этого, но надо продумать дополнительные меры и обязательно исключить такую возможность. То, что наши перлюстраторы перехватили письма в обком комсомола и редакции республиканских газет с просьбой неких мифических инициаторов предоставить для готовящегося ими информационного обзора сведения о молодом ученом Атбиеве, исследующем историю чеченцев периода прошлой войны, дал нам реальный шанс для укрепления твоей легенды. Наши товарищи им такое написали, конечно, не под копирку, что стоящие за ними моисеенки будут кипятком писать от удовольствия обретения такого перспективного молодого человека с целью решения своих задач, – на одном дыхании выдал Маликов, вздернув указательный палец правой руки на уровень собственных глаз. Что по всему должно было означать, вот как мы можем, когда возникает необходимость решения важных задач. – Скажу откровенно, – продолжил он после короткой паузы, – я сразу же предложил Виктору Петровичу поощрить перлюстраторов. И что думаешь? Через несколько дней они имели в своем активе благодарности председателя комитета. Извини, дорогой Эди, при первой встрече у меня просто не хватило времени обо всем рассказать. Наверно, это сделали ребята и ты уже в курсе этих дел?

– К сожалению, еще нет, просто времени не хватило переговорить, – попытался смягчить ситуацию Эди.

– Почему, что происходит, полковник? – удивленно вскинул брови генерал.

– Мы действительно не успели переговорить, очень много организационных вопросов приходится решать, и потому упустили, товарищ генерал, – стушевался Артем.

– А ты хоть на миг можешь представить, чем бы все закончилось, если бы это выяснилось на совещании у Иванкова? – раздраженно вскрикнул Маликов. – Ты хоть понимаешь, что знание о прохождении такой полезной информации к Моисеенко даст его разработчику возможность действовать напористо и без оглядки на легенду, по крайней мере, в ближайшие дни?

– Знаю, товарищ генерал, больше такого не повторится, – расстроено пролепетал Артем, глянув на Эди, мол, чего молчишь, поддержи.

Поэтому Эди, воспользовавшись возникшей паузой, быстро произнес:

– Товарищ генерал, мы сегодня и с Ковалевым, и с Минайковым намеривались обменяться информацией по новым моментам, но не получилось сначала из-за музея, а потом все примчались сюда.

– Но можно же, в конце концов, и по телефону поговорить, необязательно же за кофе-чаем, – уже несколько успокоившись, бросил Маликов.

– Так и будем поступать, – отчеканил Артем, подарив Эди благодарный взгляд.

– Надо же, черт побери, думать, ведь вы же контрразведчики, – менторски заметил генерал, а затем, обращаясь к Эди, спросил: – Скажи, а может, у тебя созрели какие-нибудь свои соображения по легенде?

– Товарищ генерал, кроме той, что озвучил вчера, не созрели, – коротко ответил Эди.

– Да, действительно все непросто, но будем работать над этим, – задумчиво промолвил Маликов, а затем добавил: – Когда будет точно известно о месте и времени сегодняшнего застолья и билетах в Минск, дай знать ребятам.

– Есть, сделаю, товарищ генерал.

– Полковник, необходимо будет, как и в прошлый раз, обеспечить сопровождение Эди и его спутницы в Минск. Моисеенко уж наверняка это сделает по своей линии. И еще продумай с Эди механизм ознакомления наших специалистов с почтой Моисеенко в адрес шпионов-сидельцев, она обязательно будет: резидент не упустит возможности отправить им свои секретные послания.

– Будет сделано, – отчеканил Ковалев.

– Как у тебя с деньгами? – спросил Маликов у Эди.

– Если использовать те, которыми меня снабдит резидент, то очень хорошо, – улыбнулся он.

– С ними поступим так же, как и с предыдущим авансом резидента, – заметил генерал, но после короткой паузы продолжил: – С учетом поручений, которые тебе накидал резидент, а также того, что едешь не один, в средствах ты не должен быть стеснен. Поэтому, полковник, обеспечь Эди необходимой суммой и доложи об исполнении.

– Понял, товарищ генерал, – вновь отчеканил Артем.

– Вот и хорошо, – кивнул Маликов, а затем продолжил: – Вроде обо всем поговорили и договорились, теперь надо действовать.

Затем, бросив взгляд на Эди, произнес:

– Позвони мне после ужина, хотелось бы узнать, как этот хитрец общался с дочерью Иуды и как она при этом себя вела. У меня имеются кое-какие мысли относительно нее, потом обменяемся. Да, позвони отсюда и вообще, когда нужно посоветоваться с ребятами, пользуйся здешними телефонами. Любовь Александровна поможет. Понятно?

– Понятно, вариант удобный и безопасный, – заметил Эди.

– Я тоже так думаю, – широко улыбнулся Маликов и, тяжело поднявшись с кресла, добавил: – Мне пора возвращаться на Лубянку, а то могут спохватиться, мол, куда запропастился начальник контрразведки страны в это быстротечное перестроечное время. Так что, полковник, следуй за мной, а ты, Эди, еще малость побудь здесь, конспирацию ведь никто не отменял, – пошутил он и направился к выходу.

Артем, подмигнув Эди, вставшему из-за стола, чтобы выйти в гостиную, последовал за Маликовым.

Через некоторое время Эди и Люба тоже покинули явочный номер. Заходить к ней он не стал, а сразу направился к себе.

Глава IX

Елена открыла дверь, предварительно спросив, кто стучится, и прямо с порога обрадованно заявила Эди: – Билеты заказала на послезавтра, можно хоть сейчас выкупить. Стол тоже, но только не на веранде. Оказывается, там тоже идет перестройка. Метрдотель извинилась, что не смогла удовлетворить наш заказ, зато как постоянным посетителям дала команду своим подчиненным сервировать стол у самого фонтанчика по высшему разряду.

– Леночка, вы просто молодец, за такое короткое время смогли... – хотел было высказаться относительно ее талантов организатора.

– Это была вечность, я столько времени ждала вас, – смущенно вымолвила она, прервав его.

– Леночка, а кто-нибудь звонил? – обнял ее Эди и проводил к креслу.

– Да, Андрей Ефимович звонил.

– Это было до заказа или после? – уточнил свой вопрос Эди.

– До того, – ответила она, но тут же быстро добавила: – Он просил, чтобы вы позвонили, когда вернетесь.

– Если до заказа, то время терпит.

– А в чем разница, до или после? – спросила Елена.

– Если после, то возник бы вопрос, где я и чем занимаюсь, а так лишь попросил позвонить, – пояснил Эди и прошел к телефону.

Моисеенко ответил после двух звонков и сразу спросил:

– Ну что, заказали?

– Без проблем, только не повезло с верандой, ремонтируют, а то хотел доставить вам удовольствие, – пошутил Эди.

– А-а, понял, это в «Метрополе», – рассмеялся Моисеенко. – Разумно: рядом и комфортно. На какой час?

– С восьми вечера и целых три часа.

– Прекрасно, но имейте в виду, я тоже буду с дамой, то есть с супругой, – уточнил он.

– Нам с Еленой это доставит удовольствие, – весело подчеркнул Эди.

– Надо полагать, и с билетами решили, коль такое хорошее настроение демонстрируете?

– Сейчас пойдем выкупать, – в тон ему ответил Эди.

– Прекрасно, тогда до встречи, – сказал резидент, и через секунду в трубке послышались гудки.

– Пойдемте, а то кассу могут закрыть, – предложила Елена, поднявшись из кресла.

– Пойдемте, – согласился Эди и под руку повел ее к выходу.

Через пять-семь минут они были у кассы в очереди из трех человек.

После приобретения билетов более часа погуляли по проспекту Маркса, а затем не торопясь направились в ресторан. По пути Эди попросил Елену позвонить Володе из телефонной будки, что на углу гостиницы, и сообщить о заказанном столе и приобретении билетов.

– Почему вы сами этого не сделаете? – спросила она вполголоса, ничуть не удивившись его просьбе.

– А вы не догадываетесь? – вопросом на вопрос ответил Эди.

– Не хотите привлечь внимания, если вдруг кто-то за нами наблюдает, – улыбнулась она.

– Правильно, вы молодец, сразу поняли, что к чему.

– Тогда называйте номер.

– Назову, когда зайдете в будку, и еще дам монетку, хотя она в нашем случае и не нужна.

– Поняла, сделаю вид, что опустила ее в аппарат, – заулыбалась Елена.

Позвонив Володе, они пришли в ресторан. Метрдотель действительно встретила их как старых знакомых и проводила к прекрасно сервированному столу у фонтанчика. На просьбу Эди встретить также его гостей, о которых вкратце ей поведал, обещала непременно сделать это на хорошем уровне и, грациозно шагая, направилась к выходу.

За пару минут до назначенного времени в сопровождении метрдотеля в зале появился Моисеенко, ведя под руку женщину лет сорока. Она была одета в бежевое платье с декольте, которое подчеркивало стройность ее фигуры, гармонировало с цветом ее пышных, спадающих до плеч каштановых волос и вполне соответствовало предстоящему ужину в элитном ресторане в обществе мужа и двух молодых людей. Женщина держалась уверенно и с достоинством, что выдавало в ней особу, привыкшую к светской жизни.

Заметив гостей, Эди встал им навстречу и после взаимных приветствий предложил занять места за столом, что они и сделали с помощью вовремя подошедшего учтивого официанта.

Дождавшись, когда гости усядутся, Эди вопросительно произнес:

– Надеюсь, Андрей Ефимович, я не расстроил вас местом нашего застолья?

– Что вы, дорогой Эди, в эту пору лучшего варианта и не придумать, – ответил Моисеенко и в следующее мгновение спросил, обращаясь к своей спутнице: – Разве я не прав, дорогая?

– Здесь очень мило, – коротко ответила та, бросив внимательный взгляд на Эди.

– Елене тоже пришлось по вкусу этот зал, – улыбнулся Эди, коснувшись ее руки, которой она нервно теребила салфетку.

– Тогда, дорогие мои, самая пора познакомить вас с моей несравненной Анной Ильиничной, – пропел Моисеенко.

– Очень рад. Как уже было сказано старшим товарищем, меня зовут Эди.

– А меня Леной, – несколько стеснительно представилась его спутница.

– Молодые люди, муж меня тоже представил, и потому ничего не остается, как еще раз отметить, что доставили нам большое удовольствие, организовав ужин в этом просторном и красивом зале, да еще с живой музыкой. А то, что стол находится по соседству с освежающим фонтанчиком – это просто фантастика, – буквально промурлыкала Анна Ильинична, задержав при этом на Елене изучающий взгляд из-под длинных накладных ресниц.

– В таком случае попытаюсь дополнить нарисованную вами картину хорошим меню, которое изобилует разными, в том числе экзотическими, блюдами и напитками, – воскликнул Эди, чтобы акцентировать внимание на себе.

– О-о, Эди, мне муж многое рассказал о вас, но он, как теперь понимаю, многое не договаривал, – неожиданно оживилась она. – Давайте, предлагайте, на что обратить внимание в первую очередь.

– Анна Ильинична, у стола в ожидании любых ваших заказов находится прекрасный специалист своего дела, лучше посоветоваться с ним, – предложил Эди, указав на стоящего несколько в стороне в ожидании заказов официанта. – Лично я закажу салат из свежих овощей и шашлык из баранины, а то я изрядно проголодался, – продолжил Эди, бросив на Моисеенко многозначительный взгляд, мол, вы же знаете, что со мной было. И тем более ему хотелось втянуть в разговор отчего-то притихшего резидента.

– Для кавказца и спортсмена на вечер баранина – это нормальное явление, но нам, обычным физкультурникам, наверно, следует выбрать что-нибудь проще, – заметил Моисеенко. – Дорогая, давай послушаем Эди и действительно посоветуемся с официантом. Да, кстати, что закажет Леночка?

– Салат из свежих овощей, форель на гриле и слегка прожаренные на оливковом масле шампиньоны, а из спиртного – бокал шабли урожая 1986 года, – ответила она, вопросительно взглянув на Эди, который чуть не обомлел от того, насколько спокойно и со знанием дела это было произнесено.

Услышавший ее пожелания официант тут же внес их в заказ, но оговорился относительно вина, пояснив, что вина сабли, как правило, должны пробыть в бочке от одного года до четырех лет и потому большая редкость для ресторана. Но при необходимости он постарается выяснить наличие такого вина в других ближайших ресторанах. На что Елена заметила:

– Тогда не надо классического сабли, лучше посмотрите у себя «Пти Сабли». Оно доступнее, так как ему, чтобы достичь расцвета, требуется всего несколько месяцев, и потому рестораны, подобные вашему, запасаются им впрок.

– Вы правы, конечно, я посмотрю, думаю, этот заказ выполним, – почтительно сказал официант, задержав изучающий взгляд на Елене, но, быстро опомнившись, обратил свои взоры на жену Моисеенко, которая недолго думая буквально повторила заказ Елены, в том числе и относительно вина.

– В таком случае мне остается согласиться с Эди и заказать шашлык, – промолвил Моисеенко, изобразив на лице широкую улыбку. – А что касается напитка, то принесите нам непочатую бутылку обычной русской водки, но только качественной. Вы, конечно, понимаете меня.

– Дорогой, может, чего-нибудь полегче? – вопросительно изрекла Анна Ильинична, удивленно глянув на мужа.

– К мясу как раз будет, – отшутился он. – Надеюсь, Эди, вы поддержите меня в этом выборе?

– Чего только не сделаешь ради хорошего человека, – заметил он, – хотя к опьянению отношусь, как учил Аристотель.

– Неужели и о водке он что-нибудь говорил? – удивился Моисеенко.

– Говорил, что опьянение – это добровольное сумасшествие, – легко рассмеялся Эди.

– Я читала, что о водке написал Чехов, – как бы между прочим заметила Елена.

– И что он сказал, поведай-ка нам, Леночка? – вытянув подбородок в ее сторону, спросил Моисеенко.

– А то, что водка белая, но красит нос и чернит репутацию. Так что будьте осторожными с этим напитком, – хихикнула она.

– Но мы не будем столько пить, мы свою меру знаем, – отшутился резидент, – так что, товарищ официант, выполняйте мой заказ и по части водки, – потребовал он.

Спустя каких-то двадцать минут за столом у фонтанчика шло веселое застолье. Произносились тосты в честь дам с пожеланиями достижения успехов в перестройку, когда многое привычное уходит в прошлое и ему на смену приходит многообещающее новое бытие.

Все это время Анна Ильинична не спускала глаз с Елены, делала комплименты ее красоте, начитанности и умению лаконично излагать мысли. Елена реагировала на это то весело, играючи, то якобы смущаясь открытой лестии взрослой женщины, то еле заметно напрягаясь, когда приходилось отвечать на вопросы, связанные с перспективой ее отношений со своим спутником, задаваемые в разной интерпретации. Она на них отвечала, как условилась с Эди, мол, он друг семьи, помогающий ее папе выстоять в тяжелой ситуации, и она ему очень благодарна. При этом не забывала часто встречаться взглядами с Эди, чтобы увидеть, как он реагирует на ее поведение. И каждый раз, прочитав в его глазах, что все идет нормально, искренне радовалась.

Скоро музыканты заиграли легкую танцевальную музыку. Моисеенко неожиданно предложил Эди станцевать с его женой, а сам пригласил Елену.

Анна Ильинична двигалась легко и плавно, упиваясь музыкой танца, при этом не забывала ненавязчиво интересоваться его жизнью, не раз подчеркнув, что Елена прекрасная девушка, поинтересовалась планами Эди в отношении нее на будущее. Получив ответ, что, как только сможет в полной мере выполнить данные отцу Елены обещания, должен будет активнее заняться исследованиями, она вкрадчивым голосом заметила:

– Может быть, вы и правы, а то муж как-то расстроено поведал мне, что она девушка несколько ветреная. Думаю, вы понимаете, о чем я говорю? – И тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: – О-о, такой молодой человек, как вы, должен иметь надежный тыл. Андрей Ефимович говорит, что вас ждет большая перспектива. Он вообще высоко ценит кавказских людей. Знаете, сегодня он познакомился с одним министром из вашей республики по имени, кажется, Альберт, который готовится ехать на всемирную выставку в Дамаске, чтобы представлять республиканский раздел. Так вот он пригласил мужа в гости по возвращении из Сирии, обещал устроить горную экскурсию. О-о, было бы здорово, если бы и вы приняли участие в этой экскурсии...

«Интересно, кто же он, этот гостеприимный министр, которого, по всей вероятности, зовут Али, а не Альберт, ибо таких имен у чеченцев практически нет? – внутренне напрягся Эди... Конечно, внешне это никак не проявилось: он по-прежнему с застывшей улыбкой на лице слушал словоохотливую и, по всему, любящую танцы женщину. – Не дай бог, это Асланов Али, что возглавляет министерство пищевой промышленности, так он, прекрасно знающий о моей службе в комитете, без всяких задних мыслей может провалить меня. Как бы узнать, интересовался ли Моисеенко у него мной? – мелькнула тревожная мысль. – По логике вещей не должен был упустить такую возможность, тем более что совсем недавно попытался это сделать через газеты и обком комсомола. Вполне допустимо, что по каким-то объективным причинам не смог, не успел, могли отвлечь и срочные дела или встреча была короткой. Нет, это нелогично, разговор состоялся, говорили о республике, и он бы не нашел секунды, чтобы спросить?.. Такого просто не может быть, ведь он, заряженный на получение нужной ему информации, после нескольких слов включил бы в материю диалога интересующий его вопрос.

Если все-таки резидент задал такой вопрос и получил на него раскрывающий меня как сотрудника КГБ ответ, то непонятно, почему не удастся уловить в его поведении или в выражении глаз ничего, что в какой-нибудь, даже ничтожной, доле свидетельствовало бы об изменении его отношения ко мне? Будь это так, то хоть в каких-то мгновениях это должно было проявиться. Может, резидент умело скрывает, ведь он же профи? Вполне возможно! Но даже в рассказе его жены не просматриваются ни малейшие нотки игры. Наоборот, она об этом министре и его приглашении на Кавказ говорит с явной надеждой на возможную поездку в горы», – рассуждал Эди, угнетаемый отсутствием ответов на возникшие вопросы.

В этой ситуации оставалось терпеливо ждать и пытаться зафиксировать любую зацепку, подтверждающую или опровергающую его сомнения о министре. «Как бы то ни было, сегодня нужно будет установить министра и поработать с ним. Сейчас же важно не нервничать и спокойно довести начатый ужин до конца», – заключил он и, дождавшись небольшой паузы в монологе дамы, учтиво произнес:

– Анна Ильинична, насчет ветрености Елены я уже знаю, меня об этом Андрей Ефимович предупредил. Конечно, неприятно было узнать, что у такого отца, как Александр, легкомысленная дочь. Несомненно, я буду это учитывать в своих дальнейших отношениях с ней, хотя скажу откровенно, мне все равно, ветрена она или монахиня-затворница, ведь я не планирую связывать с ней свою судьбу. Но вот что касается желания Андрея Ефимовича побывать в республике, то уверяю вас, если бы я знал об этом раньше, то сейчас мы с вами делились бы впечатлениями от пребывания в самых красивых тамошних местах.

– Дорогой Эди, вы только не вздумайте обижаться на мужа. Я думаю, он так к слову рассказал мне о своем новом знакомом и вашем земляке. Интересно, а вы не знаете министра с именем Альберт?

– Я рядовой ученый и потому не вхож в министерские круги, они живут, как говорится, обособленно и мы редко пересекаемся с ними, – улыбнулся Эди.

– Не скромничайте, пожалуйста, мне муж рассказал буквально на днях, что вы известный в республике историк и спортсмен. Так что министр вас наверняка знает, хотя вам он и неизвестен. Отсюда делайте вывод – чей круг важнее, – усмехнулась Анна Ильинична.

– Если говорить об административном ресурсе, то, конечно, министерский, – отпарировал Эди.

– Дорогой Эди, у вас есть все, чтобы изменить положение вещей: вы умны, сильны и даже весьма симпатичны, так что дерзайте, – уже серьезно промолвила она, устремив буравящий взгляд, как это делала Люба, в самые его зрачки. – И обязательно держитесь Андрея Ефимовича, тогда у вас будет все хорошо, – добавила она в назидательном тоне.

– А как быть с министрами? – задумчиво произнес Эди, пытаясь вернуть ее к разговору о новом знакомом Моисеенко. При этом у него мелькнула мысль о том, что Анна Ильинична – не просто жена резидента, но и выполняет другие специфические функции. Об этом необходимо предупредить Елену, иначе она может угодить на ее психологический крючок.

– Я поняла, Эди, думаю в Чечню нам лучше ехать с вами, чем с человеком, которого Андрей только что узнал, – улыбнулась Анна Ильинична, продолжая впиваться в его зрачки.

– Ваша логика безупречна, Анна Ильинична, но решение за Андреем Ефимовичем, – заметил Эди, спокойно восприняв ее взгляд.

– На том и будем держаться, дорогой Эди, – нежно промолвила она и подарила ему игристую улыбку, которая совпала с последними нотами танго.

Через минуту они вернулись к фонтанчику, а ушедшим в глубину зала Моисеенко и Елене пришлось это делать, обходя столы. Когда те уже почти добрались до места, один, сидящий за соседним столом разгоряченный спиртным молодой человек, неожиданно схватил проходящую мимо Елену за руку и попытался усадить к себе на колени, крикнув при этом: «Тебе что, парней не хватает, что со стариком связалась?».

Елена сначала бросила растерянный взгляд на Эди, который уже рванулся к ней, а потом резко ударила своего обидчика в горло ребром ладони свободной руки. После чего тот, схватившись обеими руками за ушибленное место, рухнул со стула под общий хохот наблюдавших эту картину отдыхающих. Эди ничего не оставалось, как взять Елену под руку и привести к своему столу. Моисеенко же, обескураженный случившимся, молча последовал за ними.

Возмутителя спокойствия через минуту скрутили и увели стремительно вбежавшие в зал два милиционера.

– Елена, вы просто молодец, такая миниатюрная и так ударили, что хулиган сразу шмякнулся под стол, – восхищенно бросила Анна Ильинична. – Но как вы сумели?

– Я увидела лицо разъяренного Эди и потому ударила, а то он убил бы его, – нервно хихикнула Елена.

– Надо же, я и моргнуть глазом не успел, как она уложила его, – удивленно заметил резидент. – Где вы этому научились?

– Папа научил, а сейчас Эди учит, – смущенно ответила Елена.

– Молодец, ну просто молодец, – отреагировал Моисеенко, – это надо же, такого бугая с одного раза. Дорогой Эди, прошу, продолжайте учить ее вашему искусству.

– Обязательно, но сейчас прошу извинить, как-то неудобно получилось, – сказал Эди, глянув на своих гостей.

– Ой, что вы говорите, наоборот, это так забавно, не извиняйтесь, не надо. Если верить рассказам мужа и словам Леночки, очень хорошо, что вы не успели до него добраться, а то могли быть разборки, сейчас же все в шутку обернулось, – воскликнула Анна Ильинична, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Тем временем к столу подошла метрдотель и, мило улыбаясь, поинтересовалась, будет ли Елена писать заявление на хулигана, и, получив отрицательный ответ, довольная таким исходом, ушла.

– Чему она радуется? – удивилась Елена.

– Тому, деточка, что за рестораном не будет числиться факт хулиганства, – со знанием дела разъяснил Моисеенко.

Через некоторое время Анна Ильинична и Елена, сославшись на необходимость посетить туалетную комнату, направились к выходу. Моисеенко, сопроводив их непродолжительным взглядом, произнес:

– Скажу откровенно, я никак не ожидал, что в ней столько сил и смелости. Вижу, вы действительно работаете с ней.

– Кое-каким приемам обучаю, но Елена лично много времени уделяет своей физической подготовке. Раньше ее тренировал отец, я лишь подправляю технику боя на один-два шага, – пояснил Эди, мысленно отругав себя, что не нашел возможности предупредить Лену, чтобы она остерегалась жены Моисеенко.

– Это чувствуется, – хихикнул Моисеенко, а затем, будто это только что осенило его, спросил: – Дорогой Эди, а не находите, что ее можно бы на работу куда-нибудь пристроить?

– Она же учится?

– Что касается учебы, то можно перейти в заочницы, насчет работы я могу у себя пристроить, она же два языка знает.

– Это надо с ней переговорить, – с сомнением в голосе заметил Эди.

– Давайте предложим, может, согласится?

– По-моему, это хороший вариант, к тому же она была бы под вашим присмотром, – поддержал его Эди, подумав при этом, что все складывается так, что Елена сможет изучать ситуацию вокруг резидента, находясь в непосредственном общении с ним. Сможет, конечно, если будет соответствующим образом подготовлена. Поэтому надо предусмотреть в минской программе ее обучения специальный раздел, охватывающий данную специфику.

– Тогда так и будем действовать, – изобразив на лице заговорщическую мину, заключил Моисеенко, а потом после непродолжительной паузы, неожиданно поменяв тему, спросил: – Билеты удалось выкупить?

– Удалось.

– Вагон наверняка купейный, ведь не станете же с такой девушкой ехать в плацкартном или общем, – пошутил Моисеенко и тут же попросил назвать номер, чтобы при необходимости передать им что-нибудь в дорогу.

Эди, не раздумывая, назвал номер вагона, будучи уверенным в том, что он понадобится резиденту для подселения в него своих людей.

После этого резидент, демонстративно бросив взгляд на вход в зал, продолжил:

– Давайте, пока есть время, поговорим о вашей поездке.

– Давайте, – согласился Эди, вопросительно уставившись в лицо резидента.

– Конечно, мы почти обо всем переговорили вчера, но кое-что надо уточнить с учетом того, что вы были несколько не здоровы. Так вот, я сказал о возможных письмах и посылках для Саши и Олега. Такие письма мной написаны, и они в незапечатанном виде с частью обещанных денег будут переданы вам завтра вечером Марком.

– Почему с частью? – спросил Эди.

– Можно бы и все, но их вам надо будет где-то хранить и оберегать, да и, не дай бог, если придется кому-нибудь объяснять, откуда они взялись и тому подобное, – разъяснил Моисеенко. – Поэтому лучше будет частями и по мере возникновения необходимости.

– Вижу, я погорячился, – усмехнулся Эди.

– Не волнуйтесь, когда понадобятся, по первому же звонку они будут доставлены, куда скажете.

– Понял, это как в прошлый раз, – заметил Эди и тут же продолжил, подумав о том, что было бы очень кстати заполнить корреспонденцию резидента своим агентам до встречи с

Иванковым: – Письма и деньги лучше с утра, пока буду один, а то приедет Елена и все закрутится...

– С утра вряд ли получится, мы едем в Тулу для изучения экспонатов на выставку, хотя ваши слова о Леночке заставили меня призадуматься, – произнес резидент, а затем, после секундной паузы, добавил: – В общем, я еще подумаю над вашим предложением и дам знать.

– Вам виднее, я это предложил, чтобы Елена ничего не усекала, мне бы этого не хотелось, она такая любопытная, что... – начал пояснять Эди, чтобы продемонстрировать, что усилия Моисеенко и его жены по вбиванию клина между ними дали свои плоды.

– Дорогой Эди, вы молодчина, – ощерился Моисеенко. – Конечно, ей не надо показывать ни писем, ни денег. Пусть это будет тайной, если потом Саша захочет, то сам объяснит ей, что к чему. Но очень рассчитываю на то, что Юра сможет помочь вручить письма адресатам в первые дни вашего пребывания в Минске. Посылки же принесут вам прямо в гостиницу. Я решил не загружать вас на дорогу ношей для эков, так как их можно спокойно скомплектовать на месте. Да, чуть не забыл насчет гостиницы сказать, рекомендую остановиться в прежней, вы знаете тамошних администраторов и уверен, что и они вас запомнили. Вот для начала это все, – заключил резидент и вопросительно посмотрел на Эди, давая тем самым понять, что ожидает с его стороны возможных вопросов.

– Андрей Ефимович, от незнакомого человека посылки брать я не стану, а вдруг по незнанию он положит в них запрещенные для передачи экам продукты и вещи. Их администрация запросто обнаружит, и тогда мне светит как минимум обезьянник, чего я допустить не могу, – сухо заметил Эди.

– Ой, этого только не хватало, – притворно рассмеялся Моисеенко, – хорошо, что предупредили, я же в таких делах полный профан. – Затем, после непродолжительной задумчивой паузы, спросил: – А Юра не сможет обойти эти препоны?

– Возможно, и сможет, но в передачах однозначно не должно быть наркоты и оружия, так как их сразу обнаружат легавые.

– Кто-о, не понял?

– Специально натасканные собаки.

– А если деньги?

– Зачем их в передачи совать, когда можно через Юру или меня отдать? – удивился Эди.

– Все понял, я подумаю, кого из известных вам людей в гостиницу прислать.

– И еще, Андрей Ефимович, прошу не превращать в детективный роман передачу мне писем и денег, а то в прошлый раз Марк так закрутил ситуацию своими выкрутасами, мол, давай попьем кофе то там, то здесь, вместо того чтобы прийти в номер. Из-за этого я не успел потренироваться перед дорогой...

– Ох, этот Марк, ему только поручи что-нибудь, так он нафантазирует черт-те что. Так и быть, я ему в этот раз накручу хвоста, и он примчится к вам без всяких там кафе.

– Андрей Ефимович, вы, ради бога, не обидьте Марка, он хороший парень, – улыбнулся Эди и, наполнив рюмки водкой, предложил выпить за его здоровье.

– Мне нравится, что вы беспокоитесь о нашем товарище, – высокопарно заметил Моисеенко и осушил рюмку. Затем, отпив из стоящего рядом бокала чуточку минеральной, продолжил: – Дорогой Эди, прошу иметь в виду, что я очень рассчитываю на то, что вы сможете также исполнить мои просьбы в отношении друзей Юры, и я смогу вас за это достойно отблагодарить.

– Можете быть уверены, я постараюсь все сделать, чтобы достичь нужного результата, – успокоил его Эди, а затем, усмехнувшись, добавил: – И, конечно, получить наш с Юрой гонорар для научной деятельности.

– Это хороший ответ, – воскликнул резидент, затем, вновь выпив минералки, продолжил: – Эди, допускаю, что Саша или даже Олег, бог с ним, не будем обижать и без того обиженного жизнью, захотят передать мне какие-нибудь записки, то просьба сохранить их и при-

везти в Москву. У Саши к тому же еще могут возникнуть просьбы к вам встретиться с кем-нибудь из его минских знакомых и что-нибудь передать им или, наоборот, забрать, прошу вас, не посчитайте это за труд, помогите, потом, как говорится, сочтемся.

– Письма туда-сюда возить мне не в новинку, да и встреч по поводу Александра было тоже немало. Так что не волнуйтесь, сделаю, как надо, – заметил, усмехнувшись, Эди, – тем более, если позже сочтемся.

– Да, чуть не забыл, скажите, вы с Юрой созванивались?

– Нет, сегодня или завтра позвоню.

– Так вот передайте ему от меня приветы и то, что буду рад его увидеть в Москве.

– Хорошо, обрадую его, что такой высокого уровня человек желает с ним подружиться, – обещал Эди.

– Дорогой Эди, вы уж извините, что все в кучу валю, но это от того, что пытаюсь как можно полнее высказаться по волнующим меня вопросам, пока наши девушки не вернулись, – развел руки в стороны Моисеенко. – Мне тут неожиданно вспомнилось, что вы подружились с братом Юры из Питера. Не посчитайте за труд, спросите о нем у Юры, мол, где точно работает, действительно ли является инженером, в какие города ездит по служебным делам, ну всякое другое, что обычно спрашивают, когда хотят поближе узнать человека, а вдруг все это да пригодится. Понимаете, я же формирую делегации на различные международные ярмарки, поэтому моя цель иметь под рукой как можно больше кандидатур. Но только не говорите Юре, и тем более его брату, если он вдруг там окажется, что это по моей просьбе, а то будет неудобно, если кандидатура по каким-нибудь причинам не подойдет. Такие случаи бывали, и люди обижались, даже письма в ЦК писали. Мне бы этого очень не хотелось.

– Нет проблем, узнаю, у меня к нему, как уже говорил, есть свой интерес на случай, если поеду в Ленинград для работы в архивах, – с готовностью согласился Эди, но сам при этом подумал: «Скорее всего, Моисеенко не удалось поспрашивать у министра обо мне, иначе вряд ли так подробно инструктировал. Может, все-таки, сославшись на слова его жены, напрямую спросить о министре, мол, кто он, что сразу в гости зовет? Это вполне объяснимо, ведь я, не придерживающийся всяких там условностей провинциал, могу даже из простого любопытства спросить о своем земляке. Или сделать вид, что остался доволен объяснением Анны Ильиничны, а она наверняка ему расскажет о состоявшемся между нами разговоре, и не затрагивать эту тему, а, как задумано, установить министра и провести с ним необходимый разговор? Ладно, так и быть, пока повременю, а там посмотрим, как поступить», – решил он до того, как Моисеенко воодушевленно произнес:

– Прекрасно, это хорошо, что наши интересы совпали. Буду надеяться, что в таком же ключе мы продолжим наши отношения, когда вернетесь из Минска. Знайте, у меня будут для вас интересные предложения.

– Только не в ущерб науке, – пошутил Эди, наблюдая за тем, как к столу возвращаются, продолжая о чем-то говорить, Анна Ильинична и Елена.

– Принимается, – в тон ему заметил Моисеенко, а затем встал навстречу жене и помог ей сесть. То же самое сделал и Эди для Елены, не забыв при этом внимательно взглянуть в самые зрачки своей спутницы. Она, конечно, поняла этот взгляд и улыбнулась ему одними глазами, мол, все нормально.

Как только женщины расселись по своим местам, официант подал десерт и чай. После этого продолжились застольные разговоры, которые носили общий характер. При этом, правда, не забыли добрым словом отметить музыкантов и заботливого официанта, качество блюд. Моисеенко особо подчеркнул, что всем повезло находиться рядом с неустанно журчащим фонтанчиком. Анна Ильинична вспомнила о происшедшем инциденте и попросила Елену показать ей некоторые приемы каратэ. Для этого пригласила ее приехать к ней в гости, как только она вернется из Белоруссии.

Глава X

Скоро званый ужин завершился, и сотрапезники, поблагодарив официанта и метрдотеля, вышли в фойе, где, пожелав друг другу удачи, распрощались.

Моисеенки уехали в ожидавшем их автомобиле, а Эди и Елена погуляли непродолжительное время по проспекту и пришли в холл гостиницы, где по предложению Эди сели в дальнем его углу на диван. Со стороны могло показаться, что молодые люди решили уединиться и поговорить о вечном.

– Во время танца мне показалось, что Анна Ильинична не просто жена нашего общего знакомого и, более того, обладает способностью психологически воздействовать на собеседника. Вы не почувствовали этого? – с озабоченностью в голосе спросил Эди.

– Еще как почувствовала, но не волнуйтесь, я ничего лишнего не сказала, – заверила Елена. Затем, взяв Эди за руки, продолжила: – Анна Ильинична действительно опасная женщина: понимаете, в самом начале разговора она словно кольнула в мои зрачки чем-то невидимым, и меня чуть не затрясло. Но я собрала волю в кулак и прогнала страх прочь, и все стало на свои места. После этого Анна Ильинична не раз пыталась повторить свой номер с острыми взглядами, и ничего не происходило. В один из таких моментов она даже закурила, и давай как ни в чем не бывало пускать мне дым в лицо. Но, сославшись на то, что не переношу сигаретный дым, я вышла в фойе. Она, тут же бросив непотушенную сигарету в урну, устремилась за мной и давай сыпать комплименты о том, какая я красивая, умная, сильная и потому обязательно должна быть счастливой. Я, конечно, не возражала, все-таки приятно было услышать о себе такое.

– Под этими словами я готов хоть сейчас подписаться, – нежно сказал Эди.

– Спасибо, – улыбнулась она и уже спокойнее продолжила: – Если бы не знала, кто ее муж, я готова была поверить ей, тем более она говорила о нормальных вещах. Но я терпеливо ждала, поскольку поняла, что эта напыщенная дама выполняет задание Андрея Ефимовича.

– Елена, по всему, они одного поля ягоды, и поэтому с ними надо быть максимально осторожными.

– Я в этом убедилась, когда Анна Ильинична завела пластинку о том, что муж, мол, хочет помочь мне устроиться на работу к себе, а позже, когда папа выйдет из тюрьмы, и уехать жить в Европу.

– Так и сказала – в Европу?

– Да не раз повторяла, оглядываясь по сторонам, чтобы никто из находящихся в фойе людей не слышал.

– Вы как-то отреагировали на это?

– Конечно, сказала, что за папой последую хоть куда. А что, нужно было что-то другое сказать?

– Нет, Леночка, вы все сделали правильно, пожалуйста, продолжайте.

– И даже если это вам не понравится? – усмехнулась она.

– Говорите, я догадываюсь, о чем может идти речь, – заметил Эди. – Она и мне говорила гадости о вас, чтобы зародить недоверие.

– Вы правы, сославшись на женскую солидарность, она поведала о том, что у вас есть другая женщина, с которой весело проводите время, что вы обо мне высказывались нелестно, что она сможет позже дать послушать какую-то запись, показать ваше совместное фото с этой женщиной. Хотя я и знаю, для чего все это делается, но все-таки неприятно было.

– Надеюсь, вы своей реакцией не обманули ее ожидания?

– Нет, конечно, сказала то же, что и ее мужу, после чего она обещала сообщать мне по секрету о вас все, что ей станет известно.

– Взамен ничего не просила?

– Не просила, а рекомендовала быть с вами рядом на всех встречах, чтобы потом информировать папу о деталях ваших разговоров с минскими знакомыми. При этом советовала обязательно понравиться этим знакомым, так как их расположение может понадобиться для решения важных для папы вопросов, если вы по другим делам будете заняты.

– Знаете, Елена, хорошо, что они держат нас за простаков и не знают, кем на самом деле является ваш отец, – произнес Эди и прижал ее руки к своим губам.

– Эди, оказывается, мы в одно время об одном и том же подумали, как говорят, это к хорошему... – буквально вспыхнула Елена и поцеловала его.

– Нам пора, а то наши добродетели могут позвонить, да мне с коллегой необходимо коротко пообщаться, – сказал Эди, заметивший, как в холл вошел Минайков и, не задерживаясь, направился к лифтам, бросив мимолетный взгляд в их сторону.

– Володя к нам идет? – спросила Елена.

– Нет, мы увидимся в другом месте, а вы меня прикроете, если будут звонить в номер, – ответил Эди, мысленно похвалив ее за наблюдательность.

– Ну что, идем?

– Подождем, пока он уедет.

Через десять минут Эди, проводив Елену, отправился в явочный номер, где его уже ждал Минайков.

– Удивительно, но наблюдения за тобой не выявлено, – произнес он, как только Эди закрыл за собой дверь.

– И внутри?

– Всех новых жильцов пробили и выявили одного живчика этажом ниже. Он задарил цветами и подарочками вашу этажную, отчего возникает вопрос...

– Может быть, ее шиньон понравился? – прервал его Эди, улыбнувшись.

– Это не она, а ее сменщица, но такая же, не знаю, где руководители гостиницы таких веселых женщин находят, – усмехнулся Володя.

– Задарил и что дальше? – спросил Эди, проходя к столу с телефоном закрытой связи.

– Ничего, просто через нашего подкрышника поменяли на неподкупную девушку, а живчика взяли в проработку.

– Надеюсь, не только одну ее поменяли? – спросил Эди.

– Обижаешь, товарищ подполковник, заодно с тремя ей подобными. Понимаешь, в это перестроечное время администрация активно борется с фактами коррупции и мздоимства, – пошутил Володя.

– Понял, – поддержал его улыбкой Эди и, сделав ему знак рукой, мол, извини, набрал номер Маликова.

– Слушаю, – донесся усталый голос генерала.

– Товарищ генерал... – начал Эди.

– Наконец-то, а что долго в холле-то? – прервал его Маликов.

– Опрашивал Елену, она общалась с женой резидента, – пояснил Эди, отметивший для себя, что тот отчего-то замкнул на себя все доклады по разработке Иуды.

– Никакая она не жена, а настоящая мегера, Минайкова поспрашивай, он расскажет, что к чему. Девчонку держи от нее пока подальше, а то задавит психически.

– Она уже пыталась гипнотизировать, не получилось.

– Значит не было подходящей обстановки. Кстати, на тебе пробовала свои чары? – усмехнулся Маликов.

– Пробовала, даже почувствовал щекотание в мозгах, но не более того, – ответил ему в тон Эди.

– С тобой все понятно, но девочку необходимо срочно научить противостоять ее воздействию. Кстати, у Тарасова имеются прекрасные специалисты по этой части, пусть они проведут с ней спецкурс.

– Будет сделано, – сказал Эди.

– Хорошо, давай сейчас о том, чего они хотели.

Эди рассказал Маликову о своих и Елены разговорах с резидентом и, как сказал генерал, мегерой. При этом не стал говорить о министре из Грозного, так как почувствовал, что генерал, в котором в последнее время при общении с подчиненными периодически прорывались наружу эмоции, может не дать ему полностью высказаться, акцентировав внимание на самом факте. И ему соответственно придется отписываться, а так его сообщение наверняка запишут технари и позже переведут на бумагу.

– Застольный разговор с резидентом технарям удалось записать, а вот твои танцевальные откровения с этой мамзель, как понимаешь, – нет. Поэтому важно не упустить ничего такого, что потом пригодится в дальнейшей работе...

– Один такой момент, товарищ генерал, я оставил напоследок, для детального доклада, – быстро произнес Эди, воспользовавшись тем, что генерал сделал еле заметную паузу после продолжительной фразы.

– И что за момент? – сухо спросил он, явно недовольный, что подполковник не дождался изложения им своей мысли.

– Это о новом знакомом резидента из Грозного...

– Как о новом знакомом, откуда он взялся? – резко спросил Маликов.

– Со слов жены, он министр, его имя Али и Моисеенко хочет включить его в советскую делегацию на Дамасскую ярмарку, – ответил Эди, а затем уже спокойно рассказал о том, как с ним поделилась этой информацией Анна Ильинична.

– Чего ни с этого начал, остальное могло и подождать, – неожиданно раскашлялся Маликов.

– Минайков в курсе и уже ставит задачу своим ребятам, – пояснил Эди, улыбнувшись Володе, который, дослушав его рассказ о министре, тут же вскочил и направился в гостиную. – Но, как я понял, резидент еще не интересовался у него мною, иначе такого подробного инструктажа не было бы, да и мегера не проявила никаких признаков.

– От них не дождешься, они профи высокой пробы, – подчеркнул Маликов.

– Моя логика проста: знай правду, они не пришли бы на ужин из соображений собственной безопасности, но придя, не смогли бы на все сто скрыть разочарования от такого проигрыша, а я – не уловить своей обнаженной раной самое ничтожное дуновение ветерка недоверия с их стороны, – рассудил Эди.

– Согласен, после такого удара улыбаться не станешь, – неожиданно пошутил Маликов. – Но с министром надо срочно разобраться. Сделайте это вместе с Минайковым и завтра утром доложите. Кстати, ты знаешь, где останавливаются в Москве ваши министры?

– В основном в гостиницах «Россия» и «Москва».

– Вот и хорошо, подскажи Минайкову.

– Будет сделано сразу после этого доклада, товарищ генерал.

– После доклада, после доклада, – задумчиво промолвил в трубку генерал, а затем в сердцах произнес: – Вот беда с твоей легендой, действительно обнаженная рана. Придется максимально активизироваться, иначе все накроется... – не договорил и тут же, собравшись, продолжил: – Ничего, разберемся, завтра, скорее всего сразу после обеда, нас примет Иванов. Он будет решать, так что еще раз прокрути в голове все моменты. Главное, как в прошлый раз, изложи их в тезисном порядке, ему это понравилось, потом не раз вспоминал.

– Будет сделано, товарищ генерал.

– Хорошо, а сейчас с Минайковым возьмитесь за министра. Вам все понятно?

– Так точно, утром доклад по министру, – бодро произнес Эди, глядя на то, как в комнату вошел Минайков.

– Да, чуть не забыл, повтори-ка, что там резидент говорил о трудоустройстве нашей девочки? – спросил Маликов.

– Предложил поговорить с ней о переходе в заочницы и устройстве на работу у него. При этом намекал на то, что она владеет двумя языками.

– Но как она сама на это смотрит?

– Пока не знаю.

– Думаю, в данном случае наши интересы совпадают с предложением резидента. Не так ли?

– Так, но есть известная опасность.

– Знаю, нужно за то время, что будете в Минске, тщательно поработать с ней, чтобы исключить провал. Вы поняли меня?

– Понял, товарищ генерал, – отчеканил Эди.

– Об остальном поговорим утром после анализа сводки и твоего рассказа об откровениях мегеры, а с дочерью Иуды все-таки потолкуй о предложении Моисеенко.

– Есть, переговорю.

– Ну, бывай, если что, найду через Любовь Александровну, – произнес Маликов и вслед за этим в трубке послышались короткие гудки.

Эди мысленно промолвил, «спасибо, буду» и вернул трубку на аппарат.

– Лихо ты меня, – сказал Володя, подходя к столу.

– А ты хотел, чтобы я иначе сказал? – улыбнулся Эди.

– Я в смысле реакции.

– С реакцией у нас нормально, – шутливо заметил Эди. – Будет еще лучше, если удастся найти этого министра и проинструктировать, что и как говорить, если Моисеенко станет наводить справки.

– Подкрышник уже устанавливает его в гостиницах, как только будет результат – даст знать, и я лично вытащу его из-под одеяла, – промолвил Володя.

– Ты с ним аккуратнее, а то мне возвращаться в республику, – пошутил Эди.

– Привет от тебя передать?

– Не надо, сделай так, будто я не знаю об этой ситуации, чтобы исключить возможные в последующем вопросы.

– Хорошо, так и сделаю, – сказал Минайков, после чего они поговорили о некоторых вопросах, которые касались сопровождения Эди и Елены в поезде, встрече в Минске, деталей разработки Моисеенко и его связей в Москве. Спустя некоторое время Эди, помня о привычке резидента звонить в номер, произнес:

– Володя, мне нужно возвращаться, а то моисеенки начнут волноваться.

– Я думал, чайком побалуемся, кажется, Люба уже заварила, – неуверенно предложил Володя.

– Она здесь?

– Да, нужно же кому-то проводить тебя, а то, не дай бог, живчик будет ждать на этаже, затаившись за каким-нибудь кактусом в кадучке, – пошутил Володя.

– Тогда пошли в гостиную.

Но не успели они присесть за стол, как раздался звонок.

– Это вас, – сказала Люба и протянула Минайкову трубку.

Секунды спустя он произнес в нее:

– Миша, я трубку передам Эди.

– Здравствуйте, – услышал Эди.

– Здравствуйте. Говорите, что у вас?

– Министр из Грозного по имени Али установлен проживающим в гостинице «Москва». Его фамилия Асланов. Сейчас в своем номере отмечает с приятелями какое-то событие.

– Не наши ли друзья с ним отдыхают? Вы в курсе, о ком я?

– В курсе, но там их четверо и еще двое вроде должны подойти.

– Будем надеяться, что моисеенок с ними нет, – произнес Володя.

– А если допустить, что эти двое как раз мои сегодняшние гости?

– Сейчас выясняем, на кого заказаны пропуска, – пояснил Миша.

– А вы знаете телефон Асланова? – спросил Эди, чувствуя, как меж лопаток у него пробежал холодок.

– Знаю.

– Диктуйте, – попросил Эди, предварительно подтянув к себе лежавшие возле телефонного аппарата блокнот и ручку.

Записав номер, он поблагодарил Михаила и уже под аккомпанемент доносящихся из трубки коротких гудков, взволнованно произнес:

– Володя, шкуркой чувствую, что надо срочно менять схему действий по министру, а времени на получение согласия шефа нет.

– Может, все-таки попробовать?

– Одна пробовала – двоих родила. Ты же понимаешь, что пока я буду объяснять, а он реагировать, что и как, да еще думать – время уйдет. Нет уж, при таком раскладе будем действовать на свой страх и риск по новой схеме, – твердо произнес Эди и сразу набрал телефон Асланова.

– Алло, вас внимательно слушают, – послышался знакомый Эди с хрипотцой голос министра.

– Ассалам аллеюкум, Али, – произнес он, несказанно обрадовавшись тому, что застал того на месте.

– Ва аллеюкум ссалам, хЮ мила ву?¹³ – ответил тот и, прикрыв ладонью микрофон, попросил кого-то не шуметь, мол, ничего не слышно.

Эди назвал себя и тут же попросил:

– Али, просьба не называть меня по имени, а в чем дело, сейчас объясню.

– Хорошо, слушаю тебя.

– Тут одна серьезная ситуация по линии моей работы сложилась. Суть ее в том, что один из твоих новых знакомых может спросить, кто я и чем занимаюсь. В этой связи просьба, не говори ему, где я работаю. Если он и на самом деле спросит, скажи, мол, знаю как спортсмена и историка, никому не мешает, собирает материал о чеченцах – участниках войны. Попозже, когда твои гости уйдут, к тебе придет мой московский коллега, его зовут Володей, и расскажет тебе, что к чему.

– Я понял, дорогой. . . э-э, так и сделаю. Хорошо, что позвонил, а то с минуты на минуту. . .

– Дальше не говори, а только отвечай, – прервал его Эди, чтобы тот ничего лишнего не сказал при своих гостях.

– Хорошо, – согласился он.

– С тобой никого из наших земляков нет?

– Нет.

– И не приехал?

– Нет.

– К тебе идет человек из Росвнешторга?

– Да, вместе с женой.

– А чего так поздно?

¹³ ХЮ мила ву? (чеч.) – Кто ты?

- Сам удивлен, можно бы и днем, но почему-то час назад напросился.
- Понимаю, только имей в виду, эти двое очень хитрые люди.
- Догадываюсь, если они интересуются тобой. Не беспокойся, все сделаю, как надо, ты же меня знаешь.
- Не сомневаюсь, только прошу, не оставайся с ними наедине, особенно с ней, – промолвил Эди, вспомнив, что она может попытаться его загипнотизировать.
- Не знаю, что к чему, но я сделаю, как ты говоришь: у меня в гостях коллеги из соседних республик, вот вместе все и повеселимся.
- Прекрасно, а на твой вопрос ответит Володя.
- Ты перезвонишь, чтобы узнать, как все было?
- Расскажи Володе, а мы с тобой потом пообщаемся.
- В ближайшие дни не получится, я завтра улетаю домой.
- Понял, тогда пообщаемся там или здесь, я сам тебя найду.
- Хорошо, что позвонил, я же мог столько им хорошего рассказать, – расхохотался Али.
- Прибереги на мой день рождения, не забудь.
- Не забуду, ты меня знаешь.
- В общем, мы поняли друг друга, дорогой министр, занимайся своими друзьями, я откланиваюсь.
- Давай, до встречи, – сказал Али, и вслед за этим послышались короткие гудки.
- Положив трубку на аппарат, Эди расслабленно откинулся на спинку стула.
- Эди, не томи, говори, что там произошло? – просительно промолвил Володя.
- Ничего страшного, просто в эту минуту «мой друг» и его жена идут в номер министра, а для чего они в такой поздний час туда ломятся, не трудно догадаться. Но, слава богу, твои ребята смогли за такое короткое время найти министра, остальное было делом техники.
- Ух, – выдал из себя Володя. – Неужели пронесло и на этот раз? Эди, самый крутой коньяк за мной.
- Ребята, может, кофе? – предложила Люба.
- Спасибо, в другой раз, сейчас нужно к ребятам, а потом и к министру, – обронил Володя, поднимаясь со стула.
- Я позвоню Артему и тоже вернусь к себе, а то моисеенки кинутся искать.
- Артем в отъезде, лучше шефу, – порекомендовал Володя, отчего-то бросив взгляд на Любу.
- Думаешь, он на месте? – спросил Эди.
- Даже не сомневаюсь, в последнее время большие генералы днюют и ночуют на Лубянке и очень сердиты, лучше не попадаться им на глаза.
- С чего бы? – спросил Эди, которого постоянно мучил вопрос, почему так изменился Маликов.
- Это связано с политикой и тому подобным, разумнее будет не касаться этой темы.
- В таком случае, наверно, небезопасно беспокоить шефа в столь поздний час? – вопрошительно произнес Эди.
- Мне представляется, тебя это не должно волновать, шеф-то знает, как к тебе относится Иванков, – многозначительно сказал Володя, опять бросив взгляд на Любу.
- В таком случае пошли и доложимся, – сказал Эди, направляясь в комнату совещаний, решив при этом позже спросить у Любы, что означают эти повторяющиеся взгляды Володи на нее.
- Пойдем, – с готовностью согласился тот и двинулся за ним.
- Маликов ответил лишь на седьмой гудок.
- Слушаю вас, – пробасил он.
- Товарищ генерал... – начал Эди.

– А-а, это ты, очень надеюсь, что у тебя все нормально? – с волнением в голосе спросил генерал.

– Теперь нормально, а несколько минут назад было тяжело, так как выяснилось, что резидент со своей дамой отправились в гости к министру...

– То есть вы установили министра и ждали штиля на море, чтобы навестить его при ясной погоде, а в это время шпионы спокойно пошли валить твою легенду. Так я понимаю? – сердито бросил в трубку Маликов.

– Нет, не так, товарищ генерал, позвольте закончить доклад по существу, и тогда такие вопросы будут не нужны, – сухо ответил Эди.

– Ты сначала ответь, вы опередили шпионов? – спросил Маликов, которому, по всему, не понравился тон ответа подполковника.

– Я переговорил с министром и проинструктировал, что необходимо сказать его гостям, если станут наводить справки обо мне.

– Вот так бы с самого начала, а остальное можно бы и вдогонку, – менторски произнес генерал. – И где он остановился?

– В гостинице «Москва».

– Ну и что далее?

– По результатам их общения Минайков опросит и проинструктирует министра.

– Я о том, как он отнесся к твоему звонку? – нетерпеливо спросил генерал.

– Нормально, мы давно знакомы.

– Не сдаст?

– У меня нет оснований ему не доверять, – удивился Эди.

– Выходит, ты ручаешься за него?

– Я говорю, что у меня нет оснований ему не доверять.

– Значит, не ручаешься.

– Товарищ генерал, а почему я должен ручаться? – осторожно, чтобы не нервировать его, спросил Эди.

– А потому, что ты практически сообщил ему о том, что Моисеенко шпион, – усмехнулся Маликов.

– Я лишь попросил, чтобы он не сообщал Моисеенко о моей работе.

– А почему ты не согласовал со мной изменение схемы действий?

– Потому что время не терпело, я только на минуту опередил резидента.

– Выходит, твой анализ оказался неверным, если в нем не была предусмотрена возможность похода резидента к министру сегодня, ведь ты полагал, что у нас есть в запасе ночь, – резко сказал генерал, приписав Эди слова, которые он сам говорил, и более того, переиначив указание, которое прежде давал.

– Наоборот, товарищ генерал, подтвердился, ведь анализ касался лишь того, наводил ли резидент справки обо мне у министра. И действительно, если он уже наводил такую справку, то зачем ему было идти к нему в столь поздний час. К тому же и министр сказал, что тот ранее не задавал ему таких вопросов.

– Может, он с ним заодно, ведь резидент к нему как к себе домой пошел?

– За годы своей работы резидент, как должностное лицо, встречался с сотнями людей, в том числе и на самом верху, так что и их всех смело можно тоже отнести к числу неблагонадежных или к категории «может, они с ним», – почти жестко ответил Эди.

– Так все-таки, ты ручаешься за него или нет? – рассмеялся Маликов.

– У меня нет оснований не доверять ему, если такие основания или сомнения имеются у вас, поручите взять у него расписку о неразглашении, которая предусмотрена нашими инструкциями.

– Может быть, вы это сделаете?

– Я по рангу не подхожу для этой миссии, он, кроме того, является еще членом обкома партии. Надо послать к нему с таким разговором начальника высокого уровня, например Бузуритова.

– Охо, ты опять ткнул пальцем в старую рану, – холодно рассмеялся Маликов, а затем, глубоко вдохнув, продолжил: – Ну ладно, повеселил ты меня, надо же, ни в чем не уступил заслуженному генералу, что за подполковники пошли, что не могут в угоду старшему начальнику поменять позицию по обычному делу.

– Извините, товарищ генерал, я не могу согласиться с тем, что подвергает сомнению мой профессионализм, достоинство и честь.

– И правильно делаешь, – тепло сказал Маликов. – Извини, что заставил понервничать. Хотел еще раз убедиться, что у нас есть офицеры, умеющие постоять за себя даже под давлением начглавка, а то до твоего звонка пришлось целый час слушать одну улитку в человеческом обличье и лампасах. Понимаешь, ни совести, ни чести, ни достоинства, гнется, словно беспозвоночное существо. Оказывается, сейчас, в наше нескучное перестроечное время, это гибкостью и толерантностью называется. Вот и думаем мы тут с одним нашим руководителем, как бы с такими конформистами не пришлось бурю пожинать. Ты меня понял, подполковник?

– Понял, товарищ генерал, – без особого энтузиазма ответил Эди, а сам в этот момент подумал: «Как же я с самого начала не почувствовал, что тот несколько взбудоражен и категоричен в оценках, будто мир видит через прицел автомата. Видно, они с тем руководителем на пару изрядно подняли тонус перед отъездом домой, а я не ко времени позвонил и попался под раздачу».

– Да, вот еще что, Эди, ты напрасно мозги не напрягай, ища ответы на мои вопросы, а то я тебя знаю, – буркнул генерал, будто услышал ворошение его мыслей. – За проявленную самостоятельность и находчивость хвалю. Анализ твой действительно был безукоризнен и, главное, подтвердился полностью. И информация от мегеры о министре оказалась как нельзя кстати. Представь себе, что мы не узнали бы своевременно о знакомстве резидента с твоим земляком... Ну и каковы ощущения у тебя после этого, а-а?

– Озноб бьет, товарищ генерал, – подыграл ему Эди.

– То-то и оно, так что не забудь ей при удобном случае спасибо сказать, а уж лучше задери юбку, она это любит, – хохотнул Маликов.

– Не забуду, обязательно скажу, – заметил Эди, не отреагировав на его слова о юбке.

– Если тебе больше нечего сказать, будем заканчивать наше телефонное совещание. Пусть Минайков идет к министру и переговорит с ним. Расписку о неразглашении от него я сам получу, а то ты действительно можешь посоветовать Иванкову направить к нему Бузуритова, который прочтет ему лекцию о политической бдительности. Ты меня понял, ха-ха-ха?

– Понял, товарищ генерал.

– Ну, тогда бывай, – обронил Маликов и вслед за этим послышались гудки, после чего Эди медленно, все еще находясь под впечатлением непростого разговора с начальником главка, опустил трубку на аппарат оперативной связи... Он так и не понял, в каком случае Маликов был откровенен, когда шутил или прессинговал. В одном у него не было сомнений, что их разговор записывался, чтобы при необходимости генерал мог сказать, мол, я же говорил, я же предупреждал. Но неожиданно мелькнула мысль: «Может, я зря грешу против него?» «Нет, не зря, – вторила ей другая мысль, – вспомни, как он поступил в случае с Бузуритовым». На смену ей примчалась третья: «Как бы то ни было, он профи, который стоит на острие борьбы с противником. И потому ты не должен пытаться быть ему судьей. Может статься, что отвергаемые тобой, провинциалом, его поступки являются обычными для нынешнего лубянского двора. Принимай его таким, каков он есть, и качественно выполняй свою работу, не забывая при этом...»

– В первый раз слышу, чтобы ему так перечили, – удивленно промолвил Володя, прервав тем самым бег мыслей Эди.

– Я не перечил, а высказывал свое мнение – разницу чувствуешь, брат? – устало улыбнулся он.

– Я понял, что он согласовал мой поход к министру?

– Да, но расписку о неразглашении не пытайся брать, это может ему не понравиться.

– Почему?

– Думаю, оскорбится недоверием, ведь он тоже государственный человек.

– И что делать?

– Это сделает Маликов, по крайней мере, обещал.

– Вот и хорошо, как говорится, баба с воза, кобыле очень даже легко, – расхохотался Володя.

Через пять минут, глотнув холодного чая, Володя ушел в гостиницу, а еще через пять Эди и Люба покинули явочный номер...

Елена встретила его вопросом:

– У вас все нормально? Выглядите уставшим.

– Вот сяду в кресло, угощусь вашим кофе и восстановлюсь, – улыбнулся Эди.

– Сейчас приготовлю, но прежде хочу сказать, что где-то с полчаса тому назад звонил Андрей Ефимович и хотел переговорить с вами.

– И что вы ему сказали? – спросил Эди, вспомнив, что не инструктировал ее на такой случай.

– Сказала, что вы принимаете ванну, после чего он, сделав парочку комплиментов по поводу моего геройства в ресторане, передал трубку Анне Ильиничне, и она полоскала мне мозги не одну минуту, но потом неожиданно попрощалась, сказав, что им надо идти на какую-то встречу...

– Не говорила, на какую? – спросил Эди, решив, что резидент звонил перед походом в гости к министру.

– Нет, просто сказала, что надо навестить одного человека, так как завтра он улетает, – пояснила Елена, ставя на стол поднос с чашками кофе.

– Больше не было звонков?

– Был один, но я не стала поднимать трубку, решив, пусть подумают, что тоже пошла в ванную, – рассмеялась Елена.

– Вы поступили в обоих случаях правильно, и это радует, – улыбнулся Эди, так и не прикоснувшись к чашке.

– Эди, вам необходимо отдохнуть, пойдете, я сделаю массаж, и вы поспите, – нежно промолвила она и, взяв за руку, потянула в спальню.

Немало удивленный ее словами, Эди последовал за ней...

Утром, позавтракав бутербродами с чаем, Эди и Елена сходили в магазины, где купили сувениры для своих минских друзей. Но не успели они войти в номер и присесть в кресла, чтобы отдохнуть, как зазвонил телефон.

– Вам какой-то мужчина звонит, – промолвила Елена, протягивая Эди телефонную трубку.

– Алло, – вопросительно произнес Эди.

– Привет, как дела, дружище? – услышал он голос Артема.

– В целом ничего, вот только еще не решил с архивами, – ответил Эди, подумав при этом: «Молодцы ребята, вовремя подсказали Артему о нецелесообразности после головомойки мегеры нервировать Елену появлением в моем окружении неизвестной женщины».

– Могу обрадовать, как и обещал, кое с кем договорился.

– Вот спасибо, но только я вынужден завтра уехать на некоторое время в Минск. Вернусь, и тогда поедем к твоему приятелю. Надеюсь, такой вариант возможен?

– Конечно, возможен, ему-то нет разницы, – пояснил Артем, а затем после короткой паузы, словно невзначай, добавил: – Знаешь, я только что разговаривал с твоей кисонькой, она хочет край тебя видеть.

– Вот спасибо, я не заставлю ждать, – весело заметил Эди, давая понять Артему, что он воспринял его слова как сигнал идти к Любе.

– Желаю удачи, вернешься из Минска, позвони, пойдем в архивы вместе.

– Спасибо, договорились, – сказал Эди и протянул Елене трубку, уже плакающую короткими гудками.

– Вы мне не говорили, что собираетесь в архивы, – заметила она, кладя трубку на аппарат.

– Не было повода, да и времени тоже, – отшутился Эди, а затем, объяснив ей, что ему нужно срочно увидаться с коллегой, встал.

– Надолго и что сказать, если позвонят? – спросила Елена.

– Скажите, что я пошел за шоколадом для самой красивой девушки на свете, – бросил уже на ходу Эди.

Коридор был пустынен и прохладен: длинные, свисающие до самого пола тяжелые занавеси не пропускали внутрь солнечных лучей. Простирающаяся на всю длину коридора красная ковровая дорожка с сине-бело-зелеными, шириной в спичечный коробок продольными полосами по краям скрадывала шум его шагов и не мешала размышлениям о возможной причине столь срочного вызова к связной. Особо стучала в виски мысль, что он вызван в связи с предстоящим докладом Иванкову или, не дай бог, осложнениями с министром, что по логике вещей не должно было быть, конечно, если он не оставался с мегерой наедине... Нет, он не должен был так поступить, я же его предупреждал, поэтому речь все-таки будет идти о встрече с зампредела.

Неожиданно он решил сначала спуститься в буфет и купить шоколад, а затем только подняться к Любе. Сопrotивляться этому решению он не стал, а наоборот, ускорив шаг, направился к лестничному пролету. В этот момент он увидел, как кто-то стоявший там буквально пробежал вниз и скрылся за дверью этажом ниже.

«Вот и начались шпионские страсти», – ухмыльнулся он, поравнявшись с этой дверью и, чуточку приоткрыв ее, глянул в коридор и увидел спину удаляющегося энергичным шагом мужчины небольшого росточка, одетого в темные брюки и светлую рубашку с короткими рукавами.

«Скорее всего, это и есть тот самый живчик, который отслеживал ситуацию в коридоре. Сейчас, наверно, он доложится хозяину, а тот позвонит в номер и спросит меня. Елена ему ответит, что я пошел покупать шоколад, так что решение о покупке шоколада оказалось как нельзя кстати. Теперь только надо спокойно выполнить задуманное и отправиться к Любе. Будет правильно, если живчик сможет зафиксировать мое общение с ней...»

Тем временем Эди дошел до буфета, постояв пару минут в очереди, купил несколько шоколадок и медленно направился к лестнице. Живчика нигде не было видно. Когда же он поднялся на нужный этаж и уже шагнул к двери, ведущей в коридор, заметил на лестничном марше этажом выше стоящих в обнимку девушку и парня.

«Если они не из нашей наружки, то в полку живчика прибыло, – подумал Эди, продолжая путь. – В любом случае это хорошо, особенно если они являются коллегами живчика – зафиксируют мой поход к любовнице, а для этого попрошу Любу даже проводить меня в коридор. Но если нет, то придется намекнуть резиденту о наличии и у меня привычки искать варианты для души, что наверняка воспримется им как свой успех по размежеванию наших с Еленой отношений».

Люба, как всегда, встретила его с улыбкой.

– Проходите, я сейчас соединю вас с Минайковым, – промолвила она, присаживаясь к столу с телефоном.

- Мне всего несколько минут назад звонил Артем, – удивился Эди.
- В то время Володя был у шефа.
- Любонька, не скажете, чем все это объяснить?
- Тем, что решен вопрос о переходе Ковалева на другой, но лампасный участок работы, а на его должность прочат Володю.
- Тогда все логично, давайте соединяйте, – промолвил Эди и сел напротив.
- Убедившись, что говорит с Минайковым, Люба со словами:
- Он рядом, – передала трубку Эди.
- Привет от меня и вашего земляка, действительно серьезным дядькой оказался. Он и его гости выпроводили супругов из номера еле живыми, – отрапортовал Володя.
- Здравствуй, понял, что ты не скоро к нему попал.
- Очень даже не скоро. Зато с удовольствием осушил три рюмки знаменитого «Вайнаха».
- Тебе повезло с коньяком, а мы угощались лишь обычной водкой, – пошутил Эди и тут же спросил: – Скажи, чего о главном молчишь?
- Рвущийся наружу позитив не дает, – рассмеялся Володя.
- Это для любви оставь, – порекомендовал Эди. – Лучше ответь, был ли разговор?
- Был, ты правильно все рассчитал. Наш с утра меня дернул по этому вопросу и, выслушав подробности, тут же позвонил, кому – ты знаешь. Они озаботились не в меру, так что искры сыплются от скрежета зубов. Я подробную бумагу настрочил, и наш с ней пошел наверх.
- Так бы и сказал, а то говоришь о каких-то рюмках, – расслабленно промолвил Эди и прислонился к спинке стула.
- Извини, просто хочется летать, что все обошлось.
- Володя, я тоже хотел бы, но твой «живчик» не дает развиваться радости, он преследует меня.
- Мне уже поведали об этом.
- Уж не те ли, что между этажами влюбленных изображают.
- Возможно, и они, я подскажу им, чтобы блюли моральный кодекс, – пошутил Володя.
- А как со встречей?
- Все остается, как договорились: приеду к тринадцати на своей лайбе и прокачу тебя и твою красавицу с ветерком.
- А если за тобой увяжутся мои приятели?
- Не беспокойся, я лихой водила.
- Не логично будут смотреться эти отрывы.
- А что ты предлагаешь?
- В одной из мертвых зон пересадить нас в машину с затененными стеклами, которая отвезет в нужный адрес. Там я пойду на встречу, а Елена полистает цветные журналы у тебя в кабинете.
- Разве логично такое внезапное исчезновение? – засомневался Володя.
- Понимаешь, моей спутнице перед поездкой в другой город неожиданно захотелось пошептаться с подружкой, живущей поблизости от того самого места, где мы исчезнем. Погостив у нее, поедем по магазинам, купим сувениры, потом – на квартиру.
- Почему именно на квартиру?
- Потому что моей спутнице надо забрать чемодан в дорогу.
- А что, хорошо придумано, – согласился Володя.
- Ну, тогда до встречи, – произнес Эди и положил трубку.
- Люба, не спускавшая с него внимательного взгляда все время, пока он говорил, неожиданно спросила:
- Шоколадки для нее купили?

– Да, для объяснения выхода из номера, – улыбнулся Эди, – но парочку из них, Любонька, я купил для вас.

– Спасибо, приятно все-таки, что не забыли в этой суматохе обо мне.

– Как можно?

– При вашей загруженности-то, – улыбнулась она и без паузы продолжила: – Володя рассказал, что Лена оказалась под психодавлением.

– Да, одна мегера пыталась ее загипнотизировать.

– Я ее знаю, если хотите, научу защищаться.

– Мы завтра уезжаем.

– Можно и сегодня, зачем откладывать на потом, а вдруг пригодится и там, куда едете. Не беспокойтесь, я проведу занятие в вашем и Минайкова присутствии, тем более она его знает.

– Вообще-то хорошая идея, но надо получить добро шефа, а то он поручил провести такой курс в другом месте.

– Поняла, если надумаете, скажите, мне для этого нужен будет один час.

– Договорились, теперь проводите меня в коридор и, перед расставанием обязательно поцелуйте, так надо, – попросил Эди и направился к выходу.

– А если наружка засечет и в сводке отразит? – прошептала Люба, последовав за ним. – Меня же за аморалку накажут.

– Желательно, чтобы это засекли другие, а нашим подскажем через Володю, – в том же тоне ответил Эди и, выйдя в коридор, развернулся к ней.

В следующее мгновение Люба шагнула к нему и, обняв за шею, поцеловала в губы, а затем шепнула на ухо:

– Из лифтовой какой-то тип на нас глядел, а потом скрылся, может, даже уехал на лифте, вроде слышался специфический шум.

– Я тоже слышал. Как он выглядел? – спросил Эди.

– Маленький и в светлой рубашке.

– Спасибо, выручили, – сказал Эди и направился к лестничному пролету. У него не было сомнений в том, что Люба высмотрела того самого живчика.

Через несколько минут он пришел в свой номер и со словами: «Елена, ваш заказ выполнен», – вручил ей шоколад.

Она же, дождавшись когда он закроет дверь, на одном дыхании прошептала:

– После того как вы ушли, звонил Моисеенко и, наградив меня своими слащавыми комплиментами, попросил позвать вас к телефону. Но я ему поведала, как научили, байку о шоколаде, а он давай вовсю смеяться, перемежая смех словами, мол, неужели послушался, ха-ха-ха, неужели взял и просто пошел, ха-ха-ха. Потом, еще продолжая глотать приступы смеха, попросил передать, что будет ждать звонка на работе.

– Вас удивляет, что он смеялся? – спокойно спросил он.

– Ну, конечно, и более того, не пойму, что такого смешного я ему сказала, – заметила она, удивленно посмотрев на улыбающегося Эди.

– Леночка, вы ему доставили большое удовольствие тем, что такого необузданного типа, каковым он видит меня, и кого бы, будь его воля, с удовольствием удавил собственными руками, преспокойно без всяких напрягов отправили за шоколадом, которым вам неожиданно захотелось полакомиться.

– Но вы же сами... – начала она пояснять.

– Вами все сделано правильно, но он, не зная подоплеку вашей байки о шоколаде, как прикрытия моей встречи с коллегой, дал волю своим эмоциям, – пояснил Эди, а затем, сделав короткую паузу, продолжил: – А теперь давайте мы с вами, знающие реальную картину происшедшего, посмеемся над наивностью Андрея Ефимовича.

– Ой, вы все поставили на свои места, и действительно смешон именно он, ха-ха-ха, как смешон, ха-ха-ха, – искренно начала смеяться Елена.

Спустя мгновение рассмеялся и Эди, но не от того, что они перехитрили моисеенок, а видя, как заразительно хохочет эта красивая девушка, еще не знающая до конца, с какой тяжелой и в то же время почетной обязанностью защищать свою родину, ей придется столкнуться в ближайшем будущем.

Через минуту, наблюдая за тем, как Елена готовит кофе, Эди набрал телефон Моисеенко. Трубка через секунды ожила его голосом:

– Алло, я слушаю вас.

– Здравствуйте... – только и успел сказать Эди, как тот, хохотнув, спросил:

– Шоколад купили?

– Купил, сейчас будем наслаждаться, – в тон ему ответил Эди.

– Хотел еще вчера спросить об одном вашем земляке, но вы были заняты, а ждать, когда освободитесь, не было времени, надо было бежать к нему на встречу. Он министр, Асланов Али. Вы знаете его?

– Вспоминаю, что вроде в министерстве пищевой промышленности работает. Виделся с ним раньше, но близко не общался.

– А вот он знает вас и даже весьма хорошо отзывался.

– Интересно, ведь мы с ним по разным коридорам ходим, – пошутил Эди.

– Не понял, плохо слышно? – бросил в трубку резидент.

– В смысле я не пересекаюсь с ним по работе, – пояснил Эди, мысленно ухмыльнувшись тому, что тот не понял очередного привычного для слуха русского человека словосочетания.

– А-а, понял, – произнес Моисеенко. – Так вот, он рассказал, что вы известная в республике личность, ученый и спортсмен. Вот я и подумал, а почему бы мне со своей драгоценной супругой не познакомиться с красотами вашей республики. Как вы на это смотрите?

– С удовольствием смотрю и готов хоть сегодня отправиться в дорогу, об этом же я и Анне Ильиничне говорил. Организую все на высшем уровне, останетесь довольны на всю оставшуюся жизнь.

– Спасибо, я не ожидал иного ответа, но, к сожалению, придется подождать вашего возвращения из Минска.

– Как скажете, Андрей Ефимович.

– Хорошо, будем считать, что договорились, – произнес он и тут же спросил: – К поездке готовы?

– Чего готовиться-то, билеты есть, вечером позвоню Юре, чтобы встретил, и с утра в дорогу. Правда, надо сувениры подкупить друзьям, для чего придется пройтись по магазинам, а затем ехать в Кунцево за вещами Елены.

– Когда вернетесь в номер?

– Бог его знает, точно сказать затрудняюсь.

– Надо определиться, когда деньги и письма вам отдать.

– По-хорошему это надо было сделать вчера на ужине, и сегодня не пришлось бы дергаться, – сухо заметил Эди.

– Может, до вашего выхода в город?

– Я готов, решение за вами, – промолвил Эди, поняв, что резидент уже принял такое решение.

– Хорошо, через полчаса спуститесь в буфет, там вас будет ждать Марк.

– А чего в номер не придет?

– Не хочу, чтобы наша каратистка видела, как он будет передавать конверты. Мы на этот счет уже говорили.

– Хорошо, пусть будет так, – согласился Эди, кивнув в знак благодарности Елене, которая поставила перед ним чашку кофе. При этом еще успел подумать: «Как же ей удастся готовить такой нежный напиток из обычного молотого кофе, а у меня, как бы ни старался, получается общепитовский суррогат, подобный тому, чем потчуют современные нэповцы неосторожных кофеманов в современных московских забегаловках, рядящихся в кафтаны русских бистро».

– По посылкам, ой, передачам, поступим, как договорились.

– Подскажите, чтобы принесли открытыми, там их все равно будут вскрывать.

– Конечно, конечно, я обо всем предупредил, так что не беспокойтесь, – пропел Моисеенко и затем добавил: – Кажется, это все, что хотел на этот раз сказать. Да, чуть не забыл, Анна Ильинична просила передать вам привет, вы ее просто пленили, я даже начинаю ревновать.

– Передайте ей, что она нам тоже понравилась, особенно Елена часто вспоминает ее добрым словом.

– Обязательно передам, доставлю ей удовольствие, а теперь откланиваюсь, ко мне люди заходят, до свидания, – торопливо промолвил Моисеенко, и в следующее мгновение Эди услышал гудки.

Положив трубку, он зажмурил глаза и расслабленно прислонился к спинке кресла.

– Достал он вас? – заботливо спросила Елена.

– Если честно, бесконечно надоел, – улыбнулся Эди и, раскрыв глаза, склонился над чашкой кофе.

– Расскажите, о чем говорили, ведь вы называли мое имя?

– Обязательно, как только вернусь, – ответил Эди, сделав небольшой глоток. – Сейчас надо идти, – добавил он и, резко поднявшись, направился в буфет...

Марк сидел за одним из четырех столиков и ел яичницу с ветчиной, запивая ее распространенным в Москве чешским пивом. Купив такую же бутылку пива, Эди подсел к нему, благо три остальных столика были заняты полдничавшими обитателями гостиницы.

– Привет, вижу, проголодались, если за такую калорийную пищу взялись, – растянул губы в улыбке Эди.

– Привет, я бы с удовольствием поел что-нибудь посущественнее, – ухмыльнулся тот, стрельнув исподлобья в Эди быстрым взглядом.

– Так в чем дело, пойдете и наедемся до отвала за мой счет, – предложил Эди.

– Надо передать и возвращаться, – пояснил он, скосив глаза на прикрытый газетой «Правда» сверток, что лежал у него по правую руку.

– Там что?

– Письма и пятнадцать штук, если еще понадобится, привезу как в прошлый раз.

– Понравилось ездить в Минск? – улыбнулся Эди. – Наверно, кралю там завели.

– Куда уж, езжу лишь по делам, – отпарировал Марк.

– Думал, передачи вы принесете.

– Не я, а тот, кто за Олега платил.

– Обе, что ли?

– Вроде да, – сказал Марк, вопросительно уставившись на Эди.

– Так его, насколько помню, ни Александр, ни Андрей Ефимович не знают.

– Эди, давайте лучше о другом, а то опять запутаете, – ощерился Марк. – Кстати, вы не забыли о нашем уговоре?

– Это насчет Гюнтера?

– О нем, конечно.

– Как можно, мы же договорились.

– Ладно, тогда услуга за услугу, – хмыкнул Марк, а затем продолжил: – Гриша тоже туда едет, будет там параллельно с вами какие-то дела решать. А с учетом того, что он зол на вас за посрамление перед Андреем Ефимовичем, как бы не попытался отомстить.

– Не пойму, как параллельно работать, ведь у него там нет никаких знакомых, – недоуменно обронил Эди, а у самого мелькнула мысль: «Видно, что-то не ладится в резидентуре, если шпионы друг на друга бочки катят. Неужели национальные интересы берут верх над корпоративными договоренностями?»

– Это не совсем так, он знает Олега и его друга, кто вам посылку принесет, а также очень авторитетного в Минске человека, у которого Саша жил до ареста, а может, еще кого-нибудь, ведь он там не раз бывал и даже в села ездил.

– Охо, вот теперь, Марк, до меня начинает доходить смысл ваших слов о возможной мести, – тепло произнес Эди. – И насколько я понял, вы предостерегаете меня от того, что Гриша и его знакомый, который дружит с Олегом, могут подставить меня с передачками?

– Вроде так, – несколько смутившись, согласился Марк, а потом торопливо добавил: – Но я такое не говорил, вы сами догадались.

– Спасибо, дорогой Марк, буду вам обязан. – Интересно, а об этом знает Андрей Ефимович?

– Нет, конечно, иначе бы ему не поздоровилось.

– Выходит, он сознательно рискует?

– Да, надеется на защиту своего старого знакомого, перед которым робеет даже Андрей Ефимович.

– О как интересно, – восхитился Эди. – Наверно, он самый главный в Росвнешторге человек, если перед ним робеет ваш шеф? – спросил он, подумав при этом, не о Джоне ли речь идет.

– Эди, я и так много сказал, но это исключительно из уважения к вам и надежды на укрепление наших отношений, но давайте не будем дальше углубляться.

– Хорошо, не хотите, не будем, – улыбнулся Эди. – Но тогда хоть подскажите, кто такой этот авторитетный минчанин, который дружит с Гришей, и следует ли мне ждать от него пакостей?

– Вряд ли, он так привязан к Саше, что, если узнает о вашей помощи ему, наоборот будет благодарен.

– Но как он узнает? Я же не пойду к нему с такой новостью, тем более без просьбы Александра, – как бы засомневался Эди, а в голове в этот момент пронеслось, а не едет ли Гюнтер в Минск подчистить шпионские следы Иуды и Шушкеева, в том числе с помощью их минских связей.

– А вы расскажите Саше, кто к его приятелю едет, – вкрадчивым голосом посоветовал Марк.

– И что это даст? – улыбнулся Эди.

– Думаю, Саша подскажет вам, что делать.

– Марк, скажите, пожалуйста, этот тип и вам насолил?

– Не то чтобы насолил, просто сует нос, куда его не просят.

– Скажите точнее, и я помогу вам справиться с ним, – твердо сказал Эди, слегка наклонившись к собеседнику.

– Побьете, что ли? – хихикнул Марк.

– Если надо, и побью, итак, слово за вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.